АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Абгосиздат
Сухум 2013

ББК 84(5Абх) 6-5я4
А 17

Редколлегия:
Гогуа А. Н. (председатель), Аджинджал Ш. М., Бигуаа В. А., Гублиа Г. К., Мукба А. К., Начкебиа Д. К., Хашиг Н. Ч.

Составители:
Бебиа П. Х.
Саканиа Г. В.
Габелиа Д. П.

А 17 **АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ.**
Абгосиздат. Сухум, 2013. – 320 с.

В сборник вошли стихотворения абхазских поэтов, начиная с основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа и заканчивая современными молодыми поэтами.

Сборник приурочен к 80-летию Союза писателей Абхазии.

ББК 84(5Абх) 6-5я4

© Абгосиздат, 2013

Дмитрий Гулиа

1874–1960

СТАРИКУ

Пускай все люди говорят – ты стар,
Колени слабые и сгорбленным ты
стал.
Ну а в глаза твои те люди заглянули
И убедились, как зрачки сверкнули,
Когда смотрел ты на вершины скал?
Все говорят, дружище, про года.
А сердце слышали они твое?
Нет или да?
Конечно, нет!
Горит огонь нетленный,
Ты проникаешь мыслью
дерзновенной,
Как острою ракетой, – в глубь
вселенной,
Где и твоя звезда горит, твоя
звезда!
Пусть люди говорят,
Что стар ты стал.
Но с юных лет ты ум свой, как
кинжал,

Оттачивал. И потому он прочен,
Не знает устали ни днем, ни
ночью, –
Доныне молод, закален, отточен
Упрямый, нержавеющий металл.
Дружище, ты не стар, совсем не
стар!
Лишь только не давай, чтоб
сердца жар
Угас. Ни мысли не давай покою,
Ни сердцу, ни себе.
Тревогою такою
Ты сохранишь весны бесценный дар.
Дружище, ты не стар, совсем
не стар!

Перевод Е. Долматовского

Я У МОРЯ ЖИВУ

Я у моря живу. Открыт предо мной
Необъятный простор голубой.
И когда я спускаюсь к нему, то сперва
Камни крепкие под ногой.
Дальше – галька и мягкий песок…
Я на волны гляжу – белеют они,
Я на горы гляжу – синеют они.
Небосвод несказанно высок,
И сверкают звезды на нем
Золотисто-янтарным огнем.
Поучиться премудрости жизни у моря
Я сегодня хочу, чтоб корабль свой
вести,
С ветром встречным и волнами споря.
Нет, не отдыха я ищу

В задушевной беседе с пучиной
кипящей!
Чувства новые в ней почерпнуть я
хочу.
Жить как море, в труде и борьбе
настоящей.
Неустанно ворочая
глыбы камней
И немолчно шумя
всею ширью своей.

Перевод В. Державина

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Я над утренним морем стою
И под шум его думаю думу мою:
Вот каким должен быть
Человек настоящий –
Необъятный душой, как оно,
Полный силы живой, как оно,
Как простор этот, вечно шумящий,
Мчащий бурные волны в разгоне
безбрежном,
Должен быть он и ласково-нежным,
Словно море летней зарей.
И таким после жизни своей
Будет в памяти жить он людской.

Перевод В. Державина

ПАРУС

Парус в море лазурном
Уплывает под солнцем куда-то,

Чуть качаясь на тихой волне.
Скрылся вскоре
Бесследно
В сияющем море.
Будто не был он,
Будто приснился во сне.

Так иные из нас
По затишью житейских заливов
Без забот и трудов
Проплывают по воле судьбы;
И они, как тот парус, уходят из глаз,
Исчезают навек, без следа.

И не знаешь ты: жили они
Или не было их никогда.

Перевод В. Державина

ОЛЕНЬ

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки…
Рога – как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

И пусть окружен он и ранен,
Но он на колени не пал –
Минуту живым изваяньем,
Рогами сверкая, стоял.

Под кручей туманы клубятся
И пропасть лежит, как в дыму…
Он сделал, что мог. И ему
Теперь – погибать или сдаться.

Казалось, он должен смириться, –
Охотник живым заберет…
Но, ринувшись в пропасть, вперед,
Он стал на мгновение птицей.

И люди, у бездны на грани,
В молчанье следили за ним,
Пока он не скрылся в тумане,
По-прежнему непобедим…

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.

Перевод М. Соболя

ГОРЫ ЦВЕТУТ…

Горы цветут,
Долины цветут,
Рощи цветут.
Любимый край,
Когда же расцветешь ты?
Отвечай.

Разбужены поля,
Разбужены леса,
Разбужены народы.
Любимый край,
Проснись и ты! Вставай!

Гляди вокруг: разбужены народы.
Они шумят, как в половодье воды.
Так что же медлишь ты,

Любимый край?
Я тормошу тебя. Вставай, вставай!

Перевод Ф. Искандера

ХОДЖАН БОЛЬШОЙ

Мне нравится Ходжан Большой:
Хозяйство, дом, чулан большой,
Битком набит карман большой;
Сам спесью обуян большой.

Овец в отарах – ввек не счесть.
Зерна в амбарах – век не съесть.
Ходжан в безделье видит честь,
Оно не может надоесть.

У каждого еду и кров
Ходжан Большой отнять готов.
Он разорил сирот и вдов
И обездолил бедняков.

Друг с другом стравливать крестьян
Умеет наш Большой Ходжан.
Великий спорщик и смутьян,
Он сеет ложь, вражду, обман.

Ходжана распри веселят,
Ходжан кровопролитью рад.
Он погребальный чтит обряд,
Поминки пир ему сулят.

Семь сыновей Ходжан Большой
Взрастил, и все черны душой.

В отца и старший и меньшой,
Их ремесло – грабеж, разбой.

У молодцов обычай крут:
Над встречным чинят самосуд.
Перечить им не вздумай – тут
И вовсе голову снесут!
Хоть сам Ходжан еще наглей
Головорезов-сыновей –
Не избежал он черных дней,
Дождался гибели своей.

Вступил он с Богом в спор большой.
Пришел к Ходжану мор большой.
И дом стал пуст, и двор большой.
И нет семьи с тех пор большой…

Эй, что с тобой, Ходжан Большой?
Тебе урок был дан большой!
В твоем саду бурьян большой,
А над тобой курган большой.

Перевод В. Потаповой

ВСЁ

Чуть слышный шепот, поцелуев звук,
злость ревности, тоска любовных мук,
святая верность, рук твоих кольцо,
измены искаженное лицо,
смешное слово, музыки напев,
и месть врагу, и ненависть, и гнев,
бессонница усталых матерей,
бессмертные дела богатырей,

великих революций торжество,
победный путь народа моего,
землетрясенья судорожный миг,
в тиши журчащий маленький родник,
истории бездонной глубина,
и светлого грядущего весна,
и жизнь в цвету, и смертный крик во мгле,
и нерушимый мир на всей земле,
и марш колонн, и широта дорог –
все для стихов,
для мужественных строк –
тех, что дойдут до сердца и ума…
Все для стихов –
Таких, как жизнь сама!

Перевод М. Соболя

Иуа Когониа

1904–1928

МОЯ ДОРОГА

Все дальше от знакомого порога
Ведет меня, зовет меня дорога.
Мне все ее тревоги по плечу.
Сворачивать с дороги не хочу.

Она меня берет, не извиняясь,
Ведет вперед, все время изменяясь,
Она бывает легче и трудней, –
Но думаю, что не ошибся в ней.

Пусть ветер налетит, в лицо мне дуя,
А все равно с дороги не сойду я –
Ну как своим товарищам скажу,
Что я с дороги избранной схожу!

Ведь я друзей имею настоящих,
За правду неподкупную стоящих.
Мне с этими друзьями – по пути,
И значит – мне с дороги не сойти…

Мой труд лишь полной требует отдачи.
Сопутствуют удачам неудачи.

Лишь стих, что нас волнует, – сердцу мил,
А что меня волнует? Целый мир!

Итак, мы прочно связаны отныне.
Не брошу я тебя на половине.
Лишь чувствам сокровенным отдаю
Я книгу откровенную мою.

Писать о самом главном не устану,
И правду говорить не перестану.
Мне все тревоги жизни – по плечу.
Сворачивать с дороги не хочу!

* * *

Время движется. Я мальчик. Время движется.
Как-то сразу дни нахлынут – и растают.
Закрывается раскрашенная книжица,
И мужчины из мальчишек вырастают.

Время, время, ты куда несешься бешено –
Так и падают секунды, часто-часто,
Поторапливаешь конного и пешего,
У меня крадешь минуты ежечасно.

Ты бежишь себе неведомыми тропками,
Оставляя нам зарубки и пометки.
Придержи, прошу, часы свои торопкие,
Сделай милость превеликую – помедли!

ДОБРЫЕ ПЕСНИ

Гора была круто пока́та,
Травой и цветами богата.

Смотрел я с высокой вершины
На красное пламя заката.
Там солнце садилось вдали,
У самого края земли.
Заря уподобилась лугу,
Где алые маки цвели.

А дальние горы блистали
Оттенками розы и стали.
Тяжелые серые камни
Зеленой травой обрастали.
Махал я рукой косарю,
Шагавшему прямо в зарю, –
Мол, все эти горы и долы
Тебе, земледелец, дарю!

И птицы внезапно запели,
Подобные горной капелле,
Подобные гулу дождинок
И звону весенней капели.
«Ах, полночь, – я думал, – приди,
Певцов озорных укроти,
Не то мое бедное сердце
Сейчас разорвется в груди!»

Но милые птицы кричали –
Их бережно ветви качали,
И в пенье не слышалось грусти,
За душу берущей печали.
Я долго сидел без огня.
А птицы летали, звеня.
Их старые добрые песни
В горах задержали меня.

АБХАЗИЯ

Черное, как ворон, покрывало
Тщательно черты твои скрывало.
На тебя ложилась тень косая –
Тучи шли, дождями нависая.
Где-то людям солнце раздавали –
До тебя лучи не доставали:
Черное глухое покрывало
От дневного света укрывало.

Ветер прилетал к тебе украдкой,
Обращался ветер с речью краткой:
– Радость одарит тебя дарами –
Этот день уже не за горами!..

Говорил он правду, ветер вещий.
Становился крепче он и резче.
Как подул он, бурю вызывая, –
Разлетелась туча грозовая.

Черное сорвал он покрывало –
Будто бы его и не бывало,
И хребты, черневшие ночами,
Вспыхнули под вешними лучами.

Радуйся, земля, соседству с ветром,
Колосись под этим небом светлым,
Расцветай травинкою любою –
Нынче дело только за тобою!

* * *

Темною ночь была.
В округе – ни огонька.

Небо окутала мгла.
Лишь север светлел слегка.

Ветер крыльями бил
В окна сонных лачуг,
Небо снегом слепил,
Выл, разъярившись вдруг.

Скоро смолкла пурга.
Очистился небосвод.
Ярко сверкали снега.
Сковал растения лед.

Камнем стала земля,
Блистали снежинки звезд;
Инеем горы беля,
Потрескивал сухо мороз.

Зимняя ночь тиха.
Не слышно даже собак.
Редкий вскрик петуха
Вторгался в беззвучный мрак.

Зимняя ночь велика,
От снега белым-бела…
Ветер гнал облака.
Земля рассвета ждала.

Переводы Ю. Левитанского

Леуарса Квициниа

1912–1941

ЮНОСТЬ

В мире нашем радостей немало,
Эти расцветут, те отцветут…
Но пышней цветка не расцветало,
Чем цветок, что юностью зовут.

О, весна в разгаре и цветенье!
Жизни золотой солнцеворот!
Юность – это страсть и нетерпенье:
Боль палит, любовь жестоко жжет.

Помни, что весна – посева время.
Если не посеешь, не пожнешь.
Если ж доброе посеешь семя,
Значит, будет урожай хорош.

Так не занимайся пустяками!
Не бросай на ветер семена!
Чтобы жарко разгорелось пламя, –
Искра юности тебе дана!

АКВА

Сухуми, Аква – город мой,
Простясь – увы! – со всеми,

Прохладу моря, летний зной
Оставлю я на время.
Зеленых рощ твоих уют
На время я покину.
Прочь от тебя меня влекут
Серьезные причины.

Но я вернусь чрез краткий срок,
Как сын к отцу родному,
К тебе, о сил моих исток!..
Лишь тут я, вправду, дома!..

Вернусь… И словно бы Антей,
От радости немея,
Вновь прикоснусь к земле твоей
И стану тотчас же сильней,
И станешь ты сильнее.

ЭТО, КАЖЕТСЯ, ЛЮБОВЬ

Сердце хочет из груди
Вырваться на волю.
Ноги сами – погляди! –
Мчат меня в раздолье.

Ноги в пляс несут при всем
При честном народе,
Хоть горячих чувств подъем
Обуздал я вроде.

Но, порвав свою узду,
Чувство рвется выше –
К песне той, что, на беду,
Я все время слышу.

К той, что льется без конца,
Втайне от прохожих,
Это не апхиарца*!
Что же это? Что же?..

Закипает в жилах кровь
Я пропал!.. Я счастлив!..
Это, кажется, любовь –
Та, что не погаснет!

* * *

Я знал их гордый шум лесов,
Потоков горных трубный зов,
Рыбешку каждую в реке
И белый парус вдалеке,
Который надувать привык
Веселый ветер над волной,
Как у джигита за спиной
Летящий на скаку башлык.

О детства милая страна!
Ты вся до края мне видна…
Я помню запах, помню цвет
Блаженных юношеских лет,
Как таял постепенно день…
И я, пугливей, чем олень,
Дрожа в тени прибрежных скал,
Стихи незрелые слагал.
Все глуше детства голоса.
Все уже жизни полоса.
Бледней закатов красота.
Иные звуки и цвета
Сменили их, изгнали прочь!

*Смычковый музыкальный инструмент.

Иной казаться стала ночь,
Случайный день и утра свет…
Того, что прежде было, нет:
В лесу иная тишина,
В реке иная быстрина.

Не те кузнечики в траве,
Иные мысли в голове!..
Смех детства, детства тишина
Ушли, как резвая волна.

* * *

Я знаю, там теперь у нас
Деревья расцветают.
Я знаю, там в саду сейчас
Друзья мои гуляют.

Я знаю, рвут цветы они,
Подносят их подругам.
Я знаю, им свежо в тени,
Им так тепло друг с другом!

Я знаю, там теперь волна
Мерцает позолотой.
Купаются там допоздна…
Заплыл далеко кто-то.

И женский голос в тишине
Вдруг произнес двустишье.
И, верно, вспомнив обо мне,
Звучит смущенней, тише…

Я вижу это наяву,
Мне это ночью снится…

И тем дышу, и тем живу
Здесь, далеко, в столице.

СТИХИ МАТЕРИ

Как ты там?.. Что делаешь, родная?
Суетливо прибираешь дом?
Иль на двери смотришь, поджидая,
Думая все время об одном?

Если б весточку, что ты здорова,
Ты могла бы мне в письме прислать!
Но судьба была к тебе сурова:
Ты письму не обучалась, мать!

Чем вздыхать, печально брови хмуря,
Умножая серебро седин,
Мама, поиграй на ачамгуре
Песенку, что так любил твой сын!..

Иль под липою, забыв о горе,
Посиди и ветерку внемли,
Погляди, как вдалеке, по морю,
Тихо проплывают корабли.

Позови отца, и он подсядет,
Взглянет ласково тебе в лицо,
Мама!.. Дни бегут без остановки,
Вымолвит утешное словцо.

Мама!.. Дни бегут без остановки.
Я вернусь в родимые края.
И меня – смущенно и неловко –
Ты, как встарь, погладишь по головке
И по-детски счастлив буду я!

Переводы Ю. Нейман

Леонтий Лабахуа

1911–1938

ПРАВДА

В доме воцарилась тишина.
Лампа разливает свет дрожащий.
В эту ночь опять не будет сна,
Мысли обступили плотной чащей.
Эти мысли много дней подряд
Шелестят взволнованно, как флаги.
На столе передо мной лежат
Чистые полотнища бумаги.
Мысли гонят теплых снов уют.
И о смысле жизни человечьей
Шепчутся, вопросы задают…
Что я им и как я им отвечу?..
Я не стану говорить, что льва
Уложу я голыми руками.
Глупые, хвастливые слова
Не пошевельнут и малый камень.
Сердце жжет могущественный зной,
И ничто мне сердца не остудит.
На листках, лежащих предо мной,
Я хочу поведать правду людям.
Не хочу, чтоб люди обо мне
Говорили: «Сжег он все, что сеял!»
Я хочу помочь моей стране
Стать еще прекрасней и сильнее.

Перевод Ю. Вронского

ГОЛОС ТКВАРЧЕЛИ

Тысячелетий
Катятся волны.
Горы спокойны.
Горы безмолвны.
Тучи по кручам,
Тучи по скалам
Медленно ползают
Стадом усталым.
Падают троны.
Буйствуют войны.
Горы безмолвны.
Горы спокойны.
В тихих ущельях
Зелень ютится,
Сосны в утесы
Вцепились, как птицы.
Падают в вечность
Орлы и короны.
Дремлют на скалах
Крылатые кроны.
Пенится речка
В расселине горной,
Мельницу вечности
Крутит покорно.
Часто мерещится
Горному краю:
Горные духи
На горне играют.
Горы спокойны.
Так было.
Так будет.
Кто их,
Когда их,
Зачем их
Разбудит?

1

Братья Темраз и Тархуна
Бродят всю жизнь по ущельям.
Братья Темраз и Тархуна
Мало знакомы с весельем.
Были они пастухами…
Как-то они увидали
Уголь твердый, как камень,
Яркий, как черный пламень…
Черный, холодный пламень
Трогали братья руками…
Старший промолвил:
– Брат!
Сколько кругом добра!..
Это, пожалуй, стоит
Золота и серебра!..
Младший ответил:
– Да…
Видишь, а здесь руда…
Так и лежит не при деле…
Знаешь, мой брат, когда-нибудь
Люди придут сюда,
Знаешь, весь мир тогда
Заговорит о Ткварчели!
Людям откроют скалы
Тайны заветные,
Брат,
В этих горах немалый
Люди отроют
Клад!

* * *

Горы безмолвны.
Как было,
Так будет.
Кто их,
Когда их,

Зачем их
Разбудит?
В салки гоняют
Легкие козы.
Сосны роняют
Желтые слезы.
Смотрит Тархуна
На горное царство.
Плачут струны
Его апхярцы.
Брат подхватил
Заунывный мотив,
Голос Темраза
Высок и красив:

– Мой край родной, твои потоки
Чисты, прозрачны, как хрусталь.
Седые главы гор высоких
Надменно озирают даль.
Твои сосновые стволы
Пьянят нас запахом смолы.
Но что-то вечно тяготит нас!
Мой край, цветами ты украшен,
Тебе поет морской прибой,
В гостеприимном доме нашем
Приют находит гость любой,
И бесконечны, как года,
Твои огромные стада…
Но что-то вечно тяготит нас!
Мой край, ты птиц многоголосьем
Взрываешь утреннюю тишь.
Ты на земле растишь колосья,
А под землей руду таишь…
Но что-то вечно тяготит нас!
Оно мне свет застлало черным,
Оно велит мне быть покорным,
Оно зовется рабством…

* * *

Белоголовые,
Мудрые старцы,
Слушают горы
Плач апхярцы…
Весть из Ткварчели
Слушают люди,
Страшную жажду
Весть эта будит…
Весть из Ткварчели
Узнал толстосум…
Спазмы в груди…
Помрачается ум…
Где-то в горах,
У аула какого-то,
Черное золото!
Черное золото!
Кажется, горы,
Час ваш настал!
Уголь ваш скоро
Вырвут у скал!

* * *

Но пролетают
Ночи и дни.
Бродят по скалам
Козы одни.
Выстрел абрека
Изредка грохнет
И, прокатившись,
Где-то заглохнет…
Насторожится
Дикая птица,
Вскрикнет – и снова
В сон погрузится…
Горы спокойны.
Так было.

Так будет.
Кто их,
Когда их,
Зачем их
Разбудит!

2

Как-то в горах
Разразился гром
Голубым, безоблачным днем…
Сонная вечность
Протерла глаза.
Что здесь случилось?
Откуда гроза?
Загрохотала:
– Гр-р-рум-м, бум-м!
Рушатся скалы:
– Гр-р-румм, бум-м!
Грунт взлетает,
Как пух, покорен.
Не устоит
Ни кремень, ни корень!
Это народ наш
Идет
Вперед,
Он богатства
У недр берет!
Это не молния
И не гром,
Это полная
Жизнь кругом!

* * *

Солнце пылает
Улыбкой яростной

Над панорамой труда
Многоярусной.
Скал клыки
Висят над ущельями.
Черные пасти
Пещеры ощерили.
Вот на призыв
Медногорлого горна
Люди прячутся
В пасти черной.
Словно орехи,
Скалы раскалывают
Грозные молоты
Аммоналовые.
С визгом несутся
Кремневые брызги.
Тонут глыбы
В речке Гализге…

* * *

Скалы, уйдите с пути!
Дайте народу пройти!
Прочь пустую породу!
Уголь нужен народу!
Недра штурмует
Советский народ!
Вперед, комсомольцы,
Герои, вперед!

* * *

Разноязычный
Говор вокруг.
Майзель, Гриценко,
Орлов, Полищук,
Нушке, Бакрадзе…

Немец, грузин,
Сван и абхазец –
Все как один
Машут кирками,
Камень дробят.
Крепче, чем камень,
Дружба ребят.

* * *

Слышали цокот
Адской погони? –
Вышли на скачки
Лучшие кони.
Белая лошадь
Первой идет,
Лебедем белым
Рвется в полет.
Следом за белой,
Не отставая,
Черною тенью
Летит вороная.
Миг напряженья –
И вороная
Вырвется! Ну!..
Поднатужься, родная!..
Две бригады,
Как борзые кони,
Сил не жалеют,
Гонят и гонят!..
Твердая воля
В каждом движенье,
И бесконечный
Миг напряженья…
Не из-за денег,
Не за награду

Перегоняет
Бригада бригаду.
Этой работе
Название:
Социалистическое
Соревнование.

* * *

Снова катится
Горн по ущелью,
Люди прячутся
В горной пещере.
Прочь, помехи!..
Заряд аммоналовый,
Словно орехи,
Скалы раскалывает…

3

Радостно, шумно
Сегодня в Квезани.
Люди, как дети,
Сияют глазами.
Звуки веселого
Марша слышны…
Кто-то вспомнил
Про жизнь старины…
На богатея,
Словно рабы,
Кровью потея,
Гнули горбы.
В доме бедность,
В сердце тоска…
Сколько еще
Эти цепи таскать?..

* * *

Радостно, шумно
Сегодня в Квезани.
Музыка.
Люди сияют глазами.
Воля, народ,
Воплотилась твоя!
Прямо в Квезани
Идет колея.
Черные полосы стали –
Путь в небывалые дали!..
Люди на рельсах
Столпились в волненье.
Ждать уже нет
Никакого терпенья!
Нетерпеливо
Над головами
Бьется, как пламя,
Алое знамя…
Слушайте, слушайте,
Горы Ткварчели,
Это стальные
Пути загудели!..
Поезд все ближе…
Взметнулось вокруг
Море рабочих
Мозолистых рук.
Самая старая
В мире гора
Не слыхала
Такого «ура»!
Музыка медно,
Победно гремит.
Ленту разрезали!
Путь открыт!

* * *

И вот не в стихах,
Не в газетной заметке
Полные угля
Бегут вагонетки!
Эй! Кто там встал?
Отойди скорей!
Движется уголь!
Держись левей!
Но вот вагонетки,
Как птицы, взвились
В синее небо,
В орлиную высь!
Попирая небесный свод,
По проводам
В паланкинах плывет,
Движим электричеством,
Черный, как негр,
Его величество
Король недр!

Перевод С. Сорина

Киазым Агумаа

1915–1950

СЕМЬЯ ГЫДА

У Гыда малая семья:
Он сам, жена и сыновья,
Их трое. Старшему пять лет,
А младшему и года нет.
У Гыда пацха – решето,
В ней щелей насчитаешь сто.
Хлев обветшавший и кривой
Склонился набок головой.
Лишь отойдет пора зимы –
Наш Гыд берет быков взаймы.
В соху он запрягает их.
(Сосед ему давал своих,
Всегда глумясь над бедняком.)
Однако наша речь о ком?
Джагуатан – проныра, пес!
Он Гыда доводил до слез.
Он грабил всех, и не мала
Расплата за быков была.
Он рыскал по ночам, как вор,
На всякий забирался двор,
Моргал глазами, как шакал,
Согнувшись, всюду проникал.
И к нам он попадал не раз.

Все высмотрит лукавый глаз.
Во все он забежит концы.
Там стащит дыни, огурцы,
Там – кукурузу и тайком
Добро к себе волочит в дом.
Но под ударом бурных гроз
Погиб бесславно жадный пес.
Октябрьской бурею сметен,
Исчез без завещанья он.
И, отдыхая от обид,
Вздохнул свободно старый Гыд.
С друзьями он в колхоз вступил,
Живет он, полный новых сил.
Три года пронеслись, и тот,
Кто знал когда-то тяжкий гнет,
Невзгоды все преодолев,
Построил дом и новый хлев.
Высок и светел Гыдов дом.
Достаток видится во всем.
Из шелка платья у жены,
И в школе учатся сыны.
Вот как живет семья теперь,
И скорбь и страх ушли за дверь,
И патефон поет подчас:
«Уасарайда, сиуарайда,
Веселый труд ждет утром нас».

Перевод С. Спасского

В САДУ

Я вновь в саду, тревожим песней…
Куда ни глянешь – благодать.
Здесь нежен ветер, и прелестней
Вам в мире сада не видать.

Пред красотой бессильно слово,
Прохлада льется, как струя,
И у растения любого
Есть тайна нежная своя.

Я слышу веток тихий шорох,
Как бы беседу о любви,
И листьев шепоты, в которых
Стихи предвижу я свои.

Я помню: птицы пели хором.
Сидел я, преданный мечте,
И Квикви образ перед взором
Мелькал в вечерней темноте.

Чуть слышным шелестом о Квикви
Напоминая мне опять,
К моим ладоням ветви никли,
Как бы желая их пожать.

Иль думали питомцы сада,
Что я грущу наедине?
Но ведь она, моя отрада,
Всегда со мной, всегда во мне!

Ведь окрыленная машина,
Смех комсомолки молодой
Чудесней сказок Шарадина
И грез о царстве под водой!

Я вновь в саду, тревожим песней…
Куда ни глянешь – благодать,
И ни душистей, ни прелестней
Вам в мире сада не видать!

Перевод В. Брика

* * *

Вспыхнул порыв в глубине сердечной,
Сжился с душой, не прошедши мимо.
Явился он не как первый встречный,
Но в срок, по зову, неотвратимо.

Не мальчик я, хоть и жил не много,
И не старик с дорожной клюкою.
Пряма, как стрела, моя дорога,
И жажду делом я успокою.

Видал Баку, Тбилиси, Москву я,
Мне милы они, как мой Сухуми.
Не плачь же, Квикви моя, тоскуя,
Не предавайся печальной думе!

Нет у тебя, голубка родная,
Скорби ни маленькой, ни великой.
Смейся же, взглядом тепло сияя,
Беды на нас и впрямь не накликай!

Пусть не мрачнеет темное око,
Солнце мое в небесном просторе!
Пусть мы не вместе, пусть ты далеко,
Разве такое уж это горе?

Я и сейчас твой портрет целую,
С любовью его беру я в руки.
Кто носит в сердце любовь такую,
Того не пугает боль разлуки.

Не превращай царапинку в рану,
Счет не веди ты ложным обидам.
Правде служу я – и лгать не стану:
Тебя и край свой, клянусь, не выдам.

Перевод А. Кочеткова

АБХАЗСКИЕ ГОРЫ

На заре на перевалах,
Где луга в цветах лежат,
Где в зеленых покрывалах
Рощи тихие стоят, –

Там, по травам пробегая,
Ветерок порой шуршит,
То к деревьям припадает,
То уйти от них спешит;

Там пастух бредет с отарой,
Песню тихую поет;
Он спокоен, горец старый, –
Нет ни горя, ни забот.

И спокойно, горделиво
Скалы высятся, блестя, –
Беззаботны, молчаливы,
Будто спящее дитя.

Далеко, журча и пенясь,
Ручеек несется с гор.
По лощинам льется песня –
Славит солнце птичий хор.

Все залито ярким светом,
Миг – и туча вдруг идет.
Ослепительною лентой
Опоясан небосвод.

Есть ли что прекрасней в мире
Блеска молний над горой,
Грома в поднебесной шири
Над обмершею землей?

Я смотрю вперед без страха…
Белым пологом укрыт,
Недвижим, седой Ерцаху,
Как мудрец, вдали стоит.

Перевод Б. Серебрякова

ПИСЬМО В АПСНЫ

Ты далеко, но как вчера
Волны морской я помню плеск,
Мимоз дыханье по утрам
И золотого солнца блеск.

Там каждый дом – среди садов,
В цветах он утопает весь,
И через семь крутых хребтов
Туда летит пастушья песнь.

Ты далеко, и только сны
Напоминают отчий кров,
Но я вернусь к тебе, Апсны,
Из Брянских сумрачных лесов.

Пролить не жаль мне кровь свою,
Рука в бою не задрожит.
Я клятву родине даю,
Что и пред смертью крикну: «Жизнь!»

Мечом врага сразив в борьбе,
Что цепи нес стране родной,
Апсны, я вновь вернусь к тебе
Цветущей розами весной.

Помчит араш меня в края,
Где снова ввысь несется песнь,
И скажет мне любовь моя:
– Герой, привет тебе и честь!

Перевод А. Оленича-Гнененко

Шалуа Цвижба

1912–1987

ПИСАТЬ НА КОЛЫМУ

Я от бессонной памяти зависим,
она влечет к рабочему столу –
писать на Колыму, в потоке писем
реке страданий воздавать хвалу.

Размах всепоглощающего края
вошел в меня сто лет тому назад.
Студеный край, которому, сгорая,
я отдал все, чем от роду богат.

РОДНИК

Среди людей, с которыми на воле
общаешься сегодня, есть и те –
предавшие тебя в года недоли,
забывшие о том по простоте…

Не вспоминай, не говори ни слова,
забудь свою обиду навсегда.
Пусть юношеской дружбы родниковой
не помутнеет
чистая вода.

МУЗА

Ты – ночь и день, потемки и сиянье,
ты холод и тепло, мороз и зной.
Ты – год 37-й, ты – увяданье,
и ты – цветенье, 56-й.

Живешь, добро и зло перемежая,
во тьме глухой рождается заря.
Благодарю тебя,
сестра родная!
Не помню зла, тебя благодаря.

ОЛЕНУХА И ОЛЕНЕНОК

Я перешел за грань запретной зоны
в тайгу – и, если встретится, стрелок
убьет – и будет прав стрелок зеленый.
Пускай, всему свой срок и свой итог.

Но кто со мною рядом? Оленуха
и олененок махонький при ней.
Перехватило дух.
Хватило б духа
мне чудо жизни пережить полней!

К СУДЬБЕ

С тобой смириться нет резона мне,
шагаю против твоего потока,
и ты со мной расправилась жестоко –
твой бич гуляет по моей спине.

Твой бич гуляет по моей спине,
но я не покорился тем не менее,

а если б согласился на смиренье,
то не было б давно меня во мне.

0НЕ СПЕШИ

О лето быстролетное, о лето,
блужданье света в сумрачной глуши,
еще не все вокруг тобой согрето,
а ты уже уходишь, – не спеши.

Пылающие выдохнула горы
из ледяного сердца Колыма –
цветами, остывающими скоро,
заслонена
вселенская тюрьма.

БИБЛИОТЕКА

Единственное утешенье зэка –
библиотека Губина Петра.
Досталась нам его библиотека,
исполненная правды и добра.

Его глубокой ночью из барака
ввели во тьму, откуда хода нет.
«Я кое-что оставил вам, однако…»
Мы в ужасе ему смотрели вслед.

НЕ ДУМАЙ ОБО МНЕ

Не думай обо мне, молю, не надо,
со мной случилась страшная беда.
Туда, где гор немотствует громада,
Я удален, похоже, навсегда.

Не думай обо мне, мое моленье –
страх за тебя в таежной стороне.
В эпоху нашу думать – преступленье,
утешь меня – не думай обо мне.

Переводы И. Фаликова

Баграт Шинкуба

1917–2004

ОСЕННИЙ САД

Хурма в саду благоухает,
Вздыхает розовый гранат,
И с лоз опущенных свисает,
Как уголь черный, виноград.

И листья падают, и к югу
Уж потянулись журавли
И, подавая весть друг другу,
Перекликаются вдали.

Плоды румяные откинув,
На взгорье яблони стоят,
И сотни желтых мандаринов
Сквозь зелень яркую блестят.

А за изогнутым гранатом,
К земле пригнувшим тонкий стан,
В лицо мне дышит ароматом
И акакач и ахардан*.

Как здесь отрадно вечерами,
Когда алеет виноград

*Сорт винограда.

И ветви, полные плодами,
К земле склоняет пышный сад.

Когда от отблесков багряных
Он вспыхнуть, кажется, готов
И окровавлен на платанах
Их густолиственный покров!
Спеши, садовник, в день погожий
Собрать богатый урожай –
Лимон с его шершавой кожей
И мандарин, с луною схожий, –
И зиму радостно встречай!

Перевод Б. Брика

НЕ СПРАШИВАЙ

Когда окно в закат на склоне дня
Откроешь ты и у калитки сада
Растерянного высмотришь меня,
Вопросов едких задавать не надо.

Не спрашивай, кого так долго жду,
Зачем стою под окнами без цели,
И не боюсь ли злых собак в саду,
Которых, может, нет на самом деле.

Неужто же и впрямь моей тоски
По-женски ты не чувствуешь?! Едва ли…
Уж лучше бы и вправду на куски
Меня собаки ваши разорвали.

У родника ловя в кувшин струю,
Поймав мой взгляд, исполненный
тоскою,

Не спрашивай, зачем я здесь стою,
Не потерял ли что-нибудь такое?

Вода в твоем кувшине холодна,
Но я в ее целительность не верю,
Сердечный жар не остудит она, –
Не предлагай же мне запить потерю.

Ты не заметишь сердца моего,
Потерянного здесь, на горной тропке,
Не спрашивай же лучше, для чего
Стою и жду, растерянный и робкий.

Перевод А. Межирова

В БЕЛОЙ КОФТОЧКЕ

В белой кофточке – не ты ли?..
Не твои ль черты,
Те, что сна меня лишили?..
Ты или не ты?..

В белой кофточке нарядной,
Оглянись назад!
Оглянись, будь ты неладна!
Слышишь, – говорят!..

Только ты мне повстречалась,
Тесен стал мне свет…
Обожди хотя бы малость!..
Слышишь или нет?..

Я цветы пытал в печали…
Ласточек, подруг…
– Нет ее, – мне отвечали, –
Ускользнула вдруг.

Не успел я вынуть жребий,
Как пришла беда.
Нет тебя, но светит в небе
Мне твоя звезда.

Образ твой везде витает…
Только всякий раз,
Как приблизишься, растает,
Уплывет из глаз…

И сейчас опять не ты ли?..
Не твои ль черты,
Те, что сна меня лишили?..
Ты или не ты?..

Если ты, постой на месте,
Гнева не тая…
Дай пойдем по жизни вместе,
Милая моя!

Перевод Ю. Нейман

* * *

Ночной листвой венчая наши встречи,
Весенний сад неудержимо цвел.
Ну, а теперь сутулит зябко плечи,
Дрожит под ветром, холоден и гол.

Безлиственных ветвей озябли руки,
Безлунна высь. Густа завеса тьмы.
И мы выходим на рубеж разлуки,
Как вышла осень на рубеж зимы.

Простимся без упрека и укора,
Без жалких слов душевной суеты.

Все ближе полночь. И еще не скоро
В наш сад вернутся листья и цветы.

Но в час, когда весна своим дыханием
Сад нашей встречи пробудит опять,
И мы, быть может, для любви воспрянем…
Но я не в силах это предсказать!..

Перевод А. Межирова

* * *

Лунным светом озарена
Дорога, бегущая вдаль.
Что ж завернулась стыдливо луна
В облачную летучую шаль?

Скинь покрывало, блесни мне, как встарь,
Дай на тебя взглянуть мне, луна!
Песня, как найденный в море янтарь,
В дар тебе мною принесена.

Перевод А. Межирова

* * *

Так трудно душа покой обретала,
Забыться мечтала, печаль унять…
И вот начинается все сначала –
Старая песня звучит опять.

Опять возникает из мрака ночного
Лунное море, ущербный свет.
Милая песню поет мне снова,
Вырвался голос из плена лет.

Песня… Она над водой летела,
Она безраздельно владела мной,
Счастьем наполнила до предела
Меня и весь этот мир ночной.

* * *

Густой и белой пены молоко
За дамбой докипает еле-еле.
Лежу, вдыхая воздух глубоко,
На ласковых волнах, как в колыбели.

Парная предвечерняя вода,
И шепот волн доносится до слуха:
«Усни! Останься с нами навсегда!
И мы стелиться будем мягче пуха…»

Нет! Я остаться с вами не могу,
Не завладеть вам чувствами моими,
Ждет женщина меня на берегу
И на песке мое рисует имя.

Напрасно волны мне сулят уют,
Напрасно льнут, ласкаясь, к изголовью,
Они вовеки имя не сотрут,
Начертанное истинной любовью.

Перевод А. Межирова

* * *

Закатом высвеченный ало
Вечерний берег был высок,
И море глубоко дышало,
Накатываясь на песок.
Вздымая грудь, оно дышало,

И я сказал тебе:
«Смотри!
На волнах, плещущих устало,
Раскинулся ковер зари».

Но если… если нам с тобою
Расстаться суждено судьбою,
Ты не забудешь обо мне, –
Я выткал для тебя когда-то
Ковер зари, ковер заката
На вечереющей волне.

Перевод А. Межирова

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Прогибают лозу виноградные гроздья.
Здравствуй осень! Желанная, жданная
гостья!
Горьковат и дремотен твой медленный дым.
Он с усильем себя от земли отрывает.
Молодой виноград янтарем отливает,
Виноград наливается соком густым.

Дунет ветер, и, словно костер языкаты,
Опускаются на виноградник закаты,
На забрызганных гроздьях багрянцем горят,
И в ответ на осеннего ветра угрозы
Безмятежно и радостно шепчутся лозы:
«С новым счастьем! Созрел молодой
виноград!»
Винодел бородатый и седоволосый
Загляделся на обремененные лозы,
Тяжесть гроздьев осенних измерил
на взгляд.

Пышут черным огнем угольки винограда,
И разросшийся сад неоглядно громаден.
С новым счастьем! Созрел молодой
виноград!

Для него в эту пору в деревне повсюду
Приготовить спешат поудобней посуду,
И корзины из прутьев везде мастерят,
Возле каждого дома плетут и латают,
И задорные песни цветут и летают:
– С новым счастьем! Созрел молодой
виноград!

Восседает красавица на галерее,
Перечистить орехи спешит поскорее,
Нанизать их на нитку торопится в ряд,
И улыбку таит, соблюдая приличье.
Переполнено радостью сердце девичье:
– С новым счастьем! Созрел молодой
виноград!

Не напрасно друг друга друзья торопили,
Скоро сдвинутся тесно стаканы на пире,
Заискрится маджари на длинном столе.
И к садам по-осеннему желто-зеленым
Обратятся крестьяне с глубоким поклоном,
Благодарные матери щедрой земле.

Перевод А. Межирова

* * *

В темное небо ночное вглядись,
Бархатом синим выстлана высь.

Звезды мигают в выси ночной,
Звезды смеются – там, надо мной.

Клялся ни слова тебе не сказать,
Вырвалось слово из сердца опять:

Нет, не смеялись бы звезды с небес,
Если б увидели глаз твоих блеск!

Перевод В. Державина

СОЛДАТ И ЕГО СЫН

Он воевал. Он стал седоволосым.
Не раз он видел смерть перед собой.
Но, видимо, он был в родстве с утесом,
С абхазскою скалой.

Когда из раны извлекли осколок,
Лежал он, не вздыхая, не дрожа.
Был сон его спокоен, сладок, долог
Под лезвием ножа.

Солдата снова ранило осколком,
И врач сказал: «Ложись, артиллерист!»
Но песнь раненья пел он тихомолком,
Был голос ясен, чист.

Перевод В. Державина

* * *

Члоу, Члоу, дней моих начало,
Юношеской песни колыбель.
Здесь впервые песня прозвучала,
И пошла она шагать отсель.

Ты лежишь передо мною, Члоу,
Над тобой – спокойная луна.

Я пишу, иду от слова к слову
Около раскрытого окна.

Во главе с Ерцаху наши горы
Подошли, приблизились к окну,
Строгие в меня вперили взоры,
Словно ждут, пока я отдохну.

Эти взоры душу будоражат.
Горы смотрят на меня в упор,
Верю я, они мне правду скажут,
И я слышу голос гордых гор:

– Так ли, как у нас в горах потоки,
Думы у поэта широки?
Так ли у тебя прозрачны строки,
Как у нас прозрачны родники?

Как Ерцаху снежная вершина,
Высока ли участь слов твоих?
С песней гор звенит ли воедино
В сердце у тебя созревший стих?

Перевод С. Липкина

РАЙДА-ГУША*

Не видать нигде тебя,
Не слыхать нигде.
Капли раннего дождя
Тают на стекле.

Родничок, калитка, двор…
Все на прежний лад.

* Райда-гуша – песнь облегчения.

Опираясь на забор,
Зреет виноград.

За забором лает пес –
Зол на седока.
Ранний вестник, что принес
Мне издалека?
Не видать тебя нигде –
На сердце печаль.
Где искать тебя в беде?
Мчать в какую даль?

Как же быть? Но в тишине
Озорной петух
«Ку-ку-ка-реку! – ко мне
Обратился вдруг. –

Выходи за тот хребет
В дальние края –
Там гуляет столько лет
Молодость твоя!»

За совет благодарю,
А идти боюсь.
Райда-гуша я пою,
Развевая грусть.

Перевод С. Куняева

* * *

Пьют за долгую жизнь мою!
А я, словно не понимаю,
Со стаканом в руке стою
И – весенний лес вспоминаю.

Тянет к небу стволы весна,
Ствол мужает и раздается,
И кора для него – тесна,
И коре – опасть остается.

Если я вдруг стану корой,
Тесной для моего народа,
Пусть он сбросит меня долой
И растет, как велит природа.

Опаду у его корней,
Стану почвою, перегноем,
Помогу и смертью своей
Ему вырасти надо мною.

Перевод К. Симонова

* * *

По скале отвесной, белой
Путь пробили, изгибая.
На него сейчас взлетела –
Видишь? Видишь? – легковая.

Точно ураган пронесся
Над отвесом горной кручи,
Зацепив о грудь утеса
Лоскуток блестящей тучи.

Посмотри – водитель вышел,
Шапку снял неторопливо,
Смотрит на дорогу выше,
Смотрит – ниже – в глубь обрыва.

Что в его туманном взгляде?
Что задумался он, стоя?..

Иль, на эту кручу глядя,
Вспомнил вдруг пережитое?

Может, въявь оно предстало?..
Здесь, где шею сломят черти,
Он – тогда юнец удалый –
Был на волосок от смерти.

Что ж явилось на подмогу,
Что спасло его в ту пору?..
Веря, что верна дорога,
Он пошел вперед и в гору!

Перевод Ю. Нейман

* * *

Хлынул дождь потоком,
Но из хмурых туч,
Будто ненароком,
Брызнул добрый луч.

Девушка промокла
Под дождем насквозь.
Бисерные стекла
Блещут в черни кос…

А сама смеется
И дрожит сильней…
Солнышко, сдается,
Сжалилось над ней:

– Что, родная, зябко?
Полно, не дрожи!
Вот – лучей охапка!
Косы просуши!

Перевод Ю. Нейман

ГОРЫ ЛЕТОМ

Зной подошел к горам вплотную.
Согрелись летом старики
И в воду бросили морскую
Белеющие башлыки.

Они стоят, простоволосы,
Красуясь на родной земле.
Себя вершины и утесы
В зеркальном узнают стекле.

Но в том стекле – да что с ним сталось! –
Не отразилась седина.
А горы смотрят: где же старость?
Им только молодость видна!

Не потому ли днем осенним
Шумят опавшею листвой
И провожают с уваженьем
И с обнаженной головой
Последний летний вечер свой?

Перевод С. Липкина

* * *

Выйду на берег притихшего моря
Думать о той, чья память мне светит.
Волны поют в примирительном хоре.
Что они скажут? Что мне ответят?

Сел я… И вот гребешки закипели,
Лепет я слышу, и смех, и журчанье.
Что говорят они? Иль в самом деле
Радость – влюбленной обещанье?

Перевод В. Державина

МАХАДЖИРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи! Тебя качают волны.
Море Черное во мгле.
Стонет парус, ветром полный…
Ты на вражьем корабле.

Шиши нани, шиши нани,
Спи, малютка. Ты в изгнании…
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

Разлучен в годину горя
Твой народ с землей своей,
И от слез горючих море
Стало вдвое солоней.

С чем беда твоя сравнима?!
Впереди – неволи дни…
Но о родине любимой
Память бережно храни…

Шиши нани, шиши нани…
Спи, малютка. Ты в изгнании…
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

Подрастай родным на славу,
Воротись в свой отчий дом,
Хмель распутай с цепи ржавой
Над родимым очагом.

Меч в углу увидишь пыльный…
Грозный меч, заветный меч
Ты сними рукою сильной:
Это меч великих сеч.

Этот меч ценнее жизни.
Заступись за свой народ!
За тобой, служа отчизне,
Рать воителей пойдет…

Шиши нани, шиши нани
Спи, малютка. Ты в изгнании…
Наш очаг давно остыл,
Ты во власти черных сил.

Перевод Ю. Нейман

Иван Тарба

1921–1994

* * *

Пускай годами ты не молода
И под глазами тонкие морщинки,
Пускай я замечаю иногда
Седых волос блестящие тропинки,

Пусть говорят уже, что возраст твой
Перевалил за лучший женский возраст,
Но мы клялись давнишнею порой:
Для нас любовь – как песня и как воздух.

В твоих глазах я вижу вновь и вновь
Все то, о чем я позабыть не в силах.
И вечная не старится любовь,
Как свежесть глаз твоих, родных и милых.

Мой друг, на нашу верность положись!
Нам не нужны наказы и советы.
Любовь цветет, бессмертная, как жизнь, –
Навек сердцами нашими согрета.

Перевод К. Ваншенкина

ДВА МОРЯ

Волны поют сразу два напева,
Смотришь левее,

Глядишь правей.
Синее море направо,
Желтое море налево.
Тропка бежит между двух морей.

Было недавно пустое поле
Пылью сухою заметено,
Но, суховеи все переспоря,
Плещется море –
И не одно!

Шумом прибоя друг другу вторя,
Оба без края и без конца.
Здесь родились два огромных моря,
Будто два маленьких близнеца.

Стоило морю в степи родиться –
Степь,
Что веками его ждала,
Поторопилась воды напиться –
И желтым шумящим морем пшеницы
Навстречу синему морю пришла!

Перевод А. Кронгауза

* * *

Пусть она – какая ж в том обида? –
Красотой не ослепит вам глаз,
Есть красивей девушки. Я видел –
Лучших нету, уверяю вас!

С чем сравнить мою мне дорогую?
Все слова забыл я, как назло.
Ничего придумать, не могу я,
Что ее напомнить мне б могло.

Нет у милой кос тяжелых, гладких,
Что блестят, красой к себе маня.
Русые коротенькие прядки
Намертво опутали меня.

Пусть не выхолены руки ленью,
Пальцы не белы и не тонки,
Но меня, ей-богу, в исступленье
Может привести прикосновенье
Загорелой дорогой руки.

Нет в ее глазах волшебной силы,
В них не голубеет бирюза,
Но они меня навек пленили,
Значит, хороши ее глаза.

Что еще могу о ней сказать я?
Милая проворна и ловка,
И к лицу ей ситцевое платье,
Может, больше, чем другим шелка.

Пусть и не заметите покуда
Вы ее среди подруг в кругу,
Ну, а я гляжу и не могу –
Лишь она передо мною всюду!

Перевод Н. Гребнева

* * *

Спит наш город сладким сном
Огоньки погасли.
Мы пошли ловить вдвоем
Звезды
в речке Басле.

Только нам не повезло –
Небольшое горе!..
Где-то дышит тяжело,
Точно буйвол, море.

Где-то властвует луна
В сумасшедшей выси.
И не дрогнет ни одна
Ветвь на кипарисе.

Перевод Е. Елисеева

* * *

Лопочет в листве
Ветерок-говорун.
И нежные пальцы
Касаются струн.

Прильнувши покорно
К девичьей руке,
Поет ачамгур
На родном языке.

Я девушку эту
Увидел впервой.
Глаза – как озера,
Зовут синевой.

Как будто бы
Сердца коснулась она,
И дрогнула в сердце
Живая струна.

С улыбкой счастливой
Гляжу на нее,
И вторит ей чуткое
Сердце мое.

Перевод Е. Елисеева

Чичико Джонуа

1915–1975

ПЕСНЯ РАНЕНИЯ

Разбуди меня рано-рано,
В час, когда запоет соловей.
Эта песня мне вылечит рану.
Разбуди же меня! Не жалей!
Разбуди! Так хочу я проснуться,
Когда тело бессильно во сне.
Пусть лица твои косы коснутся.
Отогрей! Сядь поближе ко мне!..
Разбуди ты меня на рассвете,
Я услышать хочу соловья.
Даже если усну я навеки,
Разбуди, дорогая моя!

ТАНЦОР

Птицей вылетел на сцену, –
Я едва заметить мог,
Как упал он на колено,
Распрямился – и мгновенно
Завертелся, как волчок.

Слышу я мотив абхазский,
А танцора не узнал,

Пулей он мелькает в пляске,
Блещет молнией кинжал.

Танец кончился задорный,
Вижу – предо мной стоит
Юноша в черкеске черной
Он стройнее лани горной,
Счастьем взор его горит.

Миг – и нет его на сцене, –
Пред восторженной толпой
Промелькнул он легкой тенью –
Сын абхазского селенья,
Мастер пляски огневой.

МАТЬ

Мне этот дом давно знаком,
И вот опять пришел сюда я.
Здесь жил мой друг. Над очагом
Склонилась женщина седая.
Огонь пылает, а она
Сидит одна, тиха, грустна.

– Мать, здравствуй! – Смотрит, узнает.
«С приездом, нан! Вернулся? Выжил?
Тебя мы ждем четвертый год.
Скинь бурку! Сядь к огню поближе!»
Старушка обняла меня,
И сел я молча у огня.

«Так рада я тебе, сынок,
Как будто прямо в рай попала, –
Ведь без тебя и дня не мог
Прожить мой Хаджгуат. Бывало,

Вина в компании не пил,
Покуда ты не приходил…

О, сколько пало в дни войны!
В каком дому не знали горя?
И вы – Абхазии сыны,
Покинув берега Кодори,
С врагами встретились в бою,
Спасая родину свою.

Не вместе уходили в бой
И возвращаетесь не вместе,
Вернутся, может быть, домой
Те, о которых нет известий.
Их матери не плачут – ждут,
Что сыновья домой придут.

И мой вернется в отчий дом,
Где родился, где рос, счастливый,
Где мать живет в тоске по нем,
Где старый двор порос крапивой,
Где без него разросся сад,
Посаженный пять лет назад.

Седельце сына я храню,
Все чищу, пыль с него стираю,
Я корм даю его коню,
Взгляни – пасется у сарая.
Тоскует конь, все время ржет,
Хозяина, должно быть, ждет.

Вся жизнь моя прошла в труде,
А все тружусь по мере силы.
Мой сын, мой мальчик! Где ты? Где?
Пока жива, вернись, мой милый!

Ну, кто не тянется домой?
Вернись же к матери, родной!»

Она умолкла. Смотрит вдаль.
Лицо усталое сурово.
Видать, ее гнетет печаль.
Молчит старушка, я – ни слова.
Ей нелегко, и я притих:
Мы знали, сына нет в живых.

ЛИВЕНЬ

Густая наползает мгла,
Свистя, пронесся шквал летучий,
Сверкнула молнии стрела,
И с громом раскололись тучи.

За залпом залп гремит вдали,
Стихая, снова возникая,
Всё облака заволокли,
Плывет в долины мгла густая.

Совсем вечерняя пора –
Все гуще сумрак, все темнее.
Вдруг хлынуло как из ведра,
Сплелись потоки, словно змеи.

Но гул грозы вдали затих,
Как хлопья пуха мчатся тучи,
И нет потоков дождевых,
Лишь ручейки стекают с кручи.

Померкли радуги цвета,
На травах росы засверкали,

И растворилась духота,
И все свободней дышат дали.

Хлеба колышутся кругом,
Покой повсюду и прохлада,
Напился влаги чернозем,
Колосья пьют – и люди рады.

НОЧЬ В ЧЛОУ

Еще не скоро быть заре,
А мне уже не спится.
Я вышел. Тихо на дворе,
Деревья спят и птицы.

Луною даль озарена,
В долинах сумрак синий,
Шумит речная быстрина –
Дуаб течет в низине.

Мерцают снежные хребты.
Ну что за ночь – как в сказке!
Сиянье льется с высоты
На мирный край абхазский.

Как зачарованный стою.
Луна плывет все выше.
Что так волнует кровь мою?
Чей зов далекий слышу?

Гляжу я – никого кругом,
Тьма все заполонила.
Там, над мерцающим хребтом,
Я вижу два светила.

Две точки в пустоте висят,
Две звездочки небесных.
Они, как много лет назад,
В ночных сияют безднах.

Горели, помнится, они,
Когда я был с тобою.
Я говорил тебе: «Взгляни,
Их две, нас тоже двое…»

Теперь тебя со мною нет,
Храню я только имя.
Мы не видались много лет
И встретимся чужими.

Когда с войны вернулся я,
Узнал я ненароком,
Что ты живешь, любовь моя,
В селении далеком.

Ты спишь?.. Быть может, в вышине
Твой взгляд бессонный встретив,
Тебе сегодня обо мне
Напомнят звезды эти.

Переводы А. Ревича

Алексей Джонуа

1920–1989

ЦВЕТОК

Весенней радости поток
Бушует с новой силой.
Не грустно ли тебе, цветок,
Над скорбною могилой?
Быть может, здесь лежит поэт,
Всемирно знаменитый…
Трава чуть слышно шепчет: «Нет…
Солдат, солдат убитый».
В кровавом яростном бою
Погиб он не напрасно.
Он пал за родину свою.
Такая смерть прекрасна.
Цветы увянут средь полей –
Ведь лето быстротечно.
В сказаньях родины своей
Живут герои вечно.

Перевод В. Микушевича

ДУБ

Под горным ветром, старый и суровый,
Стоишь ты, дуб, у Панау-горы.

Под ярким солнцем скрученной подковой
Свисает со ствола лоскут коры.

Вершины – что невесты под чадрами,
Семья косуль резвится на скале,
Дым парохода – тучкой над волнами,
А берег тонет в солнечном тепле.

Ты очень стар. Наверное, ты слышал
Гонимых махаджиров плач и зов.
Ты помнишь? Вырос папоротник пышен
На пепелище сирых очагов.

Сегодня здесь звучат иные песни!
Здесь молодой Абхазии приют!
Взгляни же, дуб: столетний твой ровесник
Седой старик – и юн и счастлив тут.

Перевод В. Звягинцевой

ЛУНА

До зари еще далеко,
Веет ветер на постель,
Мне не спится… Одиноко…
Лунный луч пробился в щель.

Здравствуй, радость моя, здравствуй!
Где гуляла ты, луна?
Не видала ль ту, кем страстно
Вся душа моя полна?

Расскажи скорей, не мучай,
Кто с ней счастлив в тишине,
В чьем она саду дремучем,
Говорит ли обо мне?

Чу… ты слышишь шорох чая,
Тихий шаг я различаю…
Кто идет, кусты качая?
Не она ль прошла, скучая?

Слышишь, петухи запели,
Скоро к милой поспешу,
А пока я здесь, в постели,
Будь подругой ей – прошу.

Перевод В. Звягинцевой

ПОЭТУ

Кто лезет без лестницы на небеса,
Чтоб только не видеть земли,
Кто в райские жаждет забраться леса,
Чтоб жизнь оставалась вдали,
Кто вечно склоняет мечты и цветы
И нудно мусолит строку,
Кто даже при виде живой красоты
Мгновенно впадает в тоску,
Кто вечно в надзвездной парит высоте,
От всех отгорожен стеной,
Кто полон презренья к земной суете
И брезгует жизнью земной,
Кто цедит слова о весне и любви
Из горестно сомкнутых уст –
Тот жалок, поэтом его не зови –
Он внутренне беден и пуст.
Мы знаем, поэт настоящий привык
Народному зову внимать,
Перо его – остро отточенный штык,
Он родину любит как мать.
А те, кто оторван от почвы родной,

Чья песня в бою не слышна,
Как смутные тени пройдут стороной,
Забудутся их имена!

Перевод Л. Длигача

«ЧУДО»

Говорит старик старухе:
– По деревне ходят слухи –
В десяти верстах отсюда
В Очамчыре бродит чудо.

Ей старик, собрав терпенье,
Растолковывает:
– Чудо землю и каменья
Пережевывает,
В землю зубьями колотит,
Пасть такая – вмиг проглотит…

А старуха с недоверьем:
– Мы не верим суеверьям,
Только темные старухи
В наше время верят в слухи…

В это самое мгновенье
За окном –
Землетрясенье,
Грохот,
Лязг,
Раскаты грома,
И, огромней адомбея ,
Кто-то замер возле дома.
Занеся над крышей шею,
Пасть разинул этот кто-то

Чуть пошире, чем ворота.
Кто?

Старуха прямо к двери,
А старик лукаво вслед:
– Ну, теперь ты в слухи веришь
Или скажешь, чуда нет?
А старуха возле дома
Усмехается:
– Это чудо по-другому
Называется.
Нам, старухам, по газете
«Чудеса» знакомы эти.
Не напрасно ходят с шумом –
Не лопата вам…
Удивить старуху вздумал
Экскаватором!

Перевод А. Кронгауза

Алексей Ласуриа

1927–1959

ПОД МОСКВОЙ

С москвичкой иду,
где речушки блеск
Средь сосенок и берез.
Вижу вокруг
подмосковный лес,
Слышу
ее вопрос.
Глядит, улыбаясь:
– Лесок хорош?
А я говорю в ответ:
– Хорош-то хорош,
но, признаться, все ж
Сравнения с морем нет!
Мы сели
на самый большой из пней
Меж зонтиками грибов,
Но море шумело
в душе моей,
Стучался,
гремел прибой.
Травинки зеленые,
как вода,
Плескались у башмаков,

А мысли летели
туда, туда,
Где пена у берегов;
Где, может,
в такой же, как я, тоске
На солнечном берегу
Другая девушка
на песке
Доверилась ветерку…
Москвичка заметила –
я грущу,
Припомнив далекий дом.
Легонько хлопнула по плечу:
– Грустишь?
По домам пойдем.
Я дома –
повсюду в моей стране.
Но что же плохого в том,
Что кажется лучше всех прочих мне
Не прочий,
а отчий дом?
Москвичка,
я тебе не солгу,
Не обману тебя:
– Я землю твою
любить могу,
Лишь землю свою
любя.

ЧЕМ ХОРОШ МОЙ КРАЙ

Как будто я
Абхазию не знаю,
Мне говорят приезжие о ней:

Нет нигде теплее края,
Нет нигде воды синей.
Мне о Гагре и Сухуми
Два часа твердил один,
А другой
в прибоя шуме
Мелодичность находил.
Третий
видом насладиться
Восходил на горный склон.
Тайной гор –
холодной Рицей –
Был четвертый восхищен.
Ну, а пятый – в самом деле
Гимны пел на все лады
Черноглазой «изабелле»,
Что опутала сады.
А шестая
в томной позе
Восклицала:
– Красота! –
Отдавая дань мимозе,
Что изменчиво желта.
А седьмой
пел с интересом
Про вино (немного пьян),
А восьмой твердил –
профессор –
Про сухумских обезьян.
А девятый…
Впрочем, ясен
Без девятого вопрос.
И с каждым я
по-своему согласен,
Я тоже вижу,

как мой край прекрасен,
Где я родился,
где я рос.
Но говорю приезжему, как брату:
– Не розами,
мимозами, пойми,
Богат мой край,
чем все края богаты, –
Людьми.

* * *

По сторонам смотрю,
Мечутся, ищут глаза мои,
Ищут глаза мои девушку –
Нет без нее мне пути!
Где она, где скрывается,
Девушка, милая самая,
Самая злая и хитрая, –
Должен ее я найти!

Знает она: прочла
В глазах моих беззащитных,
Что сердце свое сумасшедшее
В плен ей навек отдаю.
Заметила, но не сказала
(Девчонки ужасно скрытны!),
Заметила, верно, зоркая,
Она седину мою.

Что мне делать теперь?
Не мазаться ж восстановителем!
Я поседел без времени,
Но разве я виноват?
Но разве друзья и сверстники

Когда-нибудь где-нибудь видели,
Что я отстаю от юности?
Ступай – расспроси ребят!

Друзья, подойдите к ней,
Скажите, что в каждом деле
Я самый неугомонный,
Смелый и заводной.
Пусть ведает эта капризная:
Хоть волосы поседели –
Сердце не поседеет,
Я навсегда молодой!

ОТЧЕГО ПОСЕДЕЛА МОЯ ГОЛОВА

Я не в духе, это так.
Однако
Удивляться этому смешно:
Даже солнца свет не одинаков,
Нынче – ясно,
Через час – темно.

И сегодня темного немало,
Хоть живем мы чисто и светло…
Вот и голова седою стала,
И печалью сердце обожгло.

Не вчера ль на палку я садился,
Будто на лихого скакуна?
Не вчера ль с любимой объяснился,
Целовался с нею допоздна?

Псы соседские на нас рычали,
Млели мы в густой тени двора…

Счастливы мы были не вчера ли?
Не вчера…
Конечно, не вчера…

А сегодня в зеркало я глянул –
Как Ерцаху, голова бела.
Рано?
Нет, по-моему, не рано –
Юность слишком жаркою была,

Слишком пылко кровь моя горела,
Слишком щедрым я на чувства был…
Стала голова до срока белой,
Пеплом стал мой юношеский пыл.

О ЛЮБВИ

Дай сердцу волю –
сведет в неволю.

Счастлив тот, кто любит и любим,
Кто согрет зарей любви счастливой.
Но порою не везет иным,
На душе у них темно, тоскливо.

Некоторых ослепляет страсть –
Человека не увидят рядом.
Могут и взлететь,
И в грязь упасть…
Слепнуть все же никогда не надо.

Нет в любви фортуны пареньку,
Ноет он, друзей стихами муча.
Но бывает, что свою тоску
Водкой заливает невезучий.

Распускать в беде себя нельзя,
Заведет в неволю чувств стихия.
Плохо опускаться так, друзья, –
Лучше уж писать стихи плохие.

Переводы А. Кронгауза

Константин Ломиа

1928–1999

ЛЮБОВЬ И РОДИНА

Пожелтев,
как вечерний закат,
облетают к зиме георгины.
В час,
когда батареи гремят,
превращается камень в руины.
Что же вечно?
Наверно, любовь
к вечной родине,
к милой отчизне,
Где все время рождается новь,
По заветам сложившейся жизни.
…Ты расстанешься с женщиной вдруг,
постепенно любовь заржавеет.
Может статься,
что лучший твой друг
постепенно к тебе охладеет.
Что же вечно?
Наверно, душа
этих гор,
этих речек и пашен,
не берет ее подлая ржа,
и ни зной ей, ни холод не страшен.

Ты одолжишь для друга коня,
зная:
друг, если надо, поможет.
Но к отчизне любовь у меня
самый близкий –
и то не одолжит.
Ты противник раздоров и драк,
но с женой и с ребенком простишься,
коль на родину двинется враг.
Лишь отбросив его,
возвратишься.

Перевод С. Куняева

* * *

Ты бродишь по горам. Ты пьешь настой
Альпийских трав. Тебя пьянят просторы.
Но если ты измучен красотой,
Ты скажешь: «Хватит!» – и покинешь горы.

Художник, ты рисуешь водопад.
Но если не находишь нужных линий
И краски все ложатся невпопад, –
Кто запретит тебе? – ты кисть откинешь.

Ну, а полюбишь, – радость иль беда,
Светло тебе, тревожно или больно, –
Ты все равно не сможешь никогда
Сказать любви: «Как я устал! Довольно».

Перевод Р. Казаковой

ГОРЬКИЙ НА БЕРЕГУ КОДОР-РЕКИ

Лесом оторочены крутые
Склоны возвышающихся гор.

А со склонов катятся седые
Пенные валы реки Кодор.

Может быть, у этого гранита,
Что и в знойный полдень холодил,
Воду пил волжанин басовитый,
Знаменитый странник проходил.

Может быть, к абхазскому джигиту,
Что ютился в пацхе небольшой,
Заходил волжанин басовитый –
Странник с необъятною душой.

Этого не помнит мой ровесник,
Но рассказывают старики,
Как прошел здесь русский буревестник
Над ущельем у Кодор-реки.

Слышал я: еще в начале века
Побывать в горах ему пришлось;
Может быть, «Рожденье человека»
В этой ветхой пацхе родилось.

Перевод А. Кронгауза

* * *

На белой вершине
улегся снег,
Как белый медведь
развалился во сне.
Смертельно уставший,
обрел он ночлег
В оглохших горах,
в густой тишине.

Но встанет он вдруг
весной ото сна,
Как белый медведь
из спячки встает.
И зазвенит,
запоет,
заревет
И жаждущий дол
напоит допьяна.

* * *

Мы на утлой лодчонке плывем –
не поймешь –
то ли в небе, то ль в море,
в мировом бесконечном просторе
мы летим,
растворяемся в нем.
А навстречу, на солнце искрясь,
проплывают красавицы рыбы,
существа,
что наладить могли бы
между нами и вечностью связь.

Перевод С. Куняева

* * *

Помоги человеку,
пока
он живет на земле,
потому что он не вечен.
Без теплого чувства человека
съедает тоска.
Если видишь, что ближний устал,

раздели непосильную тяжесть,
пусть печать облегчения ляжет
человеку на лоб, на уста…
Если недруги станут травить
человека –
гони их, как свору
шумных псов,
и не верь наговору,
а сумей от него оградить.
Поддержи человека в беде,
раздели его горькое горе.
Не жалеть себя – дело благое,
это нужно и всем, и тебе.
Помоги человеку,
пока
он живет на земле,
потому что,
чтобы жить, –
всем нам чувствовать нужно:
рядом с нами родная рука.

Перевод С. Куняева

* * *

А звезды – почти что как люди…
Когда их родит бытие,
гремят во вселенной салюты
в честь новых созданий ее.
А звезды, как люди, стареют,
расходуют юности блеск,
тускнеют и медленно тлеют,
грустят, доживая свой век.
Но где-нибудь там,
где погасла
столь милая сердцу звезда,

другая спокойно и властно
восходит…
Так пусть же всегда
две равновеликие силы
бесстрастно взирают на нас:
от первых шагов – до могилы,
в час смерти, в рождения час…

Перевод С. Куняева

* * *

Земля для семени распахнута
Всем естеством и всем нутром.
Чтоб проросло оно, распахана
Земля надеждой и добром.

Храню, как самое заветное,
Завет отцов в своей судьбе,
Чтоб правды семя неприметное
Я, как земля, взрастил в себе.

Перевод С. Куняева

СЛЕД МОЛНИИ

Все вздрогнуло – и рощи и сады,
лес потемнел и замер в ожиданье,
и молнии змеиные следы
вдруг промелькнули в сумрачном мерцанье.
И, обогнав рождающийся гром,
раздался звук,
шипящий и трескучий,
как будто бы взлохмаченные тучи
боролись, как пожарники, с огнем.

А молния
над сенью темных кущ
вспорола брюхо у седого неба,
но, чтоб оставить знак огня и гнева,
ударила и расколола дуб.
Враз потемнел в тот миг
весь белый свет,
рванулись струи из прорехи дружно…
Я весь промок. Но так как я – поэт,
то мысль пришла:
чтобы оставить след,
и молнии сойти на землю нужно!

Перевод С. Куняева

ДУМЫ МОИ

Мои думы –
Они как река,
Что ворочает камни в пути,
И, свободные, как облака,
Не желают
Сидеть взаперти.

Мои думы –
Они далеко
Уносились в назначенный час.
Сквозь игольное даже ушко
Проникали,
Что было не раз.

Не преграда
Ерцаху для них,
Ибо робость не свойственна им.
И порой в пределах ночных

Над простором летают
Земным.
Неподкупны, как совесть, они.
Доводилось,

Событьям под стать,
Быть им грустными
В ясные дни,
А в ненастные дни ликовать.

Перевод С. Куняева

ОГОНЬ

Огонь… Он всемогущ, как меч,
Он в воздухе, как птица, реет…
Он может греть,
А может жечь,
Как он хорош, когда он греет!

Не персик ли в какой-то миг
Расцвел?..
Зарею обернулся,
И вспыхнул на щеках твоих,
И крыльями в зрачках метнулся…

Когда ж ползет со всех сторон
И жжет, неистовый и рыжий,
Сдается, не оставит он
Травинки, а не то что крыши, –

Из окон языком своим
Он дразнит как бы между делом.
Синь заволок коптящий дым,
Земля покрыта пеплом белым…

Сейчас стою у очага
И греюсь – то спиной, то боком…
Мороз… Не выгнать и врага
На двор – погибнет ненароком.

И я в такие вечера
Мечтаю, чтобы, злу на горе,
Огонь исполнен был добра
Всегда, как утренние зори…

Перевод Е. Николаевской

Киршал Чачхалиа

1918–1970

СОНЕТ

Шелковый башлык взвивает ветер.
И быстрей, чем птица, чем стрела,
Даже без прикосновенья плети
Мчится конь, кусая удила.

«Чоу!» – я выкрикиваю слово,
Улетаю в горы напрямик.
Кто посмеет всадника такого
Приостановить хотя б на миг?!

Но, узнав знакомые угодья,
Я невольно натянул поводья,
Приостановил лихой полет.

Здесь промчаться – тщетные попытки!
Не могу я миновать калитки,
Где моя любимая живет.

Перевод А. Кронгауза

СЛУЖБА ЧИРА

Расскажу я вам о Чире.
Он прославлен, наконец.

Это тот, что в Очамчыре
Строил мраморный дворец.

У дворца – зеленый садик.
И куда ни кинешь взор,
Там хурма и виноградник,
Крепостной глухой забор.

Тонут в комнатах ботинки
В ворсе пышного ковра.
Всюду в рамочках картинки,
Серебро и баккара.

– Кто же он? – читатель спросит. –
Кто такой содержит двор? –
Этот Чир работал в ОРСе,
Должность?
Должность – просто вор.

Но ворам у нас недолго
Пить вино и есть хурму.
Им одна дорога только –
И ведет она в тюрьму.

Вот и Чиру был, конечно,
Нанесен такой удар,
И жена его поспешно
Носит вещи на базар.

Где у дома за оградой
Зреет крупный виноград,
Стал тот сад
Не просто садом, –
Там открылся детский сад.

Пусть об этом тот узнает,
У кого вся жизнь – обман,

Кто, как в свой карман,
Влезает
В государственный карман.

Перевод А. Николаева

МАЛЮТКА ЛАЛА

Спит малютка безмятежно
В легонькой простынке.
Тело – бархат белоснежный,
Волосы – пушинки.

А сквозь штору
Еле-еле
Солнца луч прокрался,
На ковре у колыбели
Зайчик разыгрался.

Видно, хочет шустрый зайчик,
Чтоб малютка Лала,
Протянув к нему свой пальчик,
С зайчиком играла.

Мать подходит на минутку
Тихо к колыбели,
Чтобы спящую малютку
Покачать в постели.

Мать все утром напевала,
Дочку лаской грея:
«Спи, моя малютка Лала,
Подрастай скорее».

Мать с отцом полны заботы…
Дети, вырастая,

Водят в небе самолеты
Быстрокрылой стаей.

Перевод А. Николаева

* * *

Цветы в Абхазии цветут.
Цветет Абхазия красиво.
Но также есть колючки тут
И очень жгучая крапива.

Когда желанный гость придет,
Его встречаем мы цветами.
Гостей незваных наш народ
Встречает острыми шипами.

Моя Абхазия цветет…
Но без колючек,
Без крапивы,
Что так гостей незваных жжет,
Она была б не столь красивой.

Перевод А. Николаева

ПЧЕЛА И ЦВЕТОК

– Здравствуй, мой товарищ яркий! –
Говорит цветку пчела. –
Мне весна с тобой подарки,
Как всегда,
Передала.
Чтоб от холода вначале
Не погиб весною ты,
Солнце нежными лучами
Защищало все цветы.

Я, соскучившись за зиму,
Тороплюсь к тебе опять.
Просто мне необходимо
Друга снова повидать.
Ты открой скорей мне дверцу,
Не скрывай душевный жар.
Я тебе открою сердце,
Ведь моя любовь – нектар.
А цветок сказал: – Входи ты.
Рад и я тебе, мой друг.
Кладовые все открыты
Для твоих рабочих рук.
Собери побольше меду,
Песней радостно звеня.
Подари тот мед народу
От себя
И от меня!

Перевод А. Николаева

Георгий Гублиа

1928

* * *

Когда ударяют молнии в воду
И, как якоря, уходят на дно,
Дождь хлещет о землю…
В такую погоду
Мельница мелет,
Мелет зерно!

Ей, видно, буря нужна, чтоб проснуться.
Но стоит дождю утихнуть едва,
Солнцу к остывшей воде прикоснуться,
Как еле вращаются жернова.

Перевод Н. Злотникова

* * *

О горы, горы мои святые!
Пусть беды ваши станут моими.
О горы, древняя родина нартов,
Вы дали речь мне и дали имя.

И ваша песня, вершины седые,
И ваша кровь в моих жилах струится.
О горы, древняя родина нартов,
В груди моей сердце ваше стучится.

Перевод Н. Злотникова

СВЕТЯТСЯ ГОРЫ

Светятся горы.
В ущельях светает.
Солнечный луч
Облака разбивает.

Вот они рвутся,
Испугом объяты,
И суетливой
Отарой лохматой
Сходят за горы
По скалам зубчатым.

Вот забелели
Вершины снегами.
Скалы вздохнули
Седыми ветрами.
Люди в долины
Спешат за стадами.

Рыжие серны
В горах
Потемнели
И вспоминают,
Толпясь у расщелин,
Сочные травы,
Что досыта ели.

Светятся горы.
В раздумье немея,
Видят:
В долине
Леса багровеют.
Люди поют там
И овцы там блеют.

Горы скучают.
Они опустели.
Скачет поток лишь
По скалам
В веселье,
Белое тело
Скрывая в ущелье.

Светятся горы.
Все лето кормили
Тучными травами
Скот в изобилии.
Люди в долине
О них не забыли.

Люди придут сюда
Вновь со стадами!
Горы их встретят
Своими лугами,
Путь устилая их,
Словно коврами.

Перевод М. Беляевой

СУХУМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вот развалины крепости старой,
Рвется к стенам кипенье волны,
В ярком солнце, черны от загара,
Отдыхающих группы видны.
Я дышу этой влажною солью.
Даль синеет в проломах руин.
Здесь красивых абхазок
В неволю
Угоняли купцы из Афин.

Здесь орудья турецкой эскадры
Разбивали бойницы в упор.
Здесь визжали чугунные ядра,
И следы их видны до сих пор.
Но Келеша разящая шашка
Рассекла непроглядную ночь.
Было нашей Абхазии тяжко,
И Россия пришла ей помочь.
Я стою на обломках и знаю,
Как непрочен чугун и гранит.
Нас хранит не стена крепостная –
Нас великая дружба хранит.

Перевод А. Ревича

ПАЛЬМА

В небе, совсем неподвижном от зноя,
Пальма высокая кажется синей,
В уединении средь пустыни
Думает: «Кто сравнится со мною?

Солнце весь день для меня полыхает,
Листья полны зеленого звона,
И не тускнеет пышная крона.
Ночью звезда на ветвях отдыхает…»

Листья у пальмы простерты и ныне
В воздухе, душном и разреженном,
Только как сух ее ствол напряженный
И оголенный, словно пустыня!

Перевод Н. Злотникова

К МОРЮ

То брызги бросаешь в меня,
То внезапно
Ты вдруг засыпаешь и спишь, как ребенок.
Ты – радость, ты – мука!
Ты песней назавтра
В моей голове заиграешь спросонок.

Следы махаджиров ты похоронило,
На камнях прибрежных остались их слезы.
Их стоны доходят из глуби залива.
Я слышу их жалобы и угрозы.

Зачем ты вставало последней стеною
Пред взором их
И опускалось могилой?..
Зеленые призраки передо мною –
Скитальцы.
Ты, море, их не возвратило.

Перевод Н. Злотникова

* * *

Счастье разве обмануло?
Я и плачу и смеюсь.
Собираюсь в путь, в аулы,
Но внезапно остаюсь.

Похудел, ослабли руки.
Это нехороший знак.
Долгий приступ странной скуки
Не оставит все никак.

Жду я, тихий да угрюмый.
Смех куда девался мой?
О красавица, подумай,
Виноват я пред тобой?
Словно птицы твои косы,
Улетающие прочь,
А глаза твои раскосы
И пленительны, как ночь.

Голос твой ко мне приходит –
Так щемяще-нежен он, –
Словно мне и всей природе
Необычный снится сон.

Кто там хочет, кто не хочет
Верить, верить в эти сны…
А любовь моя – росточек
Среди каменной стены.

Не устану, не устану
Ждать, надеяться, скучать…
Эту сладостную рану
Неохота врачевать…

Перевод Н. Злотникова

Нелли Тарба

1934

* * *

В чаще сада в час закатный
Наслаждаюсь я весною.
Вздохам чащи ароматной
Вторит дальний шум прибоя.

Облака в багряном свете,
Соловей концерт свой начал.
Что-то шепчет листьям ветер, –
Тайны сердца, не иначе.

На весну смотрю я жадно,
Не могу налюбоваться, –
От красы ее нарядной
Не уйти, не оторваться!

Я тянусь навстречу маю,
Я хочу с ним подружиться,
И внезапно понимаю,
Что любовь ко мне стучится.

* * *

Мама, прошу, сбереги мое платье,
То, что девчонкой носила я в школе, –

Свято от пятен храни и замятий
И посыпай нафталином от моли.

В дни, когда вновь я студенткой упрямой
В тихий наш дом ненадолго приеду,
Дочке опять покажи его, мама,
Дай побродить ей по свежему следу.

Словно звонок, что зовет на уроки,
В сердце ее зазвучит, оживая,
Детства ушедшего голос далекий,
Первых открытий пора золотая.

Снова двором пробежит она длинным,
Снова взлетит по ступенькам вприпрыжку,
Снова за парту усядется чинно,
Вынет из ранца тетрадки и книжки,

Выведет бережно буквы прямые,
Станет задачку решать на деленье,
Снова и снова постигнет впервые
Радость высокую преодоленья…

Мама, прошу, сбереги мое платье,
То, что девчонкой носила я в школе, –
Свято от пятен храни и замятий
И посыпай нафталином от моли.

КТО ОДИНОК?

Как всегда, прощаясь у дверей,
Ты сказал сегодня мне, вздыхая:
«Одинок я в комнате своей,
Без любимой дом не дом, родная!

Из его постылой тишины
Вновь и вновь стремлюсь к тебе мечтами;
За тобой меня уводят сны;
Пробужусь – и тут ты пред глазами…»

Милый, не брани свое жилье!
Бедный дом, мне жаль его сердечно:
Сердце переполнено твое,
Ты со мной, а он пустует вечно…

* * *

Чую, мама, вижу, знаю, –
Я одна твой свет вечерний;
Всем созвездиям, родная,
Предпочтешь ты взгляд дочерний.

Чтобы сердцу без изъяна
Подарить свой клад богатый,
Беспокойно, неустанно
Ищешь друга для меня ты.

Только зря себя ты мучишь, –
Обернись сюда сначала:
Вот мой друг! Вглядись получше,
Не его ли ты искала?

ЖЕНИХИ

Ах, поглядели б вы, что за ребята
Из-за руки моей драться готовы!
Статны, подтянуты, молодцеваты,
Не поскупятся на острое слово.

Входят во двор они с пляской да с пеньем.
Я их за стол приглашаю с улыбкой.
Сердце, смущенное их появленьем,
Бьется в груди перепуганной рыбкой.

Всех угощаю питьем и сластями,
Шуткой на шутку легко отвечая;
Где подпою, где станцую с гостями –
Мол, полюбуйтесь-ка, вот я какая!

Но лишь закроются двери за ними,
О женихах не тужу я нимало –
Радостно мне: ведь и нынче, любимый,
Равных тебе я меж них не сыскала!

Переводы Эм. Александровой

Анатолий Аджинджал

1930–1977

* * *

Сети тугие раскинула туча.
В неводе старом томится земля.
Дождь барабанит
По листьям и сучьям,
Воды бегут на луга и поля.

Вымок до нитки,
До клеточки каждой,
Сильно продрог под кипящей струей,
Но утолить сумасшедшую жажду
Так и не смог я водой дождевой.

Но не теряю святую надежду:
Сбудется счастье. Исполнится миг.
Вздрогнут ресницы. Войду я, как прежде,
В чащу лесную и встречу родник.

Трону губами холодное солнце –
Нету желанней на свете воды,
Чистой,
Со дна настоящих колодцев,
Той, что крестьяне как хлебом горды.

Прав не имею
На город сердиться,

Он ни при чем тут, вина не его,
Что незнакомые встречные лица
Всюду снуют
И лесная криница
Так далеко от окна моего.

Эх, как далек
Мир веселой природы!
Мира другого же я не хочу.
Я приближаюсь, а он все уходит,
Хлопает вечность его
По плечу.

* * *

На заре раздался конский топот,
Бубенцов раздался чудный звон.
Скрылся за дорожным поворотом
Городской старинный фаэтон.
Он летел ко мне через столетья,
Освежив мой век своим теплом,
Он исчез, оставив чудный ветер,
Чудный сон о времени былом.
И рассвет пошел за ним по следу,
И родившаяся вновь земля,
Поезда, машины и ракеты
Понесла дорогами, пыля.
И потом, в огне тепла и света,
Как подарок канувших времен,
Вырос день грядущего столетья,
Сам собою странно удивлен…

* * *

Река ревет,
Грозя земле и небу
Громоподобным натиском камней,

Но вылезти пытается
На щебень
В беду попавший
Бедный муравей.
Его швыряют волны
Беспощадно,
Притягивает бездна,
Как магнит,
А я стою – в груди моей прохладно,
И голос сердца
Каменно молчит.
Черно.
Вокруг него вода клубится,
Холодная, разбойничья,
Ничья…
Я поступил сегодня
Как убийца,
Столкнув легко с обрыва
Муравья.
Смеялся я,
Что гибнет муравьишка,
Но он, наверно,
Из последних сил
Карабкался, барахтался неслышно
И все-таки
До берега доплыл.
Вот он ползет, усталый,
Без оглядки,
Вздымает ветер за волной волну,
А я боюсь,
Что кто-нибудь украдкой
Его столкнет с обрыва
В быстрину…

* * *

Я видел небо звездное не раз,
Но как дороги звезд
мне ни милы –
Желанней пасека
и золотой рассказ
Обыкновенной полевой пчелы.
Я знаю, небо блещет красотою,
Ничем оно не обольстит меня,
Коль слышится мне пенье золотое
На склоне
умолкающего дня.
Шумят потоки грозные в ущельях,
Не умолкая, не теряя сил,
Но – я люблю,
чтоб сонно пчелы пели,
Люблю,
как в жизни небо не любил…

* * *

Наденут мне на ноги пусть жернова,
Но жалоб моих не услышит
Земля, где сияют снега и трава
И зрелым спокойствием дышат.

Пусть бурный поток понесется, что конь,
Но все же его я взнуздаю,
Почует он шеей стальную ладонь,
Седой головою мотая.

Я буду идти, осторожно держа
Охапку душистого сена,
Превысит все тяжести мира
душа,
Сбежит от застоя и тлена!

Пусть будут смеяться снега и трава,
А если кто злобою дышит,
Наденет пусть на ноги мне жернова,
Но жалоб моих –
не услышит.

Переводы Б. Примерова

Владимир Анкваб

1928–1987

* * *

Однажды увидав тебя,
Лишился я покоя.
В тот день, страдая и любя,
Строчил тебе письмо я.

Читая ледяной отказ,
Пылал еще сильнее.
Я слал тебе стихи не раз,
Прийти к тебе не смея.

Но время шло. Моя мечта
Тускнела понемногу.
То, что скрывала красота,
Я понял, слава богу.

Я воспевал тебя, глупец,
Благословляя муку…
И вот прозрел я, наконец,
Спасибо за науку!

Перевод Ю. Вронского

МАМА, ГДЕ ТЫ?

Мне в жизни услышать всего страшнее
Обычный вопрос: «Кто отец твой и мать?..»

Я чувствую сам, как я густо краснею,
как пот начинает на лбу выступать.

Что были они у меня – мне понятно…
Но я не встречал этих близких людей.
Лишь слышал: «Отец твой был
крепкий и статный,
на важном посту и большой грамотей.

А мать добротою светилась и лаской,
но… русской была… А обычай был строг.
Отец с ней развелся, женясь на абхазке,
он с древним обычаем сладить не смог.

А мать ни за что тебя не отдавала,
но все же сюда ты был прислан отцом
и спрятан… И сколько тут мать ни бывала,
тебя не нашла… и смирилась на том».

Ты тоже, я знаю, товарищ милый,
без ласк материнских на свете рос.
Ты плачешь теперь у родной могилы,
мне ж негде излить накипевших слез.

О мать! Ничего от тебя не осталось –
остался лишь старый поблекший портрет.
Я даже не знаю, что с тобой сталось:
больна ль ты? здорова? жива или нет?

Но ты предо мною мелькаешь вечно,
мне сердце волнуя, глаза слепя…
В кассирше, в кондукторше, в первой встречной
тебя нахожу и теряю тебя.

И снова ищу тебя: долго, упрямо,
хоть часто те поиски не по плечу…

и снова теряю, и снова ищу…
Но где же ты? Где? Отзывайся же, мама!

Перевод Н. Коржавина

* * *

Я пил вино
и воду пил,
Цветам и солнцу рад.
И вдруг
твой взгляд
меня смутил –
Я словно выпил яд.
О, не спеши,
не уходи,
Улыбку затая.
Противоядие найди,
Не то
погибну я!

Перевод Ю. Полухина

ПИЦУНДСКАЯ СОСНА

Над устьем Бзыби
пел пастух в лагуне
И эхо вдаль несло его слова.
Готовил он душистый сыр сулгуни –
Круги величиною с жернова.
А тучи пчел
вершили путь высотный,
Лишь на закате улей затихал,
И сладкий мед, переполняя соты,
По стенкам ульев каплями стекал.

Абхазцы тут хозяевами были –
У синих волн шумели города,

Но из-за моря плыли,
плыли,
плыли
Тяжелые разбойные суда.
Абхазцев бури гнули –
не согнули.
Враги до нитки грабили народ –
Грузили на фелюги сыр сулгуни,
Из ульев выгребали воск и мед,
И грабили самшитовую рощу,
И вырубали гордую сосну –
И все, что можно,
обращали в ношу
И уносили в дальнюю страну.

Пицундская сосна –
тому свидетель.
Ты видела, сосна, как в эти дни
Отцов погибших заменяли дети.
Но падали под саблей и они.
Сражение у ног твоих шумело
Предсмертным стоном,
посвистом клинков,
И верю – если б только ты сумела –
Ты б рухнула,
чтоб раздавить врагов.
Тебя лихое горе не спалило,
А сколько раз, безжалостно остры,
В твое литое тело исполина
Заморские врубались топоры!

Как ты сегодня ярко нарядилась,
Смешав густую зелень с синевой!
Стоишь, как будто лишь вчера родилась,
Хотя столетья за твоей спиной.

Стоишь ты гордо,
попирая склоны,
С твоих высот
не слышен шум шагов,
И молодая крона,
как корона,
Касается
пушистых облаков.
Бурлит в тебе
Земли абхазской сила,
Ты не по дням,
а по часам растешь,
Но прошлое за далью лет забыла,
А вот меня
оно бросает в дрожь!
Сияет солнце
на смолистых ветках,
И годы,
годы долгие
не в счет.
И знаю –
кровь
моих упрямых предков
В твоих корнях,
в твоих ветвях
течет.

Перевод Ю. Полухина

Константин Герхелиа

1933–1996

РЕКВИЕМ

Стихотворение прочитано автором на траурном митинге 17 декабря 1992 года в Гудауте, в день погребения жертв бандитского обстрела грузинскими гвардейцами вертолета, перевозившего из блокадного Ткуарчала детей, женщин, стариков и раненых. Трагедия произошла над высокогорным селением Лата.

Перед младенцем кротким
даже волк
становится разнеженным,
как шелк.
О златопятый бог далеких
предков,
Неужто отвернулся ты от нас?
Зачем зловещею кровавой
меткой
отметил этот день и этот час?
От детских криков
содрогнулись скалы,
проклятья эхом им отозвались
и прокатились по ущельям
Дала…

А дьявольские полчища
рвались
и выпускали смертоносный
яд
из всех стволов – не целясь,
наугад.
Внучат и дедов, матерей,
невесток,
красавиц длинноносых
не щадя –
Убили в небе. И земля
предместья
впитать не в силах красного
дождя.
О Лата древняя, ты – наш
алтарь!
Зачем не защитила нас,
как встарь?
Зачем, скажи, ты пропастью
не стала
под теми, кто презрел наш
хлеб и соль,
Кто кругом раскаленного
металла
обрек тебя на муку и на боль?
Но кто посеял горе –
в свой черед
страданье и презренье
обретет.
«Святой Георгий» обернулся
змеем,
Адольф-Иосиф –
чудище-гибрид!
От мысли той мне мерзко,
я немею –

с каким злорадством
он сейчас глядит
на горе наше, скорбный
наш народ…
Но есть возмездье – и оно
придет!
Я детям их не пожелаю
смерти,
я матерей чужих
не оскорблю,
но кровь невинных вопиет,
и верьте:
во имя Высшей кары –
все стерплю,
все муки я перенесу свои:
Весы уже в руках
у Судии!
Я верю, что убийцам будут
сниться
до Страшного Суда
убитых лица,
Что рано или поздно –
все равно
Прощения не будет им дано
и каждого из них низвергнет
в ад
Сожженного ребенка
кроткий взгляд.
О, жертвы злых
слепорожденных сил!
Вас рок в могилу соединил,
Земля родная вас навеки
примет;
Сынов своих на месть
за вас поднимет,

И никогда ничем уж
не сломить народ.
Мы верим все – победы
день придет!

Перевод автора

УАРИДАДА

Ой ты, ноченька святая,
Густо звездами сверкая,
Чьей судьбе ты рада?
Что веселая такая,
Все поешь, не умолкая,
Песнь Уаридада?

Кто женился, кто сосватал,
Счастье кто усердно прятал
До цветенья мака?
Сговор это или кража,
У кого в селе пропажа?
Уаридада макуа!

У девиц в душе тревога,
Сон не тронул их порога –
Зависть и досада.
Нынче им и так туманно
От весеннего дурмана,
И вдруг – Уаридада.

Вот хитрюга их подруга,
Как овечка – им ни звука,
Дождалась – и рада.
В глубине души украдкой
Затаила, как ей сладко
Слушать: «Уаридада!»

Через тишь ночи волшебной
И тревожной, и целебной
Песня долетает.
Окна души распахнули,
Тихо-тихонько вздохнули…
Песня затихает.

Уаридада, Уаридада!
Всем джигитам жизнь награда.
Вот везут невесту.
Уаридада льется в Гвада.
Но кому же песня рада? –
Людям интересно.

Может Мака? Может Шака?
Вдруг женился Куакуа?..
Да кому какое дело?
Лишь бы вся округа пела:
«Уаридада макуа!»

В чем волнение, в чем тревога?
Успокойтесь, ради бога!
В песне нет секрета.
Даже старцы подпевают,
Даже все младенцы знают,
Что к веселью это.

Уаридада, Уаридада!
Уаридада макуа!
Кто женился, кто сосватал?
Счастье кто до срока прятал?
В том ли дело?.. Неустанно,
Да звучит же постоянно
Уаридада макуа!

ТЫ УШЛА

Снова пусто. Снова между стенами
Одиночеством зажат в тиски.
Дышит осень медом, хризантемами…
А на сердце – всех пустынь пески.

Медленно ушла, как осень медная,
Оставляя холод за собой.
Вижу в зеркале лицо я бледное,
Вижу неба полог голубой.

Ты ушла. Как слезы, листья падают.
О, как я неистово молчал.
Долго, долго мы прощались взглядами.
«Возвратись!» — безмолвно я кричал.

Ты ушла, а в сердце входят сумерки,
В мир, где ты парила столько лет.
Ах, сейчас я преспокойно умер бы.
Только смерти что-то нет и нет.

Ты ушла, судить тебя не стану я.
И не нам, увы, судьбу решать.
По дурному, но закону старому
Нам нельзя устои разрушать.

Видно, рок решил меня испытывать
И смешал пути моей судьбы.
Но из сердца можно ль память вытравить
Или душу вынуть из груди?

Одиноко. Пусто во вселенной мне.
Одиночеством зажат в тиски.
Осень дышит медом, хризантемами,
А на сердце – всех пустынь пески.

МИНУТА ГРУСТИ

Мир этот вечный так устроен:
Коль где-то ночь, то где-то свет.
Когда здесь сладко, горько где-то,
Объедки – беднягу обед.

Мир этот грозный так устроен,
Что для кого-то путь тернист,
А для других широк и гладок,
Покрыт цветами и тенист.

Мир этот смутный так устроен:
Красавец – этот, тот – урод,
Иной лишь потому счастливчик,
Что в сердце мыслей недород.

Мир этот жесткий так устроен,
Что кто-то, как пчела, всегда
Работает. Лентяй же скажет:
– Он просто создан для труда.

Мир этот хитрый так устроен:
Добытчик золота – смотри –
Он сер, а кто-то раззолочен,
Хоть зло и яд таит внутри.

Мир этот вечный так устроен:
У зла с добром опять война,
Клинки скрестили честность с кривдой,
Лишь в битве ложь побеждена.

Переводы Н. Григорьевой

ГЛУХОНЕМОЙ

Зимой, в любую непогоду,
Всегда разут, всегда раздет,
Немой таскал муку и воду,
И на снегу медвежий след
Он оставлял. Дивились дети,
Глупы, жестоки иногда.
Издалека его заметив,
Сперва кидались кто куда.

Пройдет – ему гнилые груши
И камни сыпались во след,
Но великан был добродушен,
Как будто бы еще и слеп.

И никого не пристыдил он,
Да и не поняли б зверьки.
И не пугал, но страшно было
Его мозолистой руки.

Поминки, похороны, свадьбы
Он приходил, он выручал.
Работал – буйволу упасть бы,
Взамен же… – ничего не брал.

За это, может, по привычке
Дурацкой, что еще живет,
Ему приклеивали клички:
«Рабочий вол», «безгласный скот».

И хорошо, что он не слышал.
А жил он где-то у реки,
Под старой мельничною крышей
С ним ночевали сквозняки.

Ресницы и густые брови
Мешали взгляд его читать,
Стонал он, может, и от боли,
Но кто бы мог его понять.

Об этом не было и речи.
Ведь он настолько был здоров,
Что мог арбу взвалить на плечи
И отнести за пять дворов.

Вдруг – крик, пронзительнее грома.
Толпа сбежалась… Боже мой!..
У дома, у чужого дома
Лежал распластанный немой.

Смерть людям объяснила муку.
Но слишком поздно – жизнь ушла…
Когда ему разжали руку –
В ней фотография была.

Смеялась девушка с портрета,
Людских не замечая слез…
…Она в другой деревне где-то –
Вчера жених ее увез.

Перевод Л. Любченко

Алексей Гогуа

1932

* * *

Недавно мы были вместе,
А теперь разбрелись по свету.
Я вернулся в родную деревню,
Ты еще па практике где-то.

Я шагаю тропой заросшей,
Здесь мы вместе не раз бродили.
Выхожу на высокий берег,
Где часами сидеть любили.

Прохожу над крутым обрывом
И, мечтою о счастье полный,
Вспоминаю себя счастливым
И смотрю на речные волны.

Только – сердце мое не дрогнет,
Будет чувство сильней отныне.
Пусть тропа заросла травою,
Но любовь никогда не остынет!

ПОТОК

Бурлит, грохочет бешеный поток.
Он с высоты стремглав несется вниз.

Вот закрутился в пенистый клубок,
А вот над кручей лентою повис.

Кипит, хохочет в тесных берегах,
Поросший лесом будит крутосклон.
Зеленым нивам в пенистых волнах
Несет он с гор суровый их поклон.

Каскады брызг он сеет на пути
И дарит влагу жаждущим полям.
И где пришлось долинами пройти,
Там нива краше, злак пышнее там.

Вот снова он пустился под откос,
Где водяные мельницы стоят.
Там днем и ночью слышен шум колес,
И днем и ночью жернова скрипят…

Он вечно молод, чист, неудержим,
Неутомим его проворный бег.
Исполнен жизни, жизнь несет другим.
За то его и ценит человек.

Переводы Г. Ярославцева

Платон Бебиа

1935

СНЕГ ПРИЕХАЛ

Розы алы, птицы звонки,
Жаркий пляж шуршит песком.
Мы, мальчишки и девчонки,
В рубашонках, босиком.

Вдруг, как снежная вершина, –
Кто и как ее воздвиг! –
Подкатила к нам машина –
Полный снега грузовик.

Ну и ну, подобных грузов
Не видали мы вовек.
А водитель прыгнул в кузов
И кричит: «Дарю вам снег!»

Снег из горного селенья
По названию Цабал:
С четверга до воскресенья
Снег селенье посыпал.

Снег сверкал, слепя глаза нам;
Скомкав очередь совсем,
К снегу кинулись все разом,
Снега много, хватит всем.

Снега много, снега хватит,
Ну, а мы – такой народ:
Этот пригоршнею схватит,
Тот за пазуху кладет.

Истомленная жарою
В душной середине дня,
Перед снежною горою
Оживилась ребятня.

Подняли такую вьюгу,
Хоть одалживай унты!
Серебристый снег друг другу
Мы вручали, как цветы.

Враждовавшие сдружились,
Незнакомый стал знаком.
Но, увы, такая жалость,
Умер снег – таков закон!

ИГРА БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЯ

Наши чувства были схожи,
Да и помыслы чисты:
Я мечтал о ней, ты – тоже,
Я любил ее – и ты.

Мы, друг друга оттесняя,
Распалялись всякий раз.
А она, об этом зная,
Подзадоривала нас.

И обоих заводила
Петушиться сгоряча,

Но в итоге выходила
У меня с тобой ничья.

И однажды днем счастливым,
Каждый с думой о своем,
Перед фотообъективом
Оказались мы втроем.

А потом отнюдь не кто-то –
Ты, от всех секрет храня,
Исковеркал наше фото,
Из троих изъял меня.

Значит, стал я третий – лишний,
Мне бы сердце на замок,
Но, горя мечтой давнишней,
Я себя не превозмог.

Чтоб остаться с ней одною,
Без которой свет постыл,
Поступил, как ты со мною:
В дело ножницы пустил.

А покуда мы терзали
Фото наших дней былых
И друг друга отрезали,
Нас отрезали двоих!

ТОПОР

Люди в поле, люди пашут,
Люди заняты трудом,
Вдруг бегут, руками машут
И кричат: «Горит наш дом!»

Лай собак, коров мычанье,
Опрокинутый ушат.
С ведрами односельчане
На пожарище спешат.

Разъедает дым глаза им,
А огонь упрям и лют:
Он – один теперь хозяин,
Остальные – гости тут.

Балки рушатся и стены,
Крыша держится едва.
Прибежал отец – мгновенно
Поседела голова.

И, не внемля уговорам,
В дом рванулся напролом,
Но лишь спас топор, которым
Он построил этот дом.

ВСЕМОГУЩАЯ

Удивив на свете всех,
Стал он великаном,
И казалось, нет помех
Великаньим планам.

Великан пустился в путь,
Месяцы и годы
Шел он, не страшась ничуть
Всякой непогоды.

На пути ему мороз
Встретился в ту пору,

Но с собой он пламя нес,
И мороз дал деру.

Ничего с ним не стряслось
В битве с бурей злою:
Он пронзил ее насквозь
Меткою стрелою.

Даже море-океан
Одолеть не трудно,
Потому что великан
Превратился в судно.

Над грядой могучих гор,
Говорят в былинах,
Он отважно распростер
Два крыла орлиных.

Но лишь девушка-краса
Встала ясным полднем –
Долу опустил глаза,
Кверху руки поднял.

СОРИНКА

В том краю ветра не редки,
И сегодня дунул бриз.
Муравья сорвало с ветки,
Понесло куда-то вниз.

Правда, кинуло не в воду,
А на камень-островок.
Муравей вскочил и с ходу
Смелый совершил рывок.

Трижды место приземленья
Он обследовал бегом.
Неужели нет спасенья?
Ведь вода, вода кругом!

Сокрушаясь, одиноко
Он, беспомощный, лежал.
От бурливого потока
Островок его дрожал.

Сокрушался виновато,
Маленький, простертый ниц:
Ждут ведь где-то муравьята,
Вылупившись из яиц.

Не найти бедняге брода,
Сколько ни клади труда.
Сверху – чаша небосвода,
А внизу – вода, вода.

Плачет, вздрагивает спинка:
Велика его вина.
Даже малая соринка
Помогла б… А где она?!

Переводы С. Сорина

Мушни Ласуриа

1938

АПСНЫ

Мать – одна. И народ один.
Две любви, что сияют вместе.
Им обоим отдам, как сын,
Безраздельно и жизнь, и песню.

Мал мой край, но родина – нет!
Не бывает родины малой…
Что сказать позабывшим свет
Той, что их на руках качала?

Ты одна у меня, Апсны,
Я тобою взращен и вскормлен,
Каждым вздохом твоей волны,
Каждым стеблем твоим и корнем.

Ты, как сказка, полна чудес.
Разве горы твои – не чудо?
Этот вечнозеленый лес,
Эти травы твои – откуда?

Твои реки узнаешь в глаза!
Твои люди, как реки, бурны,
И завидуют все небеса
Твоим – пламенным и лазурным!

Не в тебя ли влюбился бог?!
На щеках твоих – краски моря,
И летит на них холодок
От садов, покрывающих взгорья.

Ты – ларец моих тайн, Апсны,
Ты – мой мир огромный, Апсны.

Только здесь я увидел, здесь:
Всходит солнце, подобно чуду…
Продолжай же расти и цвесть,
И покуда ты есть, я – буду.

Перевод А. Передреева

ОСЕНЬ В АБХАЗИИ

Край мой! Древняя родина
Виноградной лозы,
Солнцу единокровная
Матерь-земля Апсны.

Время готовит корзины,
Время давить виноград,
Время наполнить кувшины,
Что под землею стоят.

Полные солнечной крови,
Крупные, словно дрозды,
Свесились темные грозди –
Дети могучей лозы.

Девушка! Длинные косы
Очень подходят тебе.
Девушка! Щедрые лозы –
Это к счастливой судьбе.

Юноша! Рви эти гроздья,
К свадьбе вина припаси,
Благословенного гостя
Осенью в дом пригласи.

Сбор винограда в родимом краю
Как возвращение в юность мою!

Шепчутся листья, волнуясь:
Сверстников надо созвать,
Вспомнить недавнюю юность,
Зрелости словом воздать.

Падают гроздья в амцвишу*,
И, как отпущенный лук,
Ветвь подымается выше
И распрямляется вдруг.

Как возвращение в юность мою
Сбор винограда в родимом краю!

Перевод С. Куняева

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

Форель влюбилась в соловья, –
Легенда есть такая.
И соловей, ее любя,
Пел, горло разрывая.

Средь нависающих ветвей,
Роняя в воду звуки,
Пел над рекою соловей
Серебряной подруге.

* Амцвиша – корзина для сбора гроздьев.

В воде форель горит огнем,
А соловей в чащобе
Зовет подругу над ручьем
В неистовом захлебе.

И не смолкает эта трель
Любовного влеченья.
И, слушая ее, форель
Стоит против теченья.

Форель плеснется из волны,
Вспорхнет певец в чащобе,
Но между ними две стены, –
Непроходимы обе.

Форель плеснется из воды,
Чтобы прижаться к другу,
Вода и воздух – две среды,
Враждебные друг другу.

Сильнее счастья жаркий хмель
Любовного томленья,
Коль, слушая певца, форель
Стоит против теченья.

Перевод Ф. Искандера

* * *

Нет, мудрые колхи, далеким соседям на горе,
Не шли на разбой через синее море.
Напротив, седую морскую дорогу
Враги пропахали к родному порогу.
И часто над родиной горн боевой
Тревогу трубил, заглушая прибой.

Волнами омыты далекие виды,
Где в воздухе плыли знамена Колхиды.
И жены, соткавшие эти знамена,
Детей прижимая, глядели безмолвно.

С истлевшего знамени через века
И солнце сияет, и машет рука!
Знамена несли по великому кругу
Два огненных образа: солнце и руку…

Перевод Ю. Кузнецова

СВЕЧА

Мне в городе не спится в час, когда
по стеклам хлещет мутная вода
и молния округу прошивает.
Перед глазами – отчее село
и дом, в котором было мне тепло,
он и сегодня сердце согревает.

Твою могилу, мама, вижу я,
ночной листвы лохматые края,
что ледяной, угрюмый ливень треплет…
А в трех шагах навек уснули те,
кем дорожила ты, и в темноте
никто над вами свечку не затеплит.

О, сколько раз, когда осенний шквал
свирепствовал и свечи задувал,
ты шла сюда, накрывшись мешковиной,
и, над могилой каждою склонясь,
живую восстанавливала связь
меж этою и тою половиной.

В последний раз твоих коснувшись уст,
и сам я стал наполовину пуст,
и в новом дне всеменьше вижу смысла.
Крылатым был, но больше не взлечу,
поскольку обреченно волочу
крыло, что вдруг беспомощно повисло.

…Тащусь, меся проселочную грязь.
Не может быть, чтоб не отозвалась
ты, нежная! Ничто не повторится.
И всеже там, где мрак ночной глубок,
я отсыревших спичек коробок
весь изведу, но свечка загорится.

И у могильной сгорбившись плиты,
вновь прошепчу: «Не может быть, чтоб ты…»
И вдруг услышу: «Ты промок до нитки.
Не плачь: кто помнит, тот не одинок.
Плащ запахни. Ступай домой, сынок,
да не споткнись о камень у калитки».

И я – кивнув – покорно, как в бреду,
почти на ощупь к дому побреду,
в ознобной тьме ступая осторожно.
И буду в печь подбрасывать дрова,
остаток ночи тратя на слова,
одной тебе понятные, возможно.

Перевод И. Евсы

Шамиль Пилиа

1932

В САДУ

Холодным ветром потянуло с гор,
И наступило время листопада,
Хожу продрогший по тропинкам сада
И облетевших листьев мну ковер.

Ничто не нарушает тишину,
В саду не слышно даже птичьих песен.
Я вспоминаю раннюю весну,
Что ярче всех прожитых мною весен.

С любимой вместе в сад я приходил,
Он шелестел нам ласково листвою.
Здесь я цветы ей вешние дарил,
А ныне — ныне нет ее со мною.

Брожу один… Знакомые места
Влекут к себе с неудержимой силой.
Здесь родилась весной моя мечта,
И я тоскую о подруге милой.

* * *

Когда твои лебяжьи руки
Держу в моих руках, –

Читаю, полный тайной муки,
Вопрос в твоих глазах.

Два ручейка волос волнистых
Сбегают по спине.
Ты с первых встреч в садах душистых
Любовь внушила мне.

Но как сказать о ней словами?
В глаза мне загляни.
Они тебе все скажут сами –
Не могут лгать они.

* * *

В небе ласточка кружится,
Сердце будит нежной трелью.
Мой балкон для чаровницы
Домом стал и колыбелью.

Видишь – гнездышко свивает
Даже ласточка весною.
Скоро ль ты придешь, родная,
И останешься со мною?

Переводы Г. Ярославцева

Борис Гургулиа

1935–2012

* * *

Стонет и мечется сердце во мне,
Как одинокая птица…
Женщина, ставшая светом в окне,
В двери другого стучится.

Ветер
и дождь,
и не видно ни зги…
Так до окончания века,
Вдруг понимаешь, что только стихи
Могут спасти человека.

* * *

Корят, – а я и не скрываю,
Что с малых лет и до сих пор
Я горячо воспеть желаю
Красу и гордость наших гор.

Но только их любимым сыном
Заслуга быть невелика,
Коль не стремишься к тем вершинам,
Где под тобою – облака.

* * *

Я опять одинокая птица,
Не достигшая синих высот.
Но чиста первозданно страница –
И она меня снова спасет.

Вспоминаю былую отвагу
И твое забываю лицо.
Вот и слово летит на бумагу,
Будто падает с пальца кольцо.

* * *

Что вечером ищут в саду?
И что, как на грех, не находят?
Я тоже тебя не найду.
Такие не часто приходят.

Но я улыбнуться не прочь:
Так было.
Так будет веками.
А тут еще звездная ночь
Снимает с души моей камень.

* * *

Вот и кончилось все.
А казалось –
Несметно.
Что останется?
То, что вовеки бессмертно.

Этот запах весны.
Эти горные гулы.
Эти руки в руках.
Эти губы и губы.

Да и наша сосна
Не расстанется с хвоей.
Будут к ней приходить
На свидания
двое.
Эти двое –
Как мы.
И у них все несметно.
…И качнется сосна.
Беззаветно.
Бессмертно.

* * *

Белые ночи.
А мне не до сна.
Вот ты откуда,
Волос белизна.

Ночь скоротаю,
Но так коротка,
Так ненадежна
И тленна строка.

Снег все сильней.
И метет, и метет.
Белые ночи.
Особенный год.

Мне бы увидеться
С женщиной той,
С той,что не будет
Вовеки
седой.

* * *

Детство не играет с нами в прятки,
Зря мы это в голову берем.
Просто деревянные лошадки
Навсегда исчезли за углом.
Мы теперь их больше не напоим
Той водой.
Иссякла та вода.
Но над тем же самым нашим полем
Светит та же самая звезда.

И в потоке призрачного света
О былом подумай.
Помолчи.
И пойми же наконец, что это –
Детства легендарного лучи.

Я уверен,
Что тебе приснится
Сладость ветра,
солнца,
леденцов.
Улетела безвозвратно птица,
Научив летать своих птенцов.

КОГДА ВЕРНУЛСЯ, ПРОВОДИВ ТЕБЯ

Приснилось мне,
Что в свете летних звезд
Над морем протянулся
Белый мост.
Он легок был.
А черная волна
Ревела в гневе

Как сама война.
И грохотал неистово прибой,
Как будто
Рядом
Шел кровавый бой.
Но мы с тобой
Оружье всей земли
В ту ночь
В пучине
Утопить смогли!
Но я пока
шагаю налегке,
Не ведая,
Что там,
В твоем мешке.
И надо мной
Пока
Не грянул гром:
Пора и честь, мол, знать!
Старье берем!

* * *

Сказали б в старину,
Что ты –
Из солнцеликих…
Да и впрямь
Сверкает золотом коса,
Сверкают золотом ресницы.
А взгляд?
Особенно когда
Ты улыбнешься мне…
И знай,
Что мог спокойно взгляд такой
Повергнуть ниц

Владыку мира.
Я не владыка.
Я поэт.
И если так,
То беззащитен
Перед твоею красотой.
И я способен лишь на то,
Чтобы сказать:
Ведь это ангел
Слетел
С небес!
И тут же я
Вдруг изумлюсь:
И мне не стыдно
Давно известными словами
Свою беспомощность
Сокрыть.
Подумать только!
Как дитя,
Твоим любуюсь колдовством:
Ты разгоняешь облака
И тут же золотою рыбкой
Ныряешь в море,
А затем
Выходишь из глубоких вод,
Неся неугасимый факел,
И освещаешь путь,
Тот путь,
Который может без тебя,
Моей колдуньи солнцеликой,
Необратимо стать бесцветным.
…Сверкает золотом коса.
Сверкают золотом ресницы.
И золотом сверкает взгляд.
А сердце?

Сердце у тебя –
Оно такое ж?
Золотое?
Скажи,
Оно меня спасет?

Мушни Микая

1932

ИСПОВЕДЬ МОЕГО ВРЕМЕНИ

Нет, не ставил я дат под своими стихами –
В них я выразил время свое, как сумел.
Эту книгу раскрыв, вы узнаете сами,
Что за радость и грусть я познал и воспел.

Это повесть о днях – то мрачней, то светлее,
О любви, о слезах, о кручине ночной.
О нелегком пути я ничуть не жалею –
Свет чарующий детства повсюду со мной.

Все расскажут стихи, воскрешая детали.
Реку спящей , увы, не пришлось мне застать.
Щит меж злом и добром мои руки сжимали –
Хорошо, что на лучшее мог уповать.

Все расскажут стихи, воскрешая детали,
Как надежды свеча негасимой была,
Как, с зарей разбудив, надо мной поднимала
Мгла ненастного неба вороньи крыла.

Пусть расскажут о том, что в скитаньях я видел,
Что я пережил в стае голодных зверей,
Что недобрыми фразами я не обидел
Никого из далеких и близких друзей.

Были годы – язык у меня отнимали,
Речь родная казалась кому-то смешной.
Уносила вода меня в чуждые дали –
Но последнее слово осталось за мной.

Все узнаете вы, что со мною случалось.
Это – в песнях моих, излияньях моих.
Горе гнуло к земле, счастье вдруг улыбалось,
След судьбы на дорогах ищите былых.

Все расскажут стихи, чтоб не смел заблудиться
Тот, кто, может, в грядущем за мною пойдет.
Ноги в кровь я сбивал, чтоб вниз не свалиться,
Но достиг наконец заповедных высот.

Нет, не ставил я дат под своими стихами.
Смысл их в сердце вонзился стальным острием.
Пусть они без утайки поведают сами
Все, чем жив я сейчас. Время – в слове моем.

ДЛЯ ТЕБЯ

Сегодня предчувствие грудь мою жалом пронзило,
Несносная тяжесть измучила душу с утра.
И мысли мрачны – направляют их темные силы,
И надо бы думать о светлых приметах добра.

Щемящей струной ты в душе отзовешься и тайной –
Как малый ребенок, соскучился я по тебе.
Мне так одиноко! Пустынен приют мой случайный.
Льет дождь за окном – нескончаемый плач о судьбе.

О трудное счастье! Пусть с болью – а все-таки было,
Как чудо, манило, являлось в ночной тишине.

Встает перед взором рыдающий образ светила –
И бедное сердце сжимается камнем во мне.

Мне трудно дышать без тебя. Ты меня окрыляла,
Ты – нить в лабиринте, ты душу спасала мою.
Тоска подступила и певчее горло сковала.
Дождь снегом сменился. Я холод зимы узнаю.

Мы так торопились, мы толком любви не узнали,
И день ото дня нас преследует всюду беда.
И вот не открыл я ни скорби тебе, ни печали,
Их время уносит волною – ужель навсегда?

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ, ДРУГ!

Человеку с надеждой расстаться непросто.
С нею вместе ты смело шагаешь сквозь тьму.
Если вдруг одеяло тебе не по росту,
Жизнь, дружище, свою ты не мерь по нему.

Если ты, обессилев, повис над обрывом,
То тебя лишь надежда сумеет спасти.
О, не верь хитрецам и притворщикам лживым –
Могут в омут столкнуть, если встал на пути.

Трудно все-таки людям не верить. Я знаю,
Без урода семьи не бывает порой.
Пусть мне горько, но я человека прощаю:
Жизнь – одна, а душа дорожит добротой.

Если град камнепадом растенья терзает,
Знай, что солнце – взойдет, что рассвет – впереди.
Даже если огонь в очаге погасает,
Не забудь о надежде: мужайся и жди.

Там, где плачут сегодня, веселье настанет –
Такова наша жизнь, это надо понять.
Пусть я где-то внизу – ввысь кого-нибудь тянет.
Счастье в каждом мгновенье сумей разгадать.

Новолуние тоже придет не случайно,
Каждый час на земле будет прожит не зря.
Есть в природе душа, есть великая тайна.
Если день и умрет – в небе вспыхнет заря.

ПОЙ МНЕ, МАТЬ

Этой ночью нахлынули думы,
Бесконечны они и угрюмы.

Пой мне, мать, о судьбе и надежде,
Колыбельную пой мне, как прежде.

Небо в звездах – так свечи пылают,
Тишь такая, что лист замирает.

Пой мне, мать, о судьбе и надежде,
Колыбельную пой мне, как прежде.

Не сказал я всего, что желаю.
Голова моя нынче – седая.

Пой мне, мать, о судьбе и надежде,
Колыбельную пой мне, как прежде.

Жду чего-то, чего – сам не знаю,
И душа не стареет живая…

Пой мне, мать, о судьбе и надежде,
Колыбельную пой мне, как прежде.

Детство, что в отдаленье томилось,
На пороге опять появилось.

Пой мне, мать, о судьбе и надежде.
Колыбельную пой мне, как прежде.

Мама, сердце слабеет людское,
Я мечтаю теперь о покое.

Пой же, мать, о судьбе и надежде.
Колыбельную пой мне, как прежде.

Этой ночью нахлынули думы,
Бесконечны они и угрюмы.

Пой мне, мать, о судьбе и надежде,
Колыбельную пой мне, как прежде…

Переводы В. Алейникова

Терентий Чаниа

1937

ДВОР АБХАЗА

Я помню старый двор абхаза,
Пушистую траву и пацху
С медвежьей шкурой, с быстроглазой
Ордой детей, и свет, и Пасху.
Как дети были непохожи!
Ходить учился самый младший,
Другой, с обугленною кожей,
Был непоседой. Самый старший
Водил волов, когда хотела
Земля рожать. И плел корзину
Сын третий, вроде чистотела.
А пятый обживал низину
И занимался, чем хотел он.
Пусть не обуты, не одеты,
Зато как дружно пели вместе.
И поле было лазаретом,
Где поправлялись честь по чести.
Молочной жидкостью пятнали
Цветы и обжигали тело.
Мы ничего еще не знали,
Но что-то главное умели.
И тихий ковшик под каштаном
Висел на колышке ольховом.

И я был милым великаном,
Природы частью, Божьим словом.
Я пил с корнями и листвою,
Дарившими мне жизнь святую.
А сойки шумною толпою
Инжир клевали, вслух ликуя.
Я и сегодня двор тот вижу,
Что обведен давно стеною,
Всему внимаю, верю, слышу,
Как жизнь моя шумит травою.
Уж вместо пацхи – замок целый,
Что украшает двор и небо.
Лишь детский голос оробелый
Давно уже не просит хлеба.

Перевод И. Качалова

ЧИНАР

Чинар упал, разбитый молнией.
Как детство плакало мое!
И замерли вершины горные,
Хоть слезы проливать грешно.

И листья дерева фиалками
Рассыпались по всей земле.
А мне они казались жалкими.
Сметала мать их на заре.

И я глядел на древо павшее, –
На ствол, и корни, и листву.
А детство было не пропавшее, –
Бессмертное. И я живу!

Перевод И. Качалова

СНЕГ ИДЕТ…

Снег идет.
Снежинки чертят круг,
На губах цветут веселым смехом.
Забросали мальчики подруг
Серебром,
Волшебным,
Чистым снегом.
Снежно
Со вчерашнего утра,
Нежно
Синева меня коснулась.
Сколько серебристого добра –
Снежная красавица проснулась.
Снег идет.
О, сколько намело,
Но бояться холода не нужно.
Будет и уютно, и тепло –
Не страшна в Москве
Любая стужа.
Снег идет,
Завешивая даль.
Небеса спешат с землею слиться.
Как зима умело вяжет шаль!
Эта шаль к лицу родной столице.

Перевод Э. Дзыба

* * *

Ребенок.
Осторожно:
Он летит –
Над травами,

Цветами,
Лепестками…
И радуга у ног его блестит.
Как мяч, достал он солнышко руками.
И солнце не отстанет ни на миг –
И, ясное, вослед несется звонко.
А без ребенка этот мир – не мир.
Земля, как мать, заплачет без ребенка.

Перевод Э. Дзыба

* * *

Есть люди – их царапина до смерти
Перепугает
И лишит всех сил.
А я бы умереть хотел, поверьте,
Достойно,
Пашню потом оросив.
Есть люди…
Умереть они готовы,
Лишь полнились бы златом сундуки.
А мне на свете нет дороже слова,
Дороже жизни мне судьба строки.
Есть люди…
Иссыхают, как от жажды,
Когда излить свое не могут зло.
А я б за друга умер не однажды:
Мне на друзей и на людей везло.
Есть люди,
Что давно сложили крылья –
Они в тиши,
В болотистой глуши.
Что до меня –
То сердце вам открыл я:
Надейся на меня, Страна Души!

Перевод Э. Дзыба

Виталий Амаршьан

1941

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Сквозь облака летит луна высокая,
И теплый ветер шелестит осокою,
И соловей горит в огне рулад,
И юноша, как будто околдованный,
Спешит к своей подруге нецелованной,
И горы, онемев, за ним следят.

Чем эта ночь не схожа с той, которая
Была когда-то, тыщу лет назад?!

Поля согреты теплотой весеннею,
Вольней любому дышится растению,
И сердцу близок соловьиный лад,
И девушка смеется за калиткою,
Вся истомленная любовной пыткою,
И от прохожего отводит взгляд.

Чем эта ночь не схожа с той, которая
Была когда-то, тыщу лет назад?!

Река стремится к морю – не сдержать ее,
И море ей спешит раскрыть объятия,
И друг о друга их сердца стучат.
Звезда к звезде срывается влюбленная,

И ноздри конские неугомонные
Тревожит сладкий тополиный чад.

Чем эта ночь не схожа с той, которая
Была когда-то, тыщу лет назад?!

Не спится мне. Всю ночь брожу по дому я,
Измучен соловьиною истомою
И рад бессонным думам и не рад.
«Нан что с тобою?» – «Ничего, родимая». –
А на душе – печаль невыразимая,
А за окном – весна и звездопад.

Чем эта ночь не схожа с той, которая
Была когда-то, тыщу лет назад?!

* * *

Когда вот так спокойно мы сидим
И тополь бьется веткою о крышу,
Вдруг я застыну, словно нелюдим,
И слушаю, и слов твоих не слышу.

Ты хочешь, я скажу тебе, о чем
Я думаю в подобные минуты?
Я думаю, что вечность ни при чем,
Что суждены нам дальние маршруты.

Но жизнь летит, и нам с тобой невмочь
Остановить полет столь быстрой птицы…
Вот этот вечер и вот эта ночь –
Они навряд ли смогут повториться!

В твоей косе седая бродит нить,
Твой лоб отмечен раннею морщиной…
И этого мне не предотвратить,
Каким бы сильным ни был я мужчиной.

То, что любви земной погаснет свет, –
Закон иль только вечности ошибка?
И на мои вопросы дать ответ
Пытается во тьме твоя улыбка.

* * *

– Ворон, ворон, как живешь?
– Стар я стал. Мне скоро триста…
Червяка не сыщешь в дождь,
Корки хлебной не найдешь,
Целый день в желудке чисто.

– Как тебе живется, дуб?
– Что за жизнь! Одни лишь страхи.
Ветер рвет мой редкий чуб,
И грозится лесоруб,
И летят все мимо птахи.

– Как живешь, моя река?
– Одолели перекаты,
И вода моя горька,
В ней не сыщешь окунька,
Всё убили химикаты.

– Как дела твои, скала?
– Не блестяще, коль признаться.
С грунта крепкого сползла
Да и трещину дала –
Как бы в море не сорваться!

– Море, море, ну а ты
Как живешь?
– Похвастать нечем.
Тяжче каменной плиты

Волны носятся, круты,
Атомным подъяты смерчем.

– Солнце в небе голубом,
Ты счастливее, быть может?
– Я дарю весь мир теплом,
Но меня при всем при том
Пятна темные тревожат.

– Как живешь ты, пахарь-брат?
– Хлеб ращу. Сынов лелею.
Всем, кого мой видит взгляд,
Пособить в беде я рад,
Да боюсь, вдруг не успею!

ОТВЕТ ТОМУ, КТО СПРОСИЛ МЕНЯ, СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ Я ЗНАЮ

Распевает в роще птица – мне знаком ее напев.
Море сердится и злится – мне понятен этот гнев.

Как немые великаны, проплывают цепи гор.
Я могу почти дословно передать их разговор.

Со своей иглой сосновой, летнюю жару кляня,
Муравей ползет упорный под ногами у меня.

Если спросишь, что заботит, что волнует
муравья, –
Обо всем тебе, как другу, расскажу подробно я.

В небесах проходит солнце по извечному пути.
Я могу лучи живые на слова перевести.

Светят дальние созвездья, ум мой мудрости уча.
Этот свет я понимаю без посредства толмача.

Меж теснин поток грохочет – объясняюсь
молча с ним.
Ветер ухо мне щекочет словом ласковым своим.
И цветок любой со мною в разговор вступить готов…
Вот я сколько, друг мой милый, знаю разных языков!

СПУСТЯ ВЕКА…

Спустя века, когда на склоне дня
Абхазец сядет мирно у огня,
Вдруг скрипнет дверь и чей-то глас
раздастся…
То не сквозняк ворвется в сонный мрак,
То – после всех дорог и передряг –
Душа моя войдет в жилье абхазца.

Поднимет он усталые глаза,
Но – никого у двери… Чудеса!
Какой там призрак вздумал в дом
прокрасться?
Но это буду я… Спустя века,
Наскучившие бросив облака,
Душа моя войдет в жилье абхазца.

Чтобы узнать, по-прежнему ль земляк
Язык наш чтит, и в бурях не иссяк
Огонь родной, и мудрость любит старца, –
Чтобы узнать об этом обо всем,
Спустя века благословенным днем
Душа моя войдет в жилье абхазца.

Переводы Л. Смирновой

Борис Тужба

1931–2012

* * *

Мы в детстве здесь в саду с тобою
не раз бывали,
про все на свете за игрою
тут забывали.

Росли мы… Весны пролетали,
и неизвестно,
с чего дразнить нас всюду стали:
«жених – невеста».

И здесь встречались мы под вечер
в тнши аллеи…
…Лишь вспомню я про эти встречи,
вокруг – светлее.

Шли годы, быстро прибывая,
но знай, родная,
что часто я в саду бываю
и вспоминаю.

А сад шумит листвой своею,
как прежде, милый…
Один я… Я уже седею…
А ты? Забыла?

* * *

За этой черной шалью
не прячь
лицо свое.
Твой добрый взгляд,
твой нежный взгляд
насквозь прожег ее.
Да! В целом мире
нет ткача,
чтоб сделать шаль такой,
Чтоб друг от друга отделить
той шалью
нас с тобой.

МОЯ СУДЬБА

Приходила мама ночью
и надо мной сидела…
Говорила: «Спи, сыночек», –
так, словно песню пела.
Волосы мне нежно гладя,
сидела мать со мною,
вея лаской и прохладой,
пока глаза закрою…
Стал я парнем, полным силы, –
и вот тогда впервые
слово «сирота» пронзило
мне годы молодые.
Вот с чего всегда грустнели
глаза твои, родная!
В раннем детстве, с колыбели
остался без отца я.
А друзья отцов встречали,
навстречу им бежали…

Я ж стоял, смотрел в печали,
и губы лишь дрожали.
И друзья мои с отцами
гуляли вечерами.
А меня сжигало пламя,
мне сердце раздирая.
Ну а если бы не это –
не знал тоски б совсем я…
По дорогам ясным к свету
меня водило время.
Старца, что сказал мне: «Сын мой», –
Отцом могу назвать я…
Братьями зову своими
друзей, что мне как братья.
Я живу среди народа.
Я свой. Мне все – родное…
Если б жил в другие годы,
то звался б сиротою.

* * *

Путь освещал нам свет луны,
И быстро шли мы
На гору, радости полны,
Вдвоем с любимой…
Шумело море в глубине
С бурлящей силой,
И, нежно обратясь ко мне,
Ты вдруг спросила:
– Неужто правда, милый мой,
Что море шире,
Огромнее любви любой
В подлунном мире… –
И море грянуло в ответ
Своим набатом…

С тех пор уже немало лет
Ушло куда-то.
А волны так же бьют о мол,
Внизу играя…
На гору милую взошел
Один вчера я…
У моря необъятный вид,
Но все же шире,
Огромнее людской любви
Не сыщешь в мире.

Переводы Н. Коржавина

Валерий Даутиа

1936–2009

ОТЦОВСКИЕ ЗАВЕТЫ

Дверь распахнута любому,
Кто во двор вошел.
И накрыт радушно в доме
По-отцовски стол!

Черные, как уголь, гроздья,
Зреют для вина.
Здесь с отцом сидели гости,
Пили рог до дна!

Пролетело время это,
С нами нет отца.
Но отцовские заветы
Помним до конца!

Он рабочими руками
Этот сад растил.
Трудимся теперь мы сами,
Не жалея сил!

В зелени прохладной листьев
Прячутся плоды,
Сад на почве каменистой –
То отца труды!

Дверь распахнута любому,
Кто во двор вошел.
И накрыт радушно в доме
По-отцовски стол!

Перевод Р. Лапина

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Тебя средь всех
поэтов почитал
Как друга, как
наставника, как брата.
С тобой живым
я встретиться мечтал
С мальчишеской
наивностью когда-то.
Пусть нереален
юности порыв,
Нас время разделило
как стеною.
Но до сих пор в моем
ты сердце жив,
В моих трудах,
в моих стихах со мною!
Тебе не надо
славы занимать,
Похвал не нужно
для тебя убогих.
Но смею думать я,
что понимать
Тебя умею и не
хуже многих!
Когда читаю стих
в притихший зал

(Публичность все же
для любого лестна!),
То думаю, а что бы
ты сказал:
Иль похвалил,
иль побранил бы честно?
Вердиктом были б
мне твои слова,
Хотя другим я
возразить умею!
Пока твоя
поэзия жива,
Ты будешь жить,
неразделимый с нею!

Перевод Н. Петропавловского

СУДЬБА

Не таю при встрече взгляда –
На меня не смотришь ты.
Почему нам быть не рядом,
Не делить свои мечты?

Не опустишь ты ресницы –
Я свой взгляд не отведу.
Может все ж объединить нам
Две судьбы – в одну судьбу?

Перевод В. Величко

ДЕРЕВО И ВЕТЕР

Ветром резким и холодным
Мрачно март грозит и бьет.

Вижу я, как вся природа
Поникает, устает.

Ветер гнет к земле остылой
Дерево, сломать грозя.
Только злой не хватит силы –
Ствол сломать нельзя!

Ведь не зря ж его упорно
Я растил день ото дня –
Взяли мощь живые корни
У земли и у меня.

Перевод Т. Тюриной

ПРОСТИ МЕНЯ, ЧТО Я ЖИВОЙ!

Эдуарду Гулариа посвящается

Когда десантом в Гантиади
Пришли грузинские войска,
Мы не были с тобою сзади,
А шли с оружием в руках…
Были тяжелые минуты,
Повсюду шел смертельный бой…
Мы через Рицу в Гудауту
Пришли, обросшие, с тобой.
Я вроде бы остался дома,
А ты тропою боевой
Пошел в Сухум –
Погиб под Шромой.
Прости меня, что я живой!

Перевод Л. Любченко

МНОГО ЛЕТ ПРОЛЕТЕЛО

Много лет пролетело, друзья,
С той поры, как учились мы в школе, –
Этой встречей взволнованный, я
Вспоминаю те дни поневоле.

На висках седина залегла,
Наши юные годы далече.
Вот и снова нас дружба свела
В этот вечер для праздничной встречи.

Довелось нам немало пройти,
Окунувшись в житейское море,
И на нашем тернистом пути
Были радости, было и горе.

Но, когда на душе тяжело,
Если солоно в жизни бывало,
Давней дружбы большое тепло
Нас в разлуке всегда согревало.

Радость встречи нам полнит сердца,
Освещает улыбками лица.
Верной дружбе не будет конца,
До скончания дней она длится.

Перевод А. Ерлашова

Сарион Таркил

1936–2005

УБИЛИ ДЕРЕВО

В сиреневом сумраке, на рассвете
Трое мужчин к нему подошли.
Ветви качал предутренний ветер,
Дерево пило соки земли.
В сонной истоме дня поджидало…
Трое за дело взялись с утра –
Дерево вздрогнуло, затрепетало.
Молчанье нарушил стук топора.
Трое на небо смотрели, спешили –
Дерево надо свалить до зари,
Трое мужчин, меняясь, рубили,
И дереву эхо звенело: «Умри!»
Разве состарилось дерево это?
Быть может, в стволе труха, а не сок?
Стойте! Дыханием весны согретый,
Вылез из почки клейкий листок.
Мольба безответна. Лишь белые щепки,
Как искры, сверкая, летели в ночь…
Дерево долго стояло крепко,
Но некому было ему помочь.
Трое тянули, толкали, били,
Чтобы дерево навзничь свалить…
А-аах! Крик последний. Его убили…

Трое присели на ствол покурить.
Потом, отдохнув, разрубили на части,
В вязанки связали и унесли…
Лишь пень остался, влагой сочащийся,
Как рана политой слезами земли.
Солнце увидело слезы эти.
Но дерева нет, нет веток густых…
Срубили дерево на рассвете,
Убили частичку земной красоты.

Перевод С. Заславского

Таиф Аджба

1939–?

БАБОЧКА

Вот из утлой колыбельки,
Из глухой кудели сна,
Выкарабкалась на волю
Жалким червячком она.

Бойко ползал днем и ночью
По деревьям червячок
И не знал другого счастья
В щедрой жизни, дурачок…

Тяжко было сиротине:
Голодал и холодал,
Даже прихворнул,
Однако уморить себя не дал.

Домик он усердно строил,
Чтобы сладко в нем уснуть,
Чтобы бабочкой проснуться –
И опять пуститься в путь!

Вот он –
Бабочкой прекрасной запорхал
над головой,
Над пахучими цветами,
Над волнистою травой!

Ради мига жизни милой
Столько вынесено мук!
Как же дорого, подумал, все,
Что видишь ты вокруг!..

* * *

Сегодня жить хочу я здесь,
Где посчастливилось родиться!
О мать-земля,
Из родника позволь твоей воды напиться.
Не отвергай мою любовь,
Исполни все мои желанья,
Дай силу мне –
Иль защити от поруганья и страданья.
Пусть в сердце радостном моем
Всегда твое сияет счастье, –
Пускай в сердечной глубине
Им буду светел я в ненастье…
Где песни, родина, твои, –
Старинный их напев чудесен!
Но и моих не забывай –
Тобою вдохновленных песен.
Не торопи, дай много лет,
Хотел бы жить я, не старея.
О мать-земля,
Ты к нам добра,
Так будь себя самой добрее!
Все, что даешь ты, не скупясь,
Я сберегу любой ценою
И обязательно верну
Тебе когда-нибудь с лихвою.
Сегодня жить хочу я здесь,
Мне дороги просторы эти.
Навек не надо ничего –
Но дай мне все,
Что есть на свете!

* * *

О нет, не распахну я
Сердце пред тобой:
Не высказать всего,
Что мне дано судьбой.

Невелика цена твоей строке точеной,
Коль нет в земле родной
У звонких слов корней.
Забудь мои слова:
Дороже изреченной –
Мысль, что живет в душе
И неподвластна ей.

Возвысим Слово мы!
Не осквернить в соблазнах
И злобной клеветой
Его не осмеять;
Рожденное звучать вдали от споров
праздных –
Над ложью всех времен
Оно должно сиять.

Все тайное оно постигнет в человеке
И сдернет пелену с тревожных наших глаз;
Так пусть оно вместит и сохранит навеки
Неведомое нам,
Спасающее нас.

ИЗ СКАЗКИ

На ногах ты утром солнце встретишь,
Небывалый путь себе наметишь…
Ты наткнешься над рекой седою

На гиганта с черной бородою.
«Стой! Куда? – он загремит сердито. –
Уйма там таких, как ты, убито!..»
Ангел твой хранитель – этот встречный,
Он спасет в дороге бесконечной.
Дух он твой испытывает строго,
Не пугайся – впереди дорога!
Радостно тебя за пнем-колодой
Встретит великан рыжебородый,
Очарует красотой прелестной,
Пригласит к себе в чертог чудесный…
Ты не верь его улыбке сладкой:
Он погубит странника украдкой.
Поклонись лукавому и – мимо
Западни ступай неутомимо.
За семью морями да горами
Рай найдешь на сокровенной грани…
О, ты знаешь, где он, край блаженный?
Не гостил там – самый дерзновенный!
…На ногах ты утром солнце встретишь,
Небывалый путь опять наметишь…

ЭЛЕГИЯ

Наплывает тень на двор зеленый,
Где сижу я, грустный и седой.
Ты придешь тропою потаенной,
Словно луч из пелены густой.

Что во мне хорошего осталось? –
Тусклый взгляд из-под тяжелых век,
Ни слезинки, скука и усталость, –
Незнакомый, старый человек…

Огорчить тебя – не дай мне боже!
Улыбнись – и жалостью не рань!

Был я молод – щеголял я тоже
Гордой птицей в заревую рань…

Наплывает тень – и мраком плотным
Скоро все затянется вокруг.
Только ты, как прежде, беззаботна
И красива, как апрельский луг!

Наплывает тень – она настигнет
И друзей старинных вслед за мной…
Ты, как прежде, будешь светлым ливнем
Над уже пустынною тропой!

Переводы В. Лапшина

Джума Ахуба

1937

* * *

Ноша какая! Тяжесть какая!
Что за подъем?
Спуск и подъем!
Может быть, молодость это шальная
Гуляет разбуженным
в сердце
огнем?
Взвалил ли кто
на меня эту ношу?
Иль сам я спину
подставил для ней.
Я выдержу,
Выдержу,
Нет, я не брошу,
Покуда в доверии я
у людей,
Яростна, яростна
Кровь по жилам,
Ходи ходуном,
ходи, хороводь!
И новые в сердце
Поднимутся силы,
Чтоб усталость
во мне побороть,

Море на плечи,
я целое море
Взвалил. Опасаюсь его уронить.
Жажда в моем
Пересохшем горле,
Я пью!
И снова мне хочется,
хочется пить.

Перевод А. Жарикова

* * *

Не тот я,
каким ты меня узнал.
Как струны апхьарцы,
сегодня поет мое сердце.
Какую ты песню
в шелесте струн ожидал?..
В какой глубине
затерялась мелодия песни?..
Крылатый и легкий,
я в танце бы вдруг онемел,
Припомнив о дымке,
о синей, как море, весне.
В суровые годы
Я звонко и радостно пел,
Ведь сильной рукою
Натянуты струны во мне.
Корень скалу пробивает
упорством своим,
Сквозь камни ручей продирается
к синему морю.

Над острыми скалами
свет синеватой звезды.
И слово родное,

как эхо, уносится в горы.
Врагами открытыми
не испугаешь меня.
Я знаю, что жесткой и страшной
бывает беда.
Крепко держу я сегодня
поводья коня,
И отличу, где вино,
а где скрыта вода.
Нет, я не тот,
каким ты меня узнал.
Как струны апхьарцы,
сегодня поет мое сердце!
Я в холод молчал,
я в жажду молчал,
Но вот поднимаю
большую, как зарево, песню!

Перевод А. Жарикова

ЕРЦАХУ

И трусость презирающий орел
На высоту твою глядит со страхом,
Ты так велик, что тень громадных гор
Тебе всего по пояс, о Ерцаху.

Но помни, помни: попадешь в беду
И снова силу обретешь едва ли,
Когда забудешь, что на высоту
Тебя другие горы поднимали.

Перевод В. Сафонова

Рушбей Смыр

1950

* * *

Окунулось красное светило
Прямо в море на закате дня.
Небо напоследок восхитило
Бешеными красками огня.

Село за оранжевой волною
Солнышко, утрачивая свет.
Дерево, посаженное мною,
Помахай мне веточкою вслед.

Солнышко легко и величаво
Окунулось в море на виду.
Завтра повторится все сначала,
Но опять на берег я приду.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Загорелось солнце золотое
Алым цветом дикой алычи.
И обняли небо голубое,
Словно руки добрые, лучи.

Ветер с моря или с горной кручи
Утирает проступивший пот.

Скрип арбы доносится певучий –
Без него бы вечер был не тот.

Цвет айвы и запах винограда
Заполняют щедрые дворы.
Это все – за добрый труд награда
Это все – осенние дары…

С трепетом калитку отворяю…
Мать, скорее вынеси мне рог,
Я Апсны свою благословляю,
Пью за человека – он ведь бог!

* * *

Я не допел… я много не успел…
А время пролетит, как ястреб, – камнем.
Но думаю, восполню свой пробел
Цветами, и делами, и стихами.

Есть в этом мире девушка одна,
Ее глаза испепелили многих.
Но верю я – она моя весна,
Нам по пути на жизненной дороге.

Грохочет гром, и снова ливень льет,
Но там за облаками бродит солнце.
И верю я, оно растопит лед
И снова с небосвода улыбнется.

Есть люди, что поднялись до вершин,
Для них вершины сделались родными.
Они обозревают даль и синь.
Им видно все. И я спешу за ними.

* * *

До чего сегодня ночь прекрасна!
Мне не спится, и цветы не спят.
Вот уже зажглась на небе ясно
Звездочка зеленая опять.

Выйди в сад, увидишь ты воочью
Песенку рожденья ветерка.
Верится, что этой тихой ночью
Не умрет никто наверняка.

Так влетайте, веселей влетайте
В палисад зеленый, светлячки,
Надо мной кружите и витайте, –
Вы любви, наверно, маячки.

Пусть спокойно человеку спится,
Гром не грянет, обойдет беда.
Пусть ему, уставшему, приснится
Самая красивая звезда.

Из легенды будто бы воскресли
Звезды, улыбаются с небес…
Да, сегодня день рожденья песни,
Ну а горю наступил конец.

ЖУРАВЛИ

Небо голубое бесконечно –
Журавлиная дорога вечна.
Вот летят по свету, напевая,
Грустные раздумья навевая.

…Никуда от памяти не деться,
Дым апацхи – это запах детства.

В колыбели, – это мне не снится, –
Мать склонилась надо мной, как птица.
Запах кукурузы, винограда –
Это дедушка вошел из сада…

Где ж ты, детство, из какой дали?
Может быть, на крыльях унесли
Вы его, журавушки, в полете?
Может, юность так же унесете?

…Журавли – кочующие птицы –
Дней моих негромких вереница,
Вы летите быстро и легко
Далеко куда-то, далеко…

Переводы Э. Дзыба

Рауль Ласуриа

1945

* * *

До конца б моим песням пропеться,
Чтоб ушла от собратьев беда…
Ну, а жизнь разорвет мое сердце,
И погаснет навеки звезда.

Положите меня у дороги,
Где тоскует ночной ветровей,
И деливший со мною тревоги
Пусть заметит меня соловей.

Пусть судьбы моей тайную дверцу
Он откроет, как все соловьи.
Пусть он клювом притронется к сердцу
И познает печали мои.

Наши боли пускай он смешает,
Наши радости переплетет,
И о том, что с душою бывает,
Он с удвоенной силой споет.

О заботах земных, что оставил
На земле, где, не ведая сна,
Жил Отчизной, Поэзию славил –
Да пребудет вовеки она!

МОЙ ДВОР

Забываю все на свете –
Просто, услаждая взор,
Сердце ты мое приветил
Тихой думой, отчий двор.

Может, кто-то косо глянет,
Я же с нежностью гляжу,
Навсегда твой верный данник,
Влажных глаз не отвожу.

Отчий двор – частица неба,
Отчего на этот раз
Боль во мне гнездится немо,
Чем измучен я сейчас?

Забываю все на свете –
Это, услаждая взор,
Сердце ты мое приветил
Тихой думой, отчий двор.

И когда не станет силы,
В миг прощальный, на заре,
Попрошу я, чтоб могилы
Мне не рыли во дворе.

Пусть не знает шрама злого
Гладь зеленого ковра,
Призрак счастия былого
Не уходит со двора.

КАК ВЫ ЖИВЕТЕ?

– Эй, небо, как тебе живется –
Ведь я уже не тот сейчас?

– О, смертный, тленье не коснется
Бессмертной сини моих глаз.

– Эй, солнце, неужели тленье
Тебя не беспокоит, нет?
– Неиссякаемо горенье,
Неисточим мой добрый свет.

– А вы-то, звезды? Непогоду
То в сердце чую, то в виске…
– Пускай бегут веками годы,
Мы отразимся в роднике…

– Так что ж, луна, и ты нетленна,
А путь мой – тоненькая нить?
– Да, нить прервется, но бессменно
Я буду путникам светить.

– А ты, земля? На белом свете
Я плоть твоя, на краткий миг –
Твоя опора. Что ж, я смертен,
Ты обопрешься на других.

– Мой сын, о чем твои тревоги?
И я по вечности плыву,
Хоть много горестей в дороге,
Надеждой доброю живу.

…Итак, сомнения не зная,
Вы знаете свой путь во мгле.
Но почему судьба иная
У человека на земле?

ХАТЫНЬ

Я хотел заплакать тихо-тихо,
Но сказал душе своей: – Застынь.

Вот оно где разгулялось, лихо,
Сожжена красавица Хатынь.

И вовек земля не скроет шрамы,
Где Хатынь, сгоревшая дотла.
Только звон, как над высоким храмом,
Стонут и гудят колокола.

В камне замирают боли наши:
Скорбная фигура кузнеца,
И мальчонка, навсегда припавший
К телу убиенного отца.

Боже, защити мой разум слабый,
Ибо кину взгляд из-под руки –
Чудится: воскресли эти бабы,
Эти дети, эти старики.

И кузнец, обняв сынка рукою,
Медленно скрывается во мгле,
И уже, срывая с колоколен,
Предают колокола земле.

От печали сердце мое стынет,
И сжигает боль его дотла…
«Не забудь вовеки о Хатыни!» –
Плачут надо мной колокола.

СКАЛА

Вы рады, когда я всхожу на скалу…
Но если потом в самом деле
Однажды сорвусь в молчаливую мглу,
В холодную глотку ущелья,

Не надо, меня не снимайте со скал.
Свирель отпоет мое тело.
Я в жизни хорошее дело искал,
Так вот и последнее дело:

Быть может, горячего сердца лучи
И кровь, что по скалам стекает,
Теперь согревают замерзших в ночи,
Заблудших в ночи опекают.

Переводы Д. Чконии

Геннадий Аламиа

1949

КОНИ ПОПУТНО…

Однажды в рассвет,
Словно в звон колокольный,
Конечно, весною
Сошли на поля,
Как солнечный свет,
Пестроногие кони,
И чуть покачнулась под ними земля…

Вот так же певец, проходя по селенью,
Прекрасную песню мог тихо запеть –
Домам и делам подарить пробужденье…

А кони летели,
И вихорь свистеть
В их гривах устал…
Ветра свободней,
Стремительней бури неслись по полям…

А люди смотрели и думали:
«Кони
За счастьем торопятся. Там оно — там!»
И в гривы смертельною хваткой вцепились,
Так женщины в горести волосы рвут.

За призрачным счастьем они торопились,
И кто-то впервые попробовал кнут.

Свистели арканы, нагайки и плети.
Быстрей!..
И отстал обессилевший ветер…
Когда у певца отнимают мотив,
Он так же спешит из селенья уйти…
Ты слышишь –
Стаккато копыт нарастает…

Но скоро
В осенний безрадостный шум
Последним лучом на закате растает
Последний, в свой мир уходящий скакун.

НАШ СПУТНИК – МОРЕ

Мне и морю уже по шестнадцати лет.
Мир прекрасен насквозь –
До последней мельчайшей песчинки.
И его красоте объясненья, наверное, нет.
Каждый день наш подобен сияющей в солнце
пылинке.
И ладони тоскуют по жаркой прохладе волос…
Только как же поднять непослушные робкие руки…
Море хочет волной забежать на песчаный откос,
Там – белейший песок…
Морю так одиноко в разлуке.
Но волна отступает, за нею другая волна
Вспять пойдет, и ее поглотит глубина…

Мне и морю уже восемнадцать… И мир
В проявленьях своих так прекрасно понятен.
Мы вольны проживать каждый час, каждый миг,
Словно мир этот – с детства знакомый приятель.

Мы свободны, и нет уже прежних оков…
Ах, по пальцам пылающим волнами волосы…
Вот и море дошло до белейших песков,
Оно дарит песку белопенные полосы.
И в прохладе волос утонула рука…
Пусть продлится мгновение это века.

Нам по тридцать. А это – тот самый предел,
За которым нас ждет не жестокая –
жесткая трезвость,
Когда разум касается чувств,
словно будничных дел,
И смущает тебя пусть прекрасная, но –
неизвестность…
До поднятья руки, до полета волны
Мы вначале подумать немного должны.

Вот и сто…
Как же долго мы, море, живем…
Но когда мне настанет расстаться с теплом,
Бесконечною жизнью ты будешь шуметь,
Твой песок будет так же прекрасно гореть,
Будет снова шестнадцать тебе и ему,
Мальчугану – ровеснику твоему.

* * *

Двадцатилетней, господи, прости…
Ф. Искандер

Текут ручьи агатовых волос.
Стекая по подушке, тихо льются.
Спит дочь Творца.
Уже не видно звезд.
Мгновение — и облака зажгутся.

И серп луны все тоньше, все бледней,
Плывет уже, чуть моря не касаясь…
Но спит она, нисколько не стесняясь
Прекрасной обнаженности своей.
Почти недвижна. Только трепет губ…
Что за слова сейчас с ее дыханьем
Слились в безмолвный радостный испуг?
Что за слова – прощения? прощанья?..
Быть может, благодарность воздает
Тому, кто одарил ее красою,
Тому, кто всю прекрасную ее
Задумал как-то именно такою…

А может быть, прощения слова
У губ ее неслышно замирают
За то, что красоту свою сжигает…
А есть ли у нее на то права –
Она была ниспослана сюда
Сжигать сердца безжалостно и чисто,
Сжигать, не загораясь никогда,
Сжигать, не допуская в сердце искры.
Сжигать сердца и серебристый дым,
Их легкий прах дарить ветрам и водам…

Сошла с небес, но с первым же земным
Зажженным сердцем запылала с ним,
Забыв свою небесную природу.

* * *

Я думал, ты стоишь передо мной…
А ты на самом деле уходила…
Тогда я брал бумаги лист, чернила
И рисовал тебя. Рисунок мой
От времени истлел и стал золой.

Ты с горечью смотрела мне в лицо.
Но думал я – ты просишь о прощеньи,
И рисовал тебя, твое смущенье
Я на песке. Но сыпался песок,
Не в силах сохранить твое лицо.

Твои глаза «прощай!» кричали мне.
Но слышал я совсем иные речи,
И эту радость, эту нежность встречи
Я изваял на каменной стене.

Но шли века…
И ныне гор тех нет…

А ночь пройдет, и утром образ твой
Я вырежу по хрусталю рассвета,
И выйдешь ты из призрачного света
И радостно замрешь передо мной.

Так навсегда вернешься ты домой.

* * *

Когда человек остается навечно
В родимой земле, между белых корней,
Не думай, что там ему, смертному, легче,
Чем было…
Не думай, что в долгом том сне
Найдешь ты покой, все живущим оставив, –
Ушедшие вместе с живыми хранят
Планету.
И кости умерших врастают
В родимую землю.
Без них бы Земля
Рассыпалась в прах…

Если море с волною
Уносит от берега малую пядь,
То значит, те люди, чьей вечной судьбою,
Работою было ту пядь охранять,
Отмечены были погасшей звездою…

Переводы А. Антоновича

Денис Чачхалиа

1950

ЗУБРЫ

Алексею Гогуа

В день весенний и хмурый,
В полудневном часу
Мне привиделись зубры
В Авадхарском лесу.

Каменистой тропою
По карнизу скалы
Шли они к водопою,
Как простые волы.

Но себя я на слове
Тут же должен поймать:
В зубрах пуще воловьей
Я угадывал стать.

В зубрах норов отважней
И размашистей грудь.
Только это неважно,
Только в этом ли суть!..

Край небесный зазубрен
Книзу зубьями гор.

Шли бесшумные зубры
Как давнишний укор

Тем, кто ради забавы,
Иль со злобы какой…
В общем, стали неправы
Перед чьей-то судьбой.

Зубры шли к водопою –
Только где та река,
Что была им родною,
Хоть была и мелка!

Галька стынет в лощине
Вдоль утесов крутых, –
Нет реки той в помине,
Как и зубров самих.

Лес сосновый заполнит
Завезенная тварь,
Да никто не воротит
Тех, что жили здесь встарь…

Мне привиделись зубры,
Мне – приснились они,
Просто отсвет каурый
Был в бору у весны.

Просто мне захотелось
Рощам зубров вернуть,
Словно в них лишь имелась
Этой местности суть.

ПАМЯТИ ОТЦА

I

Когда вперед дороги нет,
То путь попятный
Не спасает.
С трудом родившийся на свет
С трудом таким же умирает.
Он очень долго умирал.
Стихами бредил днем и ночью,
Но то, что он в бреду писал,
Никто прочесть не мог воочью.

И он хватался за перо
Как за далекое мгновение,
Чтоб повторилась жизнь его
В одной минуте вдохновенья.
Звезда косматая с небес
Пугливо землю озирала:
Что не случается чудес,
Она уже подозревала.

Он мысль свою земле не дал.
С холодных губ слетела песня…
Он очень высоко летал
И долго падал с поднебесья.

II

Закатом высвеченный ало,
Пылал отлогий склон Ерцаха,
И это было так немало
Для окрыленного размаха.

Внизу стушевывались краски,
Комками шлака тлели тучи.
И он стоял, исполнен ласки,
Влюбленный, хоть и невезучий.

И чудодейственным дыханьем
Природа звезды оживила,
И в озере, как бы в стакане,
Ночное небо отразила.

Пускай стихов не написал,
Всем существом и каждой
Жилой
Он удивленно постигал
То, что уму непостижимо.

III
Я хотел бы понять хоть малость,
Что же это такое – старость?!
Может, это загробная весть,
Что свободное место есть.
Может, это бессмертья порог –
Продолженье земных дорог…
Может, это предсмертная мудрость

Или просто уставшая юность.
Может, это морщины отца,
Что никак не сходили с лица?..
Я хотел бы понять малость,
Что же это такое – старость!?

* * *

Куда б ни ушла ты –
Я всюду, родная,
С тобой.
Туманом белесым,
Облаком над головой,

Дождем запоздалым,
Нелепым снегом весны,
Грозою небесной,
Твои будоражащей сны.

Никчемным письмом,
Ночным полушепотом стен
И горьким причастьем,
Не разделенным ни с кем…
Я всюду, родная,
Я всюду, родная,
С тобой.
Туманом белесым,
Облаком над головой,

В любимом мотиве,
В заученных с детства стихах,
Во взглядах прохожих,
В их самых печальных глазах,
В улыбке,
Которой
Тебе улыбнется дитя…
Я всюду с тобой,
И мне не хватает тебя.

ВЫСОКИЙ СНЕГ

Лейле Николаевне Ачба

Томит его жаркое солнце,
И он истекает, святой,
Потоком, что в пропасть несется,
Ключами, что бьют под скалой.

Лежит он на гребнях плечистых,
И свет источает в ночи,
И тихо поют о пречистом
Влюбленные дети – ручьи.

Мы снег тот глазами ласкаем
За неодолимость пути,
За то, что он неприкасаем,
За вечность его чистоты.

Он белый, он маркий, он нежный.
Его так легко заследить.
А он должен светлым, как прежде,
И недосягаемым быть.

Он белый, но не беспечальный,
Он многое знает про боль.
Свой цвет сохранить изначальный,
Тем более белый – легко ль!

Лежит он
Никем не заслежен,
И шлет одинокий привет
Глазам, что привыкли в надежде
Его незапятнанным зреть.

На стыке Европы и Азии,
Как синий небесный порог,
Хребтами бугрится Абхазия,
И снег ее чист и высок.

ЯСТРЕБ НА ПРОДАЖУ

Памяти Баграта Гицба

Промысел любой преступен в сути,
Без издержек не бывает здесь.
Я зашел на рынок в Гудауте,
Будто в осень окунулся весь.

Чем-то сам на сокола похожий –
Профилем иль отблеском очей –
Мой земляк стоял среди прохожих
С ястребом, сидевшим на плече.

Узник непокорный, гордый пленник,
На продажу выставленный вдруг,
Неотступность духа, неизменность
Он являл собой, а не испуг.

Но и тот, кто продовал, был тоже
Всей душою в небо устремлен,
Чем-то сам на сокола похожий,
Чем-то сам с неволей породнен.

Ястреб ловчий знаком службы мечен:
Ведь едва пошевелится он –
Под крылом прилаженный бубенчик
Начинал трусливый перезвон.

Знойным оком желтого накала
Он смотрел с презреньем на людей,
Не смущенный будто бы нимало
Участью невольничьей своей…

Как с тех пор поеду в Гудауту
Или просто вспомню о родне,

Бубенцы я слышу в ту минуту,
И тревожно делается мне.

Станет неспокойно поневоле:
Ведь судьба неласкова до них.
И все мньше соколов на воле,
И все больше ястребов ручных.

Илья Ласуриа

1931

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

При последних отблесках заката
Разбираю стершиеся даты.
«Родился… Почил…» – гласит плита,
Тесанная в давние лета.

А с годами и могильный камень
Будет погребен седыми мхами.
Но в народе
спящий здесь поэт
Навсегда оставил добрый след.

ДЕРЕВО

Завороженный стою у реки,
Слушаю шум непокорный.
Словно персты великаньей руки,
В пене полощутся корни.

Здесь мы сидели когда-то давно
С милой, беспечны, как дети.
Дерево нас укрывало… Оно
Счастья безмолвный свидетель.

ВОСПОМИНАНИЕ

Еще деревьям сладко спится,
А уж запела вдалеке
О ком-то очень милом птица
На непонятном языке.

С тобою мы сейчас в разлуке,
Но ты беседуешь со мной –
Ведь в каждом нежном, чистом звуке
Я слышу голос твой родной.

Переводы Ю. Вронского

Владимир Зантариа

1953

* * *

Еще плывет пятнистая форель…
еще плывет пятнистая форель…
еще летит олень тропой кремнистой,
еще бежит река лощиной мглистой,
еще слышна бессонной птицы трель.

еще в земле мерцают семена,
еще моря хранят себя от скверны,
еще благие небеса безмерны,
и звездами любая ночь полна…

А вдруг все это сон… Все сметено,
и бытие искажено страданьем,
и смерть одна царит над мирозданьем,
и будущее ужасает…

Но–
еще плывет пятнистая форель,
еще летит олень тропой кремнистой,
еще бежит река лощиной мглистой,
еще слышна бессонной птицы трель…

* * *

Сегодня моря взгляд невозмутим
Сегодня моря взгляд невозмутим,

и ясен лик, как лик не знавших горя.
Мне не познать того, что знает море,
и тайны не постичь, сокрытой им.

Я знаю, море, вид обманчив твой,
что взято у земли– в воде очнется.
И если, в самом деле, мир спасется,
то лишь в тебе сокрытой красотой.

Я знаю, там, на глубине твоей,
мерцает глухо амфора пустая
и остовы погибших кораблей
неспешно рыбья огибает стая.

Перевод Н. Соколовской

СРЕДЬ ШУМНЫХ, ДРЕВНИХ ГОРОДОВ…

Как далеко мой отчий кров
И над рекой скалистый берег!
Средь шумных, древних городов
Динаром стертым я потерян.

Столетия казались мне
Мгновением, коротким эхом.
Все это было как во сне:
Гранит дворца и сталь доспеха.

И со стены холодный взгляд
Того, кто был прославлен в сечах,
И полусумрак анфилад,
И догорающие свечи.

Времен далеких лабиринт
И многолюдье древних улиц–
Я этим был по горло сыт,
Я задыхался в этом гуле!

И, не найдя себе приют,
Я вспоминал очаг свой тихий,
Скалу, где птицы гнезда вьют,
И куст созревшей ежевики!

Перевод Ю. Лакербая

ПО СТАРОМУ СЛЕДУ АРБЫ…

Осторожно ступлю на заре
На поляну, что так зелена!
Как тугим ремешком в серебре,
Опоясана Бзаной * она…

Одичалый, отпрянет мой конь,
Не узнав в полудреме меня.
Но коснется холки ладонь–
И с каурым мы снова родня!

Жеребенка в траве обласкав,
Грусть-заботу на нет я сведу.
Старый след арбы отыскав,
Речку детства я перейду.

С края поля, издалека
Долетит перестук бубенцов
Буйволиных– и голос щенка,
Что почуял во мгле барсуков.

Здесь исток, здесь начало судьбы –
От зари до вечерних теней…
И по старому следу арбы
Мне идти до скончания дней!

Перевод Ю. Лакербая

---

* Бзана –речка в с. Тамыш.

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Как голыши на темном дне колодца,
Забытые слова лежат в душе,
И ни одно на боль не отзовется,
А годы мчатся– и я сед уже!

И вывожу я на листочке новом
Ненужные, случайные слова,
И снять пытаюсь ржавчину с былого,
Когда вступает ночь в свои права.

Не склеить мне кувшин Вадзамакята,
Что в зряшном споре нартами разбит.
Я как отшельник за стеною скита,
Прервалась песня– мглою мир покрыт!

Из ничего ты ничего не сложишь,
Забыто слово– и ты одинок,
И жизнь твоя с луной ущербной схожа
Или ручьем, что весь ушел в песок!

Перевод Ю. Лакербая

Юрий Лакербая

1934–2004

* * *

Красят в горах мальчишки
Руки
соком
граната.
Горцы в домишке низком
Пьют за здоровье брата.
Пьют из рогов щербатых
В крепкой
стальной
оправе.
Не потому, что брат их
Чем-то богат и славен.
Это закон нагорья,
Это давно знакомо –
Пить на пирах
За здоровье
Всех,
кто вдали
от дома.
Алый налив граната,
Знойная сила солнца!..
Подняли рог щербатый
Крепкие
руки
горца.

* * *

Обычай учит:
горсть земли
на память
Возьми с собой –
домой вернет она.
А у меня сегодня под ногами
Тугая,
злая,
мутная волна.
Обычай тоже терпит перемены.
В осенний шторм попав,
на корабле
Я наглотался столько горькой пены,
Что буду вечно думать
о земле!

* * *

Черный камень –
буйвол черный,
Ты арбу воспоминаний
Тянешь по дороге горной
Молча
к морю,
черный камень,
Я-то знаю, что ты помнишь:
конский топот,
свист нагаек…
У меня другая полночь,
У меня заря другая.
На плечах несу я солнце
К морю,
в утреннюю свежесть.
Плач спросонья к ветке рвется,

Ветка к мокрым травам гнется,
Вал о дамбу глухо бьется,
Налетев на побережье.

Неужели я устану
И под небом в крупных зернах
Молча встану,
Стынуть стану, –
Черный камень,
Буйвол черный…

НАСТРОЕНИЕ

Валит снег.
Я зимы не хочу.
В ноябре сиротеют обрывы…
Закрываю глаза –
и лечу
Серой птицей
над серым заливом;
И, крыло отягчая
водой,
Я все дальше –
за пляжи
и дачи.
Вот ставридою пахнущий дом –
Неуютный поселок рыбачий.
Жду тебя.
Выходи,
Выходи!
Или в рощу маслин, или к сваям.
Птица –
круто
в волну.
Погоди!..

Словно в пропасть
грохочут трамваи.
Словно черные груши
дрозды,
И качает их ветка
лениво.
Валит снег
на пустые сады
И округляет обрывы.

Даур Зантария

1953–2001

СУХУМ

Как только проснешься,
явь, как шапка,
надвигается на глаза
и тени снов исчезают.
Но ты видишь, как море накренилось,
ввысь поднимая лодки,
бледно-спокойное,
солнца не видя еще над собой;
как город
спросонья
исходит туманом
и горка-медведица
спускается на водопой;
как черные чайки
на длинных лучах качаются,
а набережная пронизана
черными кипарисами.

АЙДУДУ

Когда и выпить неохота
И некуда себя приткнуть,
В кафе заморской птицы входим,
Чтоб отдохнуть, чтоб отдохнуть.

Там птица с аглицким названием
Поет, играет на трубе,
Но сострадания-вниманья
Нахально требует к себе.

В потоке звуков бы умыться
Развеять бы тоску, как дым! –
Но разве эта злая птица
Споет нам то, что мы хотим!

Стыдиться слез и прятать лица
Ни мне не надо, ни тебе;
Нам бы забиться и забыться.
А птица – только о судьбе.

Лети туда, дурная птица,
Дурная птица айдуду,
Где люди могут насладиться,
Не спариваясь на ходу.

Там эти трели вкуса стали
Желанны и новы для всех.
Они от отдыха устали –
Подай им боль, любовь и смех!

А что по мне: ты, злая птица,
Все б тихо за морем жила,
А та, заморская девица,
За айдуду поутру шла.

ПЕСНЯ О НАШЕМ БРАТЕ

Ты вези, вези меня,
Бээмпэшка синяя.

Если нас гранатомет
На развилке подорвет,
Обмани мою сестру,
Что уехал в Анкару.

Как садился брат наш Заза
В синей масти БМП,
Рация шипит, зараза,
Что врагам не по себе

Жаркий бой – его стихия,
Но у ближнего села
Он и спутники лихие
Смерть нашли из-за угла.

Ты вези, вези меня…

Говорят, что брат наш Заза,
Сын отца и бог войны,
По какому-то приказу
Стал виновен без вины.

Мир пришел. Апсны прекрасна.
Но, живя и жизнь любя,
Все же дышим, точно астма,
От свободы без тебя.

Ты вези, вези меня…

Мирно спи, спаситель флага,
Зажигатель всех сердец!
Опустела твоя фляга,
Изрешечен «мерседес».

Ну, а если будет надо,
Знаем мы, что ты опять

Из эдемового сада
К нам вернешься – воевать!

Ты вези, вези меня…

КРЕМНЕВЫЙ СКОЛ

1

Я возле кладбища живу.
Тела ушли – остались лица.
Порою даже наяву
Они мне продолжают сниться.

Родные, вы ушли туда,
Где нету глаз, а только взгляды.
И я надеюсь, что, когда
Приду к вам, будете мне рады.

Прозрачнее неандертальца
Во сне является мне гость.
Ты, Мушни Хварцкия, останься,
Не торопись назад, за мост!

Он смотрит взглядом соколиным
И ничего не говорит.
И только луч сияньем длинным
Над головой его горит.

Я просыпаюсь на диване
На самой кромке утреца
И в зеркале трофейной ванны
Имею только пол-лица.

Устал я, как и весь народ,
При каждой вздрагивать потере.

А кровь моя наоборот
Струится в зазеркальном теле.

Зато остались хлеб да соль,
Да изабелла в белой пене,
А кукуруза и фасоль
Растут на колыбельном пепле.

2

Край одноногих женихов,
Похлебка наша – как проклятье!
Настой из яростных грехов
Давайте пить на тризнах братьев.

Когда в Чечне горят поля,
В Абхазии трещат надгробья.
И скоро ль, мачеха-земля,
Насытишься ты нашей кровью?

Издай нам, Ардзинба, указ,
Чтоб улыбались люди чаще.
Ты подними вино за нас,
А мы попьем родимой чачи.

Давай, на миг повремени
Над пеплом выжженной Эшеры,
Ты в наши души загляни,
Как Мушни в райские пещеры.

И убедишься ты, что вновь
В душе любого бедолаги
Надежда, Вера и Любовь
Спят, как бездомные собаки.

* * *

Я стоял на земле, на опоре,
казавшейся вечной,
Отворял, как ворота, веки в мир
незнакомый.
Тополя, лезвиями сверкая, вонзались в
вечер.
Табунами густыми к закату скакали
кони.

Но давно табуны отстучали, умчались
в поле.
Похоронено поле в заводе гремуче-
грязном.
Я в харчевне сижу, разговор завожу о
прекрасном,
Но, как пни тополей, в моем сердце –
тупые боли.

Был когда-то моим этот мир и ушел,
неразгадан,
И тупая тоска не дает отдохнуть мне
ночами…
Табуны,тополя и поля, залитые
закатом,
Разлились и слились и плывут в
синеве и молчании.

Тауз Исаев

1951

МОРЕ

Море возникает, как мираж, в одно
мгновение, и все сбывается.
Мечта умерла, и море лежит перед
тобой, словно вытекшее наземь небо.
И мир, распахнувшись, становится
широким и просторным.
Все сбылось.
Море – пристанище легковерных,
Море – поле героев.
Море ничего не делает, только ходит кругами.
Ткет и ваяет пену,
Манит птиц и людей,
Выращивает жемчуга и рыб.
Море – родина корабля и паруса,
Иногда же, обнявшись с ветрами, море поет.
И всегда хранит свою музыку в белых
рапанах и алых раковинах.
Море – единый порыв, движение.
материализовавшееся чувство.
Море – предтеча, первозданность,
колосс, знак красоты.
Море хранит зеркало Венеры и
стрелу Ахиллеса.

Море – сродни слезе и эфиру.
Тот, кто ближе к морю и пустыне, –
ближе к вечности.
Камни, песок, навершия, пена,
Течения, зыбкость, вращения, сила,
Прибои, штили, штормы,
Мысы, лагуны, скалы, отмели, болота,
Порты, пирсы, пристани,
Лодки, корабли, пароходы, шхуны, яхты,
Безымянный берег, лазурное небо,
Алмазные копья света, далекие глетчеры,
Море…
Вечное-вечное, далекое-близкое,
живое и чистое.
Всегда одно и всегда другое.
Ты идешь к нему долго.
Однажды оно сбывается –
Большое, нагое, красивое.
Манит, бежит, зовет.

* * *

Три пожилые женщины склонились над
желтым квадратом стола,
перебирая фасоль для трапезы на
похоронах,
их траурные спины повязаны толстыми
платками,
глянцевые зерна шуршат под их
неторопливыми руками,
огонь невдалеке – в снегах, где выспевают
жертвенные угли,
издалека их согбенные, черные фигуры
похожи на
высчитывающих или вычитывающих

знаки жриц,
состарившихся за этим занятием,
и руки, как у слепых, сучатся, будто
ищут выход
в другую действительность
и тайно молят за работой об этом.

* * *

На море и на горах золотой оттиск
медленной осени.
Правой рукой пьешь сладкую воду,
левой – горькую,
Река, сузившись, входит в море и рубит
свою дорогу дальше.
Здесь, по ее следу, никогда не сходят
белые краски пен.
Белая луна накренилась в полуденном
синем небе.
Белые птицы, белые облака.
Белые глетчеры, миражирующие в
глубинах гор.
Река снова вздымается и снова падает,
Словно полощет свои холсты.
Узкий, корявый посох лежит
неподвижно в камнях и песках.

* * *

И зеркалом был день.
Росла вода и вытекали розы.
Медленно сражались облака,
Сооружая горы.
Тлели вершины, стекая в море.
Стопа траву сгибала.

И муравьи бежали,
Держа в зубах хлеба.
И выполз гад,
И побежало солнце,
И зеркало померкло.
Так продолжалось срок.
Помедлив и победив себя,
Светило вошло в зенит
И дальше двинулось.
И зеркало воскресло.

РЕКА

Зерно реки – в истоке,
Величиною с крохотный росток,
Взошедшем из глубинной чистоты
Далекого, незнаемого места.
Так, короткой силой – в пригоршню, глоток,
Приведена в движенье – рождается река.
Течет зерно воды, развертываясь в русло,
Средь жерновов-камней молоть луну и
звезды,
Ткать пряжу, кружева, спирали и дорогу,
Слетая к морю с горней вышины,
Даря низинам тихим – орлий клекот,
Веретеном, которым правит горсть –
издалека.

Энвер Ажиба

1958

ОГНЕННЫЕ КОНИ

Лишь следы дымятся на сырой земле.
Огненные кони – всадники в седле.

Словно слит наездник навсегда с конем,
И глаза сверкают яростным огнем.

В лицах промелькнувших увидал старик
Юности минувшей лучезарный лик.

Лишь следы дымятся по сырой земле.
Огненные кони – всадники в седле.

Вот они, как птицы, над землей летят.
На кого, горянка, устремляешь взгляд?

Сердце, обмирая, вслед за кем летит?
Празднует победу твой, не твой джигит?

Старт лишь на мгновенье уравняет всех.
Но дарует финиш одному успех!

Перевод С. Агальцова

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Будто кануло в Черное море
Солнце, с тихой простившись землей.
Станет полной владычицей вскоре
Ночь, окутав окрестности мглой.

Тишина. Безмятежно и сладко
Пчелы в тяжких уснули цветах.
Из-за тучки как будто украдкой
Проступила луна в небесах.

У ручья где-то филин хохочет.
Светляки полыхают в кустах.
Звездный мир опустившейся ночи
Отразился в душе и глазах.

Будет месяц сиять до рассвета,
Сон земли и людей сторожа.
…Красоту ненаглядную эту,
Не постигнув, запомнит душа.

Перевод С. Агальцова

* * *

Есть у нас и Родина, и
песня,
Значит, мы хозяева земли –
Той, которой в мире нет
чудесней,
За какую биться мы пошли.

И друзьям на Северном
Кавказе

Наша песня гордая слышна.
Нет на свете множества Абхазий –
Есть на всех Абхазия одна.

Так давайте все, давайте
вместе
Эту песню хором запоем.
Верно, будет и другая
песня,
Если до победы доживем.

Представляю, как она
взовьется
В праздник самый яркий
и большой.
Хорошо и весело поется
Человеку с чистою душой.

Перевод Л. Любченко

* * *

Мать, зажги свечу, зажги…
Свет, известно, души лечит,
Ночь, не видим мы ни зги,
А со светом станет легче.

Мать, зажги и не спроси:
«Не рискованно ли это?»
Пусть он будет негасим,
Дорогой источник света.

С сыном в бой идут твоим
Тоже братья, тоже дети.
Пусть и мертвым и живым
Огонек надежды светит.

Мать, зажги свечу… Зажги,
Чтоб средь горя и печали
И среди ночной тоски
Светлый день мы увидали.

Перевод Л. Любченко

* * *

Мужчины, умирая, пели,
Героев с песней смерть встречала.
И если раны их болели,
То песня боль одолевала.

Была прощаньем песня эта,
Омытая скупой слезою,
А после возвращалась светом
Их новой жизни, став звездою.

Перевод Г. Лескиса

Олег Шамба

1938

АПСНЫ

Воинам-освободителям Абхазии

С ладонь руки моя страна Апсны,
Но мне, абхазу, больше и не надо.
На свете нет прекраснее страны,
Ты для меня надежда и награда.
Родной язык – как ласковая мать.
А родина – что нежная невеста.
Хотели все враги у нас отнять
И объявили: нет абхазам места!
Нам предки землю эту завещали,
Ее мы никому не отдадим.
Сыны Кавказа вместе с нами стали –
Поверь, Апсны, тебя мы отстоим!
Какая ты огромная, Апсны,
Когда идешь в атаку на высоты,
Не пожалели жизнь твои сыны,
Страна Души, чтоб ты была свободной.
Рука, я понял, как ты велика,
Когда Сухум ребята наши брали
И гибли из-за каждого клочка,
Но шли вперед, назад не отступали.

Весь мир трубит: Абхазия, абхазы…
Огнем пылают села, города,
Бегут домой пришельцы, – ясно сразу:
Разбита их крикливая орда.
С ладонь руки страна моя Апсны,
Но мне, абхазу, больше и не надо.
На свете нет прекраснее страны.
Ты для меня надежда и награда.

РАЗГОВОР С ГУМИСТОЙ

Жизнь моя – река Гумиста,
Ты быстра, холодна, чиста.
Берег близок твой, как рука,
Там – Сухум, наша честь, судьба.
Помоги, Гумиста, помоги
Нам скорее домой дойти.
Ты пойми, Гумиста-река,
Дом свой вижу издалека.
А на том берегу наш враг,
Тот, кто клялся вчера, что брат,
А теперь стреляет в упор,
Не мешай, река, дать отпор!
Леденящая Гумиста,
Сохрани, сбереги, река,
В своих водах нас не теряй,
День Победы увидеть дай!
Ты понять должна, Гумиста,
У абхазов одна мечта:
За Ингур, за кордон врага,
Всех домой погнать навсегда.
Жизнь моя, река Гумиста,
Ты быстра, холодна, чиста,
Берег близок твой, как рука,
Перейдем, перейдем тебя…

Прожурчала тихо река,
И ответила Гумиста:
Мои воды текут века,
По земле, что Богом дана.
Здесь абхазскую речь всегда
Мои слышали берега,
Много было врагов – не счесть,
Побеждали правда и честь.

И теперь, как во все века,
Победят Апсны сыновья,
Силы даст родная земля,
И река, река Гумиста.

БИРЦХА

Бирцха, Бирцха – гора небольшая,
Но с нее – на ладони Сухум.
Я хотел бы, но враг мешает
В город детства мечтаний и дум
Мне войти. Только нету приказа,
Жду его, с нетерпением жду,
И не терпится сердцу абхаза
Встретить радость. А может, беду?
И в бинокль на дом свой родимый,
Где под крышею добрая мать,
Я смотрю лишь мечтою единой
Поскорей ее крепко обнять.
Вот Сухум, вот гостиница «Рица»,
Парк, музей, Ботанический сад,
Не дают мне вот эти убийцы
Поскорее вернуться назад.
Кто они, эти мерзкие люди?
Те, что в гости пришли навсегда,
А потом в командиры и судьи
Прописались у нас на года.

И трещали про вечное братство,
Про единство в делах и в судьбе,
А добро наше, наше богатство
Прямиком увозили к себе.
И дошли до того, что Абхазия
Не абхазов, а их земля,
И за эти вот мысли грязные
Поливают кровью поля.
А мечта моя вдруг сбывается!
Вижу я, как мой злейший враг
Спешно в панике убирается
Под напором наших атак.

Победы час пробил, ликуй страна!
Апсны врагам не дали, сохранили,
И, как всегда, Отчизны сыновья
Свою свободу кровью окропили.

* * *

Язык абхазский мой – наследство вековое
Впитал я с материнским молоком.
Что может быть ему под стать земное?
Он жизнь моя, он – Родина и дом!
Пока звучишь ты гордо и свободно,
Я чувствую дыхание весны
И все наследье памяти народной
Моей страны – моей родной Апсны.

ЛЫХНЫ

Лыхны – гордость моя и душа,
Совесть, сила, мечта и судьба.
Для абхаза ты символ Апсны,
Знамя гордой, свободной страны.

Лыхны – предков святая земля,
Та, что Богом дана навсегда!
Никому ее не дадим,
И язык древний наш сохраним!
Лыхны – в сердце верных сынов,
Что в боях одолели врагов.
Ярких подвигов их адреса –
Гагра, Шрома, Сухум, Гумиста…
Память подвигов вечно жива,
Перед нею бледнеют слова.
Враг разбитый бежал за кордон.
Мир, Победа вошли в каждый дом!
Лыхны – горы седые вблизи,
Солнце и благородство души!
Речь абхазская всюду звучит,
В ней – дух предков –
Могуч и велик.
Неизбывный, он с вечностью слит.
Лыхны – гордость моя и душа,
Совесть, сила, мечта и судьба.
Для абхаза ты – символ Апсны,
Знамя гордой, свободной страны!

Я – МАХАДЖИР

Я – махаджир, а по крови абхаз.
Мои потомки волей злого рока
Лишились Родины, покинули Кавказ,
Живут по странам Ближнего Востока.
Священная Апсны со мной всегда,
Ничто тебя на свете не заменит.
Ты путеводная моя звезда,
И сердце тебя любит, помнит, ценит.
Абхаз без Родины что птица без крыла.

По всем людским и божеским законам,
Кому природа-мать полет дала,
Тот жизнь прожить не может приземленно.
О Родине мечтал, но не видал.
Я был как та потерянная птица.
Мне только дед, когда он умирал,
Велел Сухуму низко поклониться.
А на Сухум напал коварный враг,
Тогда не стал я долго собираться…
И я на Родине с оружием в руках,
И мне судьбой здесь суждено остаться.

* * *

Я люблю вас, горы снежные!
Я люблю вас, ночи звездные!
И ручьи звонко звенящие,
И леса вечно зеленые.

Все, что было со мной, – не было,
Все, что пело нежным голосом
Там, где детство быстротечное
Отзвенело зрелым колосом.

Леля Тванба

1952–2006

* * *

У моего безмолвия есть голос,
Как бы поющий про себя,
Чем знаменит открытый мною полюс,
Чем примечательна моя судьба.

Я не скажу – он альт или сопрано,
Он раздевает душу донага,
Как скорбь моя по всем ушедшим рано,
Иль как огонь родного очага.

Безмолвствую – благоговею, значит,
Перед дорогой дальнею моей,
Безмолвствую – кляну ее и плачу,
Что нету ни конца ни краю ей…

* * *

Одинокая, к морю иду,
Как к кипящему белому саду,
И душа, что с собой не в ладу,
На себя же и копит досаду.

Здесь по-прежнему берег размыт
И по-прежнему пристань пустынна,

А у моря – изменчивый вид,
Тот, который в тебе я постигла.

Ты, мой милый, всегда штормовой,
Свои руки, как весла, табаня,
Ты зовешь меня вновь за собой,
Ибо что же одна – без тебя я?!

Пристань это на мокром песке
Или это полоска прибоя,
Что чернеется невдалеке
И светлеет вослед за тобою?!.

* * *

Как прекрасно это небо,
Как чудесна лестница,
Увлекающая в небыль
Золотого месяца!

Я под хором звезд падучих,
Крепких, словно овощи,
То ль простушка, то ль пастушка
При таких сокровищах.

Не воскликнешь: «Что я, где я!..»
В это полнолуние
Сходит в ночь с небес Медея –
Дочь золоторунная!

* * *

Что начертано жизнью на бронзовых лбах, –
И бумага, и камень доносят фальшиво.

В коробах пропотевших расшитых рубах –
Махаджиры* – вы Турции всей пассажиры.

Ваши лица пылают тоской пепелищ,
Почти черными сделав румянцев багрянцы.
Что без Родины каждый? И сир он, и нищ,
Даже если карманы металлом багрятся.

Вот цена ностальгии – тоска без конца!
Не ее ли волнами захлестнуто сердце,
Когда вижу морщины
на экране лица
Неприкаянного единоверца?

Когда вижу чужбиной забритые лбы,
Где в изломе бровей еще теплится совесть,
Этот панцирь судьбы,
Эту сетку игры –
Той,
В которой проиграно все уж!..

* * *

Знак дружбы между мертвым и живым
И вечности неумолимый призрак,
Явить бронзоподобием своим
Он крепость человеческую призван.

Он посвящен какому-то лицу,
Но я-то знаю, как это ни странно,
Пред монументом Павшему Бойцу
Все памятники мира безымянны.

Я вижу в них надежд людских свечу,
Поставленную в память о грядущем,

* Махаджиры – абхазы на чужбине.

Когда никто – так заявить хочу –
Не прикоснется к символам гнетущим.

К войне, к ее немыслимым цветам,
Ничьей не излучающим улыбки,
К тысячезалповым, как псиный лай,
Фронтам,
Напев глушащим апхиарцы – скрипки.
Мы позволяем камню онеметь
Лишь в честь того, кто – как маяк идущим,
Как Иуа*, глядящий в жизнь и смерть
На берегу раздумья о грядущем.

* * *

Знаю: нет на свете рая, нет Эдема
В этой дымке-невидимке голубой,
Где бы я могла довольствоваться немо
И врагами, и друзьями, и собой.

Где река бы бунтовала без осадка
Пены, узкие ущелия тесня,
Где одна твоя наездника осанка
Заставляла б меня веровать в коня.

Я ребенок, и далекое мне близко,
Словно чья-то непробудность на заре.
Со слезами прохожу у обелиска
По следам всех уцелевших на земле.

Волнам кланяюсь со скал, молюсь прибою,
В этой дымке-невидимке голубой,
Милый, милый, я всегда перед тобою,
Словно сказочный стригун перед травой.

Вот таковский – на чужбине или дома –
Среди грешных ли, нездешних галерей,

* Иуа Когониа– абхазский поэт.

Мне завидует Сикстинская мадонна
С неживою неприступностью своей.

Как я двигаюсь в седле, как в нем качаюсь,
Как карабкаюсь на перевал потом,
Как в тебе, мой Ерцаху, обозначаюсь
Мною пройденных окрестностей крестом!

Переводы А. Щуплова

Вячеслав Читанава

1955–2005

МАТЬ

Священный образ твой – перед глазами
И в сердце – ярче солнечного дня:
Когда во мраке, словно нож, меня
Настигнет ложь –
Улыбкой и слезами
Вселишь надежду и спасешь меня.

Когда в дороге, бесконечно длинной,
Сразит гроза, как пулемет, меня –
Твой светлый образ песней журавлиной
Прибавит силы и спасет меня.

Когда – во имя тьмы – потоком горным
Во тьму безверья унесет меня
И стану я завистливым и вздорным –
Твой гордый образ
Ликом чудотворным
Вернет мне веру и спасет меня.

Когда лучи рассвета из тумана
На землю брызнут, радостью даря, –
Я знаю: твой священный образ, мама,
Мне и тогда нужнее, чем заря…

* * *

Солнце упало в росу –
и растаяло
Эхо заката в лиловой степной тишине.
Ночь прослезилась во сне и оставила
Сердце с бессонными думами наедине.

Молча сижу на скамейке и думаю.
Белка в тумане – как звездочка среди ветвей,
И усыпляет сверчок суету мою
Нежной, как ночь, колыбельною песней своей.

Лес огласился речами печальными –
Листьев пречистую исповедь не тороплю,
Слушаю шелест, зелеными тайнами
Завороженный, –
свидетелей не потерплю!

Полночь улыбкой луны желторотою
Вечные свечи созвездий зажгла над землей,
А ветерок, ворожа над природою, –
Сладок, как ласки возлюбленной перед зарей…

Только одна меня дума тревожит:
Как же несчастны и жалки, наверное, те,
В ком суета навсегда уничтожила
Эту безбрежную нежность к ночной красоте!

СЕРДЦЕ

Мечта исчезнет, как морская пена,
Когда ворвется в сердце пустота:
Растает тайна сердца без следа –
И задохнется сердце, и мгновенно
Погаснет, как падучая звезда…

Оно способно мыслить, заливаться
Слезами
и предчувствовать беду,
Ему ли горя и утрат бояться –
Познавшему и ад, и высоту?

Оно летит над суетою –
синью
И солнцем в небеса вознесено…
Лишь перед одиночеством бессильно,
Бессильно перед подлостью оно.

Оно, любя, и плачет, и хохочет,
Хранит с добром извечное родство…
Да будет проклят каждый, кто захочет
Обидеть бессердечием его!

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

К нам эта ноченька нынче пришла, золотая,
Словно из сказки – не то что вчерашняя ночь.
С неба, все небо собою заполнить желая,
Смотрит на землю
Земли лунноликая дочь.

Девушка – дочка соседская – свет погасила,
Где-то витает во сне над пустыней теней.
Это всю ночь не ее ли звезда голосила,
Тускло светила над нами, тоскуя по ней?

Замерли в зарослях, звезд гребешками касаясь,
И в полудреме молчат петухи до поры,
Лишь в тишине одинокий щенок, заливаясь,
Лаял всю ночь на веселые сны детворы.

Канули в Лету, едва появившись, картины –
Смутные, словно безликие слухи молвы,

И, оглашая старинного храма руины,
Тишь разрушают тревожные крики совы.

Мы одиноки, миров созерцая громаду?
Сонные ветки напомнили: мы не одни –
Листья смеялись над нами всю ночь до упаду,
Так и летели, сорвавшись, на землю они…

* * *

Я грустил об уходящем лете,
Так хотел, чтоб не ушло оно!
Ведь зимою даже на рассвете
Сердце снежной мглой заметено.

Поле – от холодного тумана –
Словно белый плюшевый палас…
Как зима нетерпелива –
рано,
Слишком рано посетила нас!

Озверела стужа, бессердечно –
Как зубами – ставнями скрипя…
«Лето, как лета мои, не вечно» –
Так я успокаивал себя.

Капель ледяная паутина
Окна занавесила с утра…
Согревала сердце лишь картина
Лета, глядя на меня с ковра.

Переводы В. Краско

Саида Делба

1965–1992

* * *

Зажгли огни задолго до меня,
И до меня костры заполыхали,
И песни спеты тоже до меня,
Что тайна для меня – другие знали
Задолго до меня.
И день седой
Сменялся ночью до меня, на войнах
Летели стрелы, проливалась кровь
И выжигала след в полях зеленых.
Рвались сердца задолго до меня,
Все это истощалось и кончалось,
И до меня, кто песней утешал,
Тем собственную душу истончал,
А тот, кто песней горы удивлял,
От этого безмерно уставал.
Еще когда со мною колыбель
Не закачалась, кто-то с сожаленьем
Вздыхал и мое имя повторял.
Звучала надо мной его свирель,
К земле влекло его благословенье.

* * *

Рой голосов невидимых
Я слышу их, действительно.

Они звучат, как рокот волн,
Все разные, но муки полные,
И все так жалобно слабеют.
Они меня жалеют?
Я слышу их действительно
Не видящих, не видимых.
Я не скрываюсь и не плачу,
Их к разговору не подначу,
Шепчите там себе, шепчите,
От ветра вы не защитите,
Жалеть меня-то нечего,
Сама иду навстречу вам.
Пускай о счастье дня грядущего
Помолятся со мной живущие.
Но пусть поплачут о печали
Те, кто печали не познали.

* * *

Вы забыли меня, а ведь раньше
Я здесь цветы собирала.
Вы забыли меня…
А я знала прежнее солнце,
И каждое утро одно только имя
Произносила. Обожествляла.
И бежала по тропе родниковой воды напиться.
Но теперь я живу не здесь.
Вы забыли меня.
«Умерла», – сказали и цветами
окружили мое жилище,
И ушли по своим делам.
А прохожие эти цветы срывали,
Чтоб украсить свои ограды.
Твое имя во мне звучало,
Но осталось оно за гранью.

За рекой меня кто-то кликал,
Мне хотелось, чтоб он услышал ответный зов.
Я смотрела
За мельницей на реке,
Пролегающей между нами.
Между нами таились звуки,
Нависало меж нами небо.
И зияла большая яма,
Из которой не выбирались кони.
Чаща лесная, одиночество ожидания.
Я ждала там, за гранью…

* * *

Кто после нас? Ведь кто-то остается,
Чтоб погасить последнюю свечу,
Кто на коне последнем пронесется,
Кого наш взгляд достигнет лишь чуть-чуть.
Кто после нас? Кому-то ведь придется,
Поставить свечку на могилы нам,
И в песню, что последней пропоется,
Вплести наши гаснущие имена,
Да кто же он, в какой он тьме плетется
И каждогозовет из этой тьмы?
И каждого дух на это отзовется,
И снова вместе соберемся мы.
В ночи, с горы, где сонм духов вьется,
Он наши имена из пустоты
Твердить начнет, и утро не проснется,
И все укроют мертвые цветы.

* * *

Я пью чистоту твою – чистую жажду,
Пока не полюбишь меня ты однажды,

Пока не полюбишь, пока не придется
Испить мое чувство – горячее солнце.
Этой весною
Я стану Любовью,
Только кликни: Любовь! И с охапкой цветов
Тут же выйду навстречу – вот так и отвечу.
А когда мы с весной утомимся тобой,
Когда станешь с весной ты – как будто со мной,
То меня ты в саду
Не ищи – я уйду.
Ты меня Любовью зови,
Человек – планета Любви…

Я хочу в тебе все переполнить, что пусто,
Все в тебе опрокину я в поисках чувства,
Буду долго искать, упаду обессилено,
Ведь сейчас я сливаюсь с весной неразрывно.
Кого любит весна,
Знаю я и она.
Что сейчас ощущаю,
Она только знает,
Но молчит, и я слово промолвить боюсь,
И Любовью украшен наш тайный союз.
Но не к месту Луна – ведь она холодна,
Ах, бедняжка Луна!
Я сейчас, как и прежде, Любовью зовусь.

* * *

Это небо меня знает,
Это небо понимаю.
Вот родник – он оживляет
След внадеждах – он не тает.

Небо бледно, солнце тускло.
У людей – другие чувства.

Листья, чьи вы? В кронах пусто –
Может быть, кому-то грустно?

Есть дороги – их прошла я.
В сердце рана есть – жила я.
Слово есть – мечта больная.
Песня память воскрешает.

Переводы Е.Чуприной

Валентин Когониа

1959

* * *

Неповторимы небо и луна.
И околдован я звездою-птицей,
Но ты одна, любимая, одна,
И что с твоею красотой сравнится?!

Но я боясь, что в небеса влюблюсь,
Любуясь синевою неземною,
И на тебя все жарче я молюсь,
Хотя ты в этот час и не со мною.

Вчера среди вечерней чистоты,
Не знаю, может, и приснилось это,
Мне показалось, что чинара – ты,
И простоял я с нею до рассвета.

Боюсь забыть… Боюсь тебя забыть
И среди дня, и среди темной ночи.
Но что мне делать, как, скажи, мне быть,
Когда об этом думать ты не хочешь?

* * *

Вечерняя пора
Крылом коснулась снова.
Но мне в поход пора, –
Ведь песнь уже готова.

Ночь черная вокруг
Раскинулась, как бурка,
…Стихи родились вдруг
И светятся как будто.

Рождение стиха –
Мне это так знакомо.
Светла ночь и тиха,
И не сидится дома.

* * *

Улетели птицы далеко-далёко,
И деревья точно в мираже.
Грустно на душе и одиноко,
И тревожно как-то на душе.

Все равно надеюсь, жду рассвета,
Час, когда взойдет трава,
Мне зимой холодной не хватает лета,
А точнее, света и тепла.

Но вокруг, куда ни глянет око,
Опустелый, одичалый край.
Грустно на душе и одиноко,
Тут поможет только май.

* * *

Волна за волною,
Как нота за нотой,
Рождается музыка
Этой работой.

Волна за волною,
Ликуя и споря,

Рождается песня –
Мелодия моря.

Когда это было?
Наверно, в апреле.
И морю хотелось,
Чтоб вместе мы пели.

Но только напрасно
Старался я все же.
Мой голос на море,
Увы, не похожий.

И волны умчались
Гулять на просторе.
Но в песне осталась
Мелодия моря.

* * *

На колени лавровишен
Босиком взобрался ветер.
Поднимается все выше,
Хорошо ему на свете.

А деревьев этих тень
Уползает, уползает.
От меня уходит день –
Сколько впереди… кто знает?
Знать бы мне, что долго жить
И с деревьями дружить.

Переводы Э. Дзыба

Гунда Сакания

1966

ПЕСНЬ САТАНЕЙ

Ночь умрет,
Чтоб дню родиться.
Смерть и жизнь
Должны сразиться.
Дождю – литься,
Снегу – виться,
Грому с молнией –
Пробиться,
Ветру с бурей –
Перебиться.
Ночь умрет,
Чтоб дню родиться.
Смерть и жизнь
Должны сразиться.

* * *

Сентябрьстал пахнуть
Осенней травой.
Гадалкою время
Пожухлойлиствой
Нас всех раскидало.

Куда нам идти?
Так часто теряем
Друзей по пути.
И каждый день
Меняет наш лик,
В забвения тени
Остаток велик.
То сном, то ли явью
Проходит так жизнь,
Не все успеваем,
С потерей – одни…
Сентябрь сталпахнуть
Осенней травой,
Нас всех раскидало
Пожухлой листвой.

* * *

Одиноко ветру в поле,
Заходи в мой дом!
Молча скажем мы о боли
И запьем вином.

Ночь слепа,
без звезд так тихо,
ночи напролет.
Где-то бродит
Мой любимый,
Скоро он придет.

Только есть тоска другая,
Мы о ней молчим –
Умереть нам не давая,
И уходим с ним.

Жизнь – глоток воспоминаний
Хотьбы выпить мне!
Но летит, как дикий всадник,
Время на коне.

Одиноко ветру в поле.
Заходи в мой дом!
Молча скажем мы о боли
И запьем вином.

* * *

Глядим на луну – желтоглазую
смерть,
И в сердце заходит огнем,
чтобы сжечь.
Поднявши до неба, уносит нас
прочь
И делит по звездам нас
каждую ночь.
Звезда моя где?
Я смотрю в темноту
И самую яркую в небе ищу.
Чтоб тайное время спросить,
Почему
Того, что прошло,
никогда не вернуть? –
По лестнице ночи иду к небесам,
Гляжу я в луны смертный глаз
по ночам.

Переводы Л. Аргун

* * *

Я вгорах под сердцем Бога,
Где такая благодать?!

В жилах кровь бурлит потоком,
До небес рукой подать!

Перейдешь гору – гора,
Где долина, где скала…
Я сюда сбегу когда-то
И останусь навсегда.

Время здесь поспешает,
Вечность проживаетгод,
Солнце, коли тебенадо,
Не уйдет за горизонт.

Заберешься на вершину –
До небес рукой подать.
Я в горах под сердцемБога,
Гдетакая благодать?!

Перевод А. Жиба

Гунда Квициниа

1965

* * *

Небо было велико,
Уж пролилось молоко.
В три рожденья,
в смерти три
я вгляделась по пути,
В трех рожденьях,
в трех колодцах
убаюкана была.
Муку той,
Что зачерпнула,
А не радость принесла.

Изгороди троесмертья,
Заблудившись, перешла.
Троесмертье – след от пули
Остается от меня.

Перевод А. Ковe

* * *

Осень, боюсь я
твоего ухода,
как боялась твоего возвращения.
Все переносит земля:

и лето, и зиму, и весну, и осень,
лишь со мною не знает,
что делать.
Бой часов моих не дает мне уснуть,
повторяя: «Кто ты, кто, кто ты?»
А я пятая часть года,
проходящая между домами,
я узнаю тебя по бою твоих часов,
как меня узнают по крику летящих птиц.
Мне часы не дают уснуть,
разделяя, как время,
на глухие периоды ночи.
И луна поднимает мою тень на стене.
Вернись же, осень,
без тебя моя тень темнее.

Перевод Н. Венедиктовой

ОДИН ЛИШЬ МИГ

Один лишь миг –
в дар
от тебя.
Один лишь миг –
перед моим уходом.
Один лишь миг –
немного удлини
мой путь
до Твоего порога.
Десницей отодвинь
В безвременье своем
мой срок.
О чем же большем
мне тебя просить!
Великий Боже!

Если нет меня
В Твоей Книге Вечности –
впиши,
если вписана –
не стирай,
если без имени –
дай мне свое имя.
В миге одном,
В миге вечном своем
заключи меня!

Перевод автора

* * *

В лазурном море парусник плывет,
В твоих глазах я замечаю боль,
Обиду, но не знаю почему…
Смеркается на синем берегу.
Чем ближе ночь, тем дальше были мы,
С угасшим днем наш парусник уплыл,
Свисали неба клочья до земли.
А глаз моих ты синеву испил.
Нам виден синий парусник вдали,
Твои глаза похожи на мои.

Перевод А. Жиба

* * *

С тоски просыпаюсь,
Во сне ты мне снился,
Ты в сердце, но где ты?
Куда ты сокрылся?

Не знаю, что стало:
Жива ли, мертва ли?
Осталась я в мире

То снов, то ли яви.
Печали и счастья
Пути бесконечны,
По ним бы добраться
К тебе, в твою вечность.

Извечный мой путь
К тебе бесконечен,
А здешний мой путь
Временем мечен.

Перевод А. Жиба

Игорь Хварцкиа

1955

СУДЬБА

Есть растение,
цветущее раз в жизни,
после этого – умирающее.

Пускайнанемлежитпроклятье,
Игибельноегоцветенье:
Веснаприходит,иопятьон
Живетнадеждойнаспасенье.

Живет,средидругихстрадая,
Когдавеснавокругликует–
Своейсудьбынепринимая,
Насветломпраздникетоскуя.

Ноондышалвеснойбезбрежной,
Когдаоднажды,нарассвете,
Оделсявтраурбелоснежный
Иумер,смертинезаметив.

Онбылрожден,годамимучась,
Соединитьводномгновенье

Своюнемыслимуюучасть–
Печальмогилыицветенье!

Перевод А. Бардодыма

ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Утромвгорыбросилкрик.
Голосмойлетелирос,
Прыгал,билсяобутес.
Поразилсякаконрос,
Тот,ктослышалвэтотмиг.

Голосрвался,полныйсил,
Словновыстрелударял
Омолчаньедревнихскал,
Иответмнепрозвучал:
«Ктоже,ктоженасубил?»

Раскололисьидробились
Камнивгрохотеобвала.
Лишьтеперьмнеясностало:
Тишинаихсохраняла.
Мнемолчаниеоткрылось.

Перевод А. Бардодыма

ЛЕПЕСТКИ И СНЕЖИНКИ

Мельтешаикружась,
Лепестковснежныйрой,
Надзимоюсмеясь,
Падалвешнейпорой.

Втотобманчивыймиг,
Средиихкутерьмы,

Самявмысляхмоих
Былдалекотзимы…

Надвесноюсмеясь,
Лепестковснежныхрой,
Мельтешаикружась,
Падалзимнейпорой.

Перевод Н. Хлебниковой

* * *

Могучаяволна,
ставнадыбы,
Притормозила
наполномскаку –
Лихомуджигиту
словноповинуясь.
Нарастая,
обрушилась
наберег.
Длинноскользнув
Погладкомупеску,
Пенойбелоснежной,
Откатилась.

Стая
Мелкихволн,
Второстепенных,
Беззвучноисчезала
Постепенно
Впене
той,
Первостепенной.

Перевод Н. Хлебниковой

БЕРЕГ БЕЗ ВОДЫ

Высохшее русло станет золотым,
если вновь наполнится живительной водой.
Абхазская пословица

Камни белой борозды
Вспоминают грустно
Говор ключевой воды–
Золотое Русло.

Здесь молчание царит,
Тайна здесь хранима,
Камень снебом говорит,
Время льется мимо.

В тишине, грозябедой,
Буря соберется –
Злой, грохочущей водой
Русло захлебнется.

Волны мутные пройдут–
Взяв, что поддается.
Камни дух переведут,
Камень не сдается!

Перевод Ю. Лакербая

Надежда Венедиктова

1952

* * *

Моя ночная репутация блестящая,
говорю об этом с откровенностью яблока –
висящую в воздухе звездную тяжесть
перерабатываю в настоящую
полную тяжесть падения в воду,
где фосфоресцирует мокрый воздух,
и можно лежать на спине, отражаясь
в небе с лукавством сатира и нимфы,
с берега пахнет ставридою жареной
и прошлогодним красным вином,
кто-то пирует, а я фланирую
в позе спящего, вояж одиночества
в страну беззащитности и служения,
где красоте поклоняются молча,
как внезапно оглохшей женщине,
и молчание во рту, как смоква,
движется звезда, темная, завтрашняя,
еще невидимая пространству,
и поверхностью моря ведется запись
происходящего, мерцает праведник,
пролетающий мимо, видно, торопится,
за ним второй,
и здесь нет покоя от спешки, даже смешно,
но сдерживаюсь – и захлебнуться можно,
тишина до печенок, и лишь иногда доносятся

голоса, бывает же хорошо до крамольного
отчаянного желания помереть и увидеть
мир изнутри, в наготе отрицания,
где ночь посредине пустыни, как львица,
сторожит детеныша – оттиск моего лица…

* * *

Конец декабря
Византийские позы приезжих
основали на берегу порядок
подчинения воздуху в целом. И если
привлекательность молодых мужчин
еще что-то значит для девушки, варящей кофе,
то цивилизация не зря сочится
из водопроводных кранов на улице Лакоба.
В очереди за новогодними игрушками
обсуждают несостоявшееся землетрясение –
если, говорит, мой дом обрушится,
жить перейду в черноморский бассейн,
остальные поддакивают его оптимизму
и следят за тем, чтоб не лезли без очереди,
одинокая пальма взяла на себя
благородную миссию
вывести город из быта и теперь одинока не очень.
Художники восседают на «Амре», как истинные
бездельники, джентльмены удачи,
их души блуждают, как кошки, в таинственном
зыбком городе обладания
тенью как собственностью и поводом к лени,
преобразующей восток в удовольствие
быть анахоретом пятна и сумрачным пленником
власти, лепящей тебя, как из воска.
Залив застенчив и делится пасмурным блеском,
Домашние новости воскуряются к небу,

Конец декабря, как горячее молоко. Полезен,
И его заменить абсолютно нечем…

* * *

В естественных условиях кофейни
лицо напротив, как этюд к картине,
скользящей в сумерках рождением профессии
из пены, как богиня, что простительно
не только всем пластам отождествления,
но и заливу как бродяге и свидетелю
беседы о необходимости полемики
с собою и привычкой быть одетыми
во вкусе окружающих, не стоит
ссылаться на законы и на облако –
над столиками шествует простое
и держат за руку фигурку осени…

* * *

Скульптурно оформленная личная жизнь –
поза раскованного созерцания
в надежде на сумрак и неожиданность;
усталость поджала ногу, как цапля;
прошлое в виде акрополя с
чередою ясных и пасмурных дней,
из которых, как нежное эхо-пропасть,
сиреневой раковиной прет энергия;
вечер мы провели, как клятву Горациев –
стоя, в разгаре великолепного жеста,
и темнота с чисто кошачьей грацией
обводила нас, как черный прожектор;
принимаю знаки внимания от собеседника,
отвечаю толпой обольстительных кариатид,
держащих взгляд его, как воду – бассейн,

и размножающих в воздухе яблочный архетип.
И куда ни толкнись, везде скульптурная мастерская.
Проскользнуть просто так, без объема и
формы, нельзя –
мир материален, словно нужно пощупать руками.
Короче, и здесь ты себе не хозяин,
а просто выставлен напоказ…

Лев Любченко

1933–1998

ЛИЦО СВОБОДЫ

Сверканье солярного знака,
Летящий стремительно конь,
Зеленые полосы флага,
Открытая миру ладонь.
Храните, абхазы, храните,
Символику ваших отцов,
Но пуще всего берегите
Свободы святое лицо!
Все будет: и счастье, и разум,
И песня, и радостный труд;
Но пусть пуще глаза абхазы
Свободу свою берегут.
Свобода вернет махаджира
Забудется ваша беда,
В стране поумневшего мира
Не будет войны никогда.
Друзей по-абхазски зовите,
Да будет веселым ваш дом,
Врагов по-кавказски гоните,
Чтоб к вам не ходили с мечом.
Хоть малой, но вольною птицей
Взлететь над горами должна.

Красивой и чистой, как Рица,
Должна быть родная страна.
Сверканье солярного знака,
Летящий стремительно конь,
Зеленые полосы флага,
Открытая миру ладонь.

ПОБЕДА

Победа радости,
Тяжесть утраты…
С победой, ребята!
С победой, солдаты!
И мужество ваше, и
Божия Милость
Решили, на чьей стороне
Справедливость.
Вас мало, но Родину
Вы отстояли.
Их много… Они не ушли –
Убежали.
Да, тяжесть утраты ничто
Не развеет
И памятник нам сыновей
Не заменит.
Но вечная память, всесильная
Память
Для внуков и правнуков
Символом станет.

* * *

Не знаю я, может и статься,
Что близок конец моих дней.

С людьми я привык расставаться,
С природой расстаться трудней.
Особенно с морем…
Без моря
Давно бы концы я отдал.
И боли, и горькое горе,
В него окунаясь, смывал.
Шальная ли пуля, осколок,
Черт знает, какая беда
От этого синего дола меня унесет
навсегда.
А жизни не мыслю не вместе,
Не то чтобы просто скучал.
Она моя первая песня,
Она мой последний причал.

Николай Патулиди

1944–2010

АПСНЫ

Мгла
Серой шалью кутает леса,
И звездный рой
Трепещет над ущельем.
Я слышу апхярцу
И голоса,
Зовущие меня на новоселье.
И я пришел к ним снова,
Напрямик,
Как шел отец
По зову «Киараза»...
И здесь,
Среди ликующих абхазов,
Вдвойне мне, греку,
Дорог этот миг.
Горжусь я тем,
Что ты, моя Апсны,
Меня любить
И верить научила,
Дала в награду
Радугу весны,
Еще стихи
На счастье подарила.
День ото дня

Лишь у тебя одной
Готов без устали
Учиться жизни.
За путь,
Что ты открыла предо мной,
Я кланяюсь тебе,
Моя отчизна!

* * *

Вершины.
Низины.
Покой и уют.
В процеженной сини
Рассветы встают.

Здесь воздух пропитан
Настоем весны.
Здесь взору открыта
Вся прелесть Апсны.

Бодрящею силой
Небесных высот
Здесь полнит светило
На пляжах песок.

А горы тут строги
Под россыпью звезд,
А в море так много
Живительных гроз.

И только повеет
Прохладой с долин,
Как осень хмелеет
От бархатных вин.
Здесь мягкие зимы,

Богатство суля,
Питают косыми
Дождями поля.

Здесь скалы отвесны
И реки быстры.
Туристские песни
Взвивают костры.

Леса не угрюмы.
И выси ясны…
О, добрые думы
О доброй Апсны!

* * *

Раскололся надвое августовский день,
Застонали улочки мирных деревень,
Запылали в пламени села, города, –
Так на землю вешнюю грянула беда.
Юная и древняя, светлая Апсны,
Что с тобой наделали сукины сыны?
Только-только выбросить в яму сотый «изм»,
А теперь увериться, как живуч фашизм.
Он цивилизованней рушит, бьет, гнетет –
И пускай попробует рот открыть народ…
Ах ты, демократия, горько, больно мне,
Что тебя придумали в эллинской стране.
Ты ль не исковеркана, не осквернена,
Коль в твои святилища пущен сатана,
Коли ты растоптана им и иже с ним,
Коли спекулируют именем твоим?
Неужель явилась ты потому на свет,
Чтобы мракобесию дать приоритет?
Чтобы орудийная всюду стрекотня

Яростно печатала кодексы огня?
Неужели дожили до таких времен,
Что не в силах извергам выставить заслон?
За друзей замученных, за ребячий страх,
За сожженных заживо в собственных домах,
За свое Отечество, милый уголок,
Вам, бойцам-спасителям, да поможет Бог!

* * *

Унылый свет, холодный свет
В окошко льет луна.
На самой дальней из планет
Спит женщина одна.

На самой дальней из планет –
Прекрасной из планет,
Откуда через много лет
Ко мне домчится свет.

И я встревожусь невпопад,
И, сам себе не рад,
Зачем-то ночью выйду в сад,
В осенний хмурый сад.

И снова вспомню давний сон
О лучшей из планет.
О том, что был я там рожден
Для радостей и бед.

А эта женщина была
Единственной моей…
Какая сила все смела
И разлучила с ней?
Зачем я просыпаюсь здесь

И вижу звездный свет,
Как будто прошлой жизни весть
Сквозь миллионы лет?..

* * *

Вечер полон волн живого плеска,
Звона неумолчного цикад.
Смутно и старинно, точно фреска,
В сумерках проглядывает сад.

По стене ползут стволы глициний
Как тела переплетенных змей.
От кистей исходит бледно-синий
Зыбкий свет блуждающих огней.

Нежностью фарфоровых магнолий
Чернота листвы оттенена.
На вечернем ясном небосклоне
Сумеречно-бледная луна.

Но когда ночная тьма сгустится,
Призрачные краски погасив,
Над землей и морем воцарится
Серебристый лунный лейтмотив…

Владимир Саблин

1929

КОСМОС – НЕ ОТВЕЧАЙ…

Мы часто стенаем: «В какую годину
Пришлось мне родиться – как времени сыну».
Но так же стенали и наши прадеды,
Неся крепостничества тяжкие беды…

И те же далекие пращуры русов –
От льдов уходящие в земли индусов…
Все было… все было… и в будущем будет –
Коль мир в озверении общем пребудет!

И то ли познают бедняги-потомки,
Коль катится мир человечий в потемки…
Где даже и блохам не будет спасенья –
От общеглобального Столпотворенья!!

И Матерь-Земля возопит от обиды!!
И в плаче… сойдет… с Солнцеокой орбиты…
Сойдет навсегда на другую дорогу…
И что будет с Нею – известно лишь Богу!

СВЯЩЕННЫЙ МИГ!

Прозренья миг – Священный миг!!
И миг тот вещий состоялся!
Я в тайну древнюю проник,
С которой – лишь соприкасался!

Я все кружил вокруг нее…
Плутал меж трех известных сосен…
И лишь тревожило чутье:
Что миг прозренья – Судьбоносен!!

Но я искал Себя в себе…
Я все тесал в Душе мой Камень –
Чтоб изваять в моей судьбе
Свой Столп избитыми руками!!

И грянул долгожданный миг –
До Истины я достучался!!
И Столп огня в Душе возник,
Что в Камне до сих пор скрывался!!

И я вскричал: – К огню! к огню! –
Спешите, люди, отогреться!!
Я всех приму вас; как родню,
В мое распахнутое сердце!

РОД ЛЮДСКОЙ…

Гляжу на мир с высот Парнаса –
И грусть-печаль меня берет…
Не три, не две – ОДНА лишь раса –
Болванов!! – на земле живет…

И длится – пять тысячелетий!! –
Все больший… больший болванизм…
Где с каждым веком – жестче плети,
Все с окончанием на «изм»,
И пусть исходим диким стоном! –
Наш болванизм растет… растет…

И род людской – по всем канонам! –
Спешит стать расой… «идиот»…

Что будет дальше? – Время скажет,
Коль доживем до тех времен…
И кто – намеком хоть!! – подскажет:
Как дальше назовется он??

ДАР БОЖЕСТВЕННЫЙ!

Я ставлю Чувства выше знаний всех!!
Они даны для Жизни нам от Бога!
А знания – тот самый страшный грех,
Что губит Жизнь у каждого порога.

И чем не больше всяких там наук
И чем не больше всяких академий –
Тем больше Мир испытывает мук
От жутких… боевых… изобретений!!

И стонет человечество уже,
Предчувствуя всеобщую погибель…
Ведь Мир стоит на страшном рубеже,
Где уцелеет лишь случайный житель!

А что потом и с ним произойдет?
И встретит ли он где-нибудь собрата?
И возродится ль где-нибудь народ?
И зазвенит… топор или лопата? –

Ответа на вопросы эти нет!
Лишь в сердце где-то теплится Надежда,
Что сохранит Всевышний Этот Свет –
Хоть род людской есть сущая невежда!!

ПАРНИК ВСЕЛЕНСКИЙ

Наш Мир не случайно когда-то возник –
«Случайностей» нет во Вселенной!!
Он создан Всевышним как чудный парник –
Чтоб Мир развивался наш, бренный.

Чтоб род человеческий мог расцветать
Духовностью выше и выше!!
Чтоб в чем-то Всевышнему смог помогать –
В какой-то космической нише…

Когда ЭТО будет?! – не ведаем мы.
И будет ли?? – тоже не знаем…
Ведь в сущности – из звероящерной тьмы
Мы только – чуть-чуть! – выползаем…

И где тот Святой, кто укажет нам путь,
Чтоб вышли мы к заданной цели?!
Ведь Боже Спаси нам с дороги свернуть –
В подлейшей… земной карусели…

Сергей Агындиа

1953

* * *

Майским берегом ступая,
девушка у моря шла
и, весною обдавая,
тайну юности несла.

В платье ситцевом, босая,
шла по берегу легко,
волосы перебирая,
в море глядя далеко…

Что глядит в простор свободный,
что несет ей чаек крик?
Может, ветер перелетный
в мысли тихие проник?

Майским берегом ступая,
девушка у моря шла
и, весною обдавая,
тайну юности несла.

* * *

Забудь, прошу тебя, сегодня о тоске,
о тяготах земли не говори ни слова.

Вон сизый конь в долине, вдалеке,
заржал, умолк и к нам взывает снова.

Когда весна зовет меня вперед,
от долгих мыслей душу отрывая,
и ветер юн, и конь в долине ржет,
не говори о боли, дорогая.

Когда на небе звездам нет числа,
и дышит мир под синею вуалью,
и ночь, как день, прозрачна и светла,
не унижай себя житейскою печалью.

Когда весна зовет меня вперед,
от долгих мыслей душу отрывая,
мы сбросим груз сомнений и забот,
воздушности ночной не нарушая.

* * *

Льется дождь, забывающий сроки,
никого на земле не щадя.
Мой светляк, мой светляк одинокий,
ты совсем потускнел от дождя…

В окна капли ночные стучали
о твоей бесприютной судьбе,
как в беспомощной светлой печали
ты спасения ищешь в себе…

Я хочу обогреть тебя, слышишь,
те же капли мне в сердце стучат,
ну, лети же скорее под крышу,
ну, лети же, мой маленький брат!

* * *

Где-то там, на горизонте, лодка,
колыбель моей мечты, плывет,

ветер гладит берег тихо, кротко,
ну, а сердце все тебя зовет.

Вот уже окликнул, но, заметив,
как, ресницы опустив, идешь,
обо всем забыл на этом свете,
и по телу пробежала дрожь.

Но все дальше лодка уплывает
далеко, за синий окоем,
И оттуда песня долетает…
Волны оставляют нас вдвоем.

* * *

Весна еще не говорит ни слова,
но шлет грядущий свет,
и я уже бегу от этой мглы суровой
и заметаю след…

Нет, мне ее не жаль бесчувственной, морозной,
забывшей даль и высь,
мне страшен этот путь, бессвязный и беззвездный…
Звезда моя, явись!..

Свети, моя звезда, свети мне через годы,
развей туман слепой!..
И ты, дитя полета и свободы,
простую песню пой.

Оставил я крещенские морозы
и стон полуживой…
Я снова твой, весна… Нам ни к чему вопросы,
когда я снова твой.

Переводы В. Гофмана

Артавазд Сарецян

1957

НАИРИ*

Смотрю на карту и с тревогой слышу,
Как орды обезумевших идут,
Как стаи бестий на кусочки рвут
И пожирают тело твое… Вижу…

И, кровью изливаясь, мир вокруг
Мгновенно изменяется, а тело
Твое становится приютом веры:
Маштоца** алфавитом – «Айб», «Бен», «Гим»,
«Историей» Хоренаци*** и «Плачем»,
И «Песнопением» Нарекаци,
И скорбью Комитаса «Антуни»**** …

Кровоточат твои святые раны.

Но что же с кровью сделалось твоей? –
Она Кармир Ворданом***** стала для церквей –

---

* Наири – древнее название Армении, буквально – Страна рек.

** Месроц Маштоц – создатель армянского алфавита.

*** Мовсес Хоренаци – крупнейший армянский историк V века.

****«Антуни» – произведение Комитаса, наполненное скорбью и трагизмом, написанное после Геноцида 1915 г.

***** Вордан Кармир – жучок, из которого в Древней Армении изготовляли устойчивую красную краску.

Глубокой тайною для всех времен и…
душ,
Для нас же – и доступной, и простой…

Так, каждый раз, когда смотрю на карту
Страны великой рек, я вижу: ты жива!
Хотя лишь сердце от тебя осталось –
Надежды факел и кулак добра.

ДЕД МОЙ

Светом запеклись разрезы губ,
И шепчу я вновь слова тоски.
И знакомый больно дальний путь
Все зовет, зовет, чтобы спасти.

Не могу я выдержать, ах, нет,
Не собраться в путь я не смогу.
Дед Епрем прошел его – мой дед,
И я тоже – его внук – пройду.

Часто дед приходит в мои сны,
Как и прежде, нежен он и строг.
Землю Трапезунда и Фатсы*
В трещинах ладоней он сберег.

И грустит-грустит передо мной
Пахарь щедрый, фидаин-зинвор**,
По его осанке молодой
Галейджук*** тоскует до сих пор.

---

* Фатса, Уние, Сев гет – названия местностей в Западной Армении.

** Фидаин-зиновор – гайдук-солдат.

*** Галейджук – гора в Западной Армении.

Ах, мираж все это, добрый сон,
Над моей судьбою восходя,
Дед вознесся на пути своем,
Светом стал он, факелом горя.

Духом в мою жизнь вошел мой дед,
Чтоб я до конца прошел свой путь.
Уние все ждет меня, Сев гет,
Ждет меня родной мой Трапезунд.

АРТАВАЗД ВТОРОЙ
(Из цикла «История Армении»)

От бушующих волн рукоплесканий
содрогнулся «Горный остров»,
когда с подмостков Арташатского театра
к твоим ногам скатилась
отрубленная Суреном голова Красса. –
По твоей высочайшей воле,
о царь царей Артавазд! –
великий драматург и поэт,
отныне Красс стал действующим лицом
«Вакханок» Еврипида…

Ты творил.
В страшных муках рождались
достойные твоего гения шедевры,
когда на ступенях высочайшего искусства
блистали
предательство,
благородство,
любовь,
ибо на огромной исторической сцене
действовали виртуозные носители
извечных человеческих качеств

Цезарь, Помпей и Антоний,
Ород, Пакор, Басе…

Да. Ты творил.
И великую трагедию
«О, дайте мне дым очага родного»
ты написал собственной кровью
и сам же блестяще исполнил главную роль…

Приписка после закрытия занавеса:

…Клеопатра уже была убита,
хотя и продолжала еще жить…

Екатерина Бебиа

1956

ГЕРОЮ АБХАЗИИ РОМАНУ ГЕРИА

Тот мост, что красовался в буйной зелени,
Тебя сумел спасти от верной гибели.
Ты свят – и потому ты признан Временем,
Чтоб проторить дорогу победителям.

Мне сказочный твой облик вечно чудится…
Ты выходил из огненного вала.
Природа-мать, трагедию предчувствуя,
В тот миг тебя собою прикрывала.

Я знаю, ты скорбишь опять, печалишься, –
Не заживает ноющая рана,
И матерь Мира стонет, сокрушается
За все цветы, увядшие так рано.

Тебя лишь одного они оставили…
Так передай сполна ты нам их исповедь, –
Ведь ты прошел тот мост, объятый пламенем,
Чтоб мир, победу и свободу выстрадать…

Перевод Н. Патулиди

* * *

Посвящается Заире Джопуа-Лагвилава,
потерявшей в Отечественной войне народа Абхазии
единственного сына Темура

В Акуарчапан дорога солона,
Когда придешь – надолго замираешь.
Перед двумя надгробьями одна
Надсадно о потерянном вздыхаешь.

Земля, которой жизнь отдал твой сын,
Давно ему, родному, пухом стала.
А жизни друг ушел из жизни в сны,
И в изваянье каменном предстал он.

И молодость, и песни, и тепло –
Все то прекрасное, чем ты дышала,
Ты им несла, брала их под крыло,
И радостью, и счастьем окружала.

Их теплый взгляд всю жизнь всегда с тобой,
Их образ не померкнет вместе с горестью.
Как новый день, священная любовь
Вновь возрождается с весенней порослью.

Холодный камень разделяет вас,
Но холод перед сердцем отступает.
И солнце, обожженное не раз,
Твоей любви немеркнущей сияет.

В Акуарчапан дорога солона,
Следы в траве заметны утром ранним.
Отметив мир. Он полон весь тревог.
Но вечная любовь – от всех невзгод.
И все они залечивают раны,
Она – твоя судьба.

Перевод Л. Пачулиа

* * *

Вечером летним в родимом селе
Запах цветов, как закат, полыхает,
Стелятся звуки по сонной земле,
Песни рождаются, воздух вздыхает.

Всходит на небо луна и звезда,
Светом потворствуя ладу и чуду.
Вот, искуситель мой, время, когда
Слышу во всем тебя, вижу – повсюду.

Но тем же вечером, в том же селе
Будешь неузнан и светом, и мною,
Темен, как мгла, растворишься во мгле,
Ибо – где грань между мглою и мглою?

Слух мой устал твое слово ловить,
Облик удерживать – руки устали,
Дай эту смуту и горечь запить
Тьмою забвенья, свободы, печали!

Перевод О. Николаевой

Анатолий Лагулаа

1961

ТЫ НЕ МОЯ

Ты не моя. Как мог я опоздать?!
Он занял твое сердце, а я лишний.
Все ясно мне, ты можешь промолчать.
Зачем слова, в твоих глазах все вижу.

Но жду опять. Ах, стоит ли мне ждать?
Проходят дни, со мной играясь в прятки.
Я за тобой – хоть слово мне поймать,
Как конь строптивый, мчусь я без оглядки.

В полночный час становится темно.
Темно, как спрячешь от меня улыбку.
Когда ж рассвет зайдет в мое окно
И для меня настанет день счастливый?

Ты не моя, я знаю. Ведь таких
Господь не оставляет без награды.
Но сердце лишь к тебе идти велит,
И может этот путь не быть обратным…

Перевод А. Жиба

ЗЕМЛЯ

Земля! В тебе мы прячем нашу боль.
Тебе мы доверяем наши судьбы.
Ты растворяешь нас, как влага-соль,
В последний час, когда сжимаем губы.

Но это после…
А пока нам дан
Удел – любить, и жить, и торопиться,
И не сгибаться в зимний ураган,
И над землей парить подобно птице.

Как шелкопряды – шелковую нить,
Мы тянем – накреняясь вправо-влево.
Пока она крепка – нам жить и жить!
Пока она цела – у нас есть Время!

И если оборвется,
если вдруг
Она бесшумно ночью оборвется,
Замедлит солнце, совершая круг,
И медленней весенний дождь прольется…

Перевод А. Щуплова

ВСТРЕЧА

Весенний ливень девушку настиг.
Спасаясь от дождя, она успела
К чинару придорожному – и вмиг
В его листве вода зашелестела.

А матери, конечно, не уснуть,
Покуда, завершив привычный путь,

С калитки дочь щеколду не откинет…
Кто знал, что нынче водопад нахлынет?

Быть может, вышла на дорогу мать,
Прислушиваясь: что за шум – не дочь ли?
Ей нелегко спокойно в доме ждать,
Тем более что день стекает к ночи.

Весенний ливень льет, не зная бед,
И вся округа водами объята,
И под синарой молодой сосед
Застрял.
А торопился же куда-то!

Когда бы не дождливая весна,
Их строго бы, пожалуй, осудили…
А нынче – виновата ли она?
И он –
Ее согревший в этот ливень?

Перевод Д. Чконии

* * *

Ветви рванутся и канут в волне,
Ветви стремятся остаться на дне,
Словно боятся они – не того ли,
Как опадает с верхушки листва,
Как осыпаются, будто б от боли,
Так и не высказанные слова.

Ветки рванулись, и заводь запела.
Заводь речная, объявшая тело
Девушки, плавно ступившей в волну.
Словно и девушка вдруг захотела
Телом прижаться к прохладному дну.

Листья разбросаны ветром, как сводки
Осени. Будто в невидимой лодке,
Девушка глубже плывет. На бегу
Волны, отбросив обритые ветки,
Плавно прильнут к долгожданной соседке,
Платье оставившей на берегу.

Ветви опять опускаются ниже.
Уравновесившись, тянутся ближе
К неугомонному пенью реки.
Ветви хотят от забвенья очнуться,
Ветви хотят осторожно коснуться
Тела, не знавшего чуждой руки
Прикосновенья.
Не знают исходу
Этой тоске, ударяясь о воду,
Ветви, когда вечерами сюда
Девушка эта приходит, одежды
Сбросив…
И я замираю тогда,
Ибо крыла неотступной надежды
Мнет и полощет речная вода.

Перевод Д. Чконии

Вахтанг Абхазоу

1958

ГОРНЫЙ ПОТОК

У гор – свои законы, кодекс свой.
Поток, что мчится с гор, он ведь – живой.

В ущелье ветер воет, словно волк.
И вдруг – затих, и мир вокруг – умолк.

Ударил град из перезревшей тучи,
а вышло солнце – он растаял тут же.

От солнца – жизнь! Все в мире им согрето!
В нем весть о том, что скоро будет лето.

Чтобы себя спасти, зима стремится
бежать туда, где вечный снег искрится…

У гор – свои законы, кодекс свой.
Не плюй в поток бегущий – он живой.

БЛАГОРОДСТВО

Человек благородный не топчет цветы.
Человек благородный – творец красоты.

Он идет, уважая природы права,
и вокруг вырастают цветы и трава.

Он не мирится с горем, воюет со злом,
и его ни к чему проверять на излом.

Он шагает в сознанье своей правоты.
Его мысли чисты. Убежденья тверды.

Невозможно дорогу ему перейти –
он идет, и его не своротишь с пути!

Если в мире темно, он раскроет ладонь
и подарит идущим во мраке огонь.

Ни траву не примнет, ни цветок не сорвет,
он с добром и улыбкой по жизни идет.

В его жилах струится горячая кровь,
к самой малой былинке горит в нем любовь.

И, купаясь в любви этой, травы растут
и меж ними – цветы, как улыбки, цветут!..

КОГДА ПРИХОДЯТ СУМЕРКИ

Когда приходят сумерки
и ночь
уже стоит, как путник, у порога,
уходит день,
гонимый тьмою прочь,
в иные дали по земным дорогам.
И там, где слился с морем небосвод,
он исчезает, чтоб вернуться утром,
мне говоря, что неизменен ход

земных времен
и мир устроен мудро.
Но вот вопрос:
«Кто сможет мне помочь
постичь судьбу, дарованную Богом?..»
…Когда приходят сумерки
и ночь
стоит, как путник,
за моим порогом.

* * *

Слезы с небес потекли,
падая в душу земли.

Долы и весь небосвод –
все это – поле невзгод!

Наша планета в беде.
Распря творится везде.

Гибнут абхазы в бою,
землю спасая свою.

С ними и братья, и Бог.
А оккупант – одинок.

Родина – вечно в груди.
Кто ей чужой – уходи!

Плачут леса и поля.
Требует мира земля.

Но неспроста лилась кровь –
мир над Абхазией вновь!

РАДИ ТЕБЯ

За тобой я отправлюсь в дорогу,
что прощается с далью степной
и петляет по горным отрогам,
лишь бы взгляд твой сиял предо мной.

Через горы, гоненья и годы
я уйду по опасной тропе.
Мне удачу пошлет бог охоты –
и с добычей приду я к тебе.

Для тебя я взлечу, словно птица,
в черный купол ночной высоты
и звезду, что всех ярче искрится,
принесу, чтоб светила мне ты.

За тебя отмолюсь и отплачу,
и сиянью небес поклонюсь.
Не оставь меня в жизни, удача,
я за милой своей тороплюсь!

Я живу лишь одною тобою,
ты и жизнь, и отрада моя.
Переполнено сердце любовью.
Кто полюбит тебя – так, как я?

Если надо, я мир весь объеду,
чтоб сказать, как ты сердцу близка,
прошагаю всю нашу планету,
чтоб свое божество отыскать.

Переводы Н. Переяслова

Заира Тхайцук

1966

* * *

Окинула взглядом я этот мир –
свою ладонь.
Насколько он велик,
Если вмещает мою душу…
Одинокую душу…
Скитаюсь…
Утро.
Кричала до вечера.
Забыла того, кто забыл мое имя…
…Глухонемая тишь…
Оставить бы мне свои надежды
В то утро…
Когда просыпалось зеленое поле –
Мое жилище,
Покрыто зеленой косынкой.

* * *

Босая
Сшиваю у неба воздушные полы
Нитью своих волос.
Загорелась румяным солнцем…
Обжигающий воздух.
Это всего лишь июль…

* * *

Собираю я свои надежды,
По крупицам создаю твой образ.
Но боюсь, что растеряю мысли,
И они сокроют милый образ.

* * *

Говорят: клин клином…
Я опять в огне.
В прошлом это было,
Но боль еще во мне.

День мой был угрюмым,
Я все шла вперед.
Тем холодным утром
С тайной наперед.

Говорят: клин клином…
Разве это мне?
Вновь тебя увидев,
Я опять в огне.

Всей душой небесной
Я тянусь к тебе.
Но иную песню
Нам поют теперь.

* * *

Ночь – угрюмый всадник
По ветру летит.
А теперь, уставши,
Он к утру приник.

Занавесью с неба
Льется лунный свет.

И в пустыне неба
Тянется мой след.

Звезды, будто в страхе –
Как бы не уснуть,
Светятся. А всадник
Продолжает путь.

Нет, угрюмый всадник,
Не зови меня!
Я и так блуждаю
На пороге дня.

В этот раз я лучше
Встану до зари
И проснусь лучами
Утренней звезды.

* * *

Лишь однажды небо плачет,
Как всегда – метель, ветра.
Лишь однажды солнце встанет,
А потом – лишь тень одна.

Только раз весна наступит,
Дальше – лето и зима.
Только раз меня ты встретишь,
А потом все жду тебя.

Переводы А. Жиба

Дмитрий Габелиа

1986

***

И снова немое касание
Пальцев холодного ветра,
Я чувствую сил угасание,
Как мерзнут кости и тело.
А ветер, он чувствует силу,
Деревья пощады не просят.
Но я все же ей поклонился:
Царица
здесь
царствует –
Осень.

* * *

Кто слепцу покажет
День, который тает,
Как весенний ветер
Небо укрывает?

Кто глухому скажет
Про опасность града,
Что всегда бурлившая
Та река иссякла?
Кто тому укажет,
Что спалил все крылья,

Рай обетованный,
Где любовь парила?

* * *

Вот мое время!
Дорога зовет,
Ветер крепчает,
Это ли все?!
Свежими листьями
Выстрою дом,
В небо пущу
Колокольчиков звон.
Две судьбы
И одну весну
Я воедино
Соединю.
Высушу море,
Звезду рассмешу.
Твердой походкой
Я прямо иду.
Тенью не лягут
Печали и грусть,
Если смогу я
Продолжить свой путь.
Не пожалею
Тогда ни о чем.
Преодолею!
Мне все нипочем.

* * *

Далёко дует ветер,
Секрет в его шептании,
И солнце ярко светит,
Поведать хочет тайны.

Теперь со мною всюду
Твои шальные чувства.
Куда я ни прибуду,
По-новому все будто.

* * *

Дождинки
ссыпаются дождинки
на меня
ничуть
не жалея себя
помогая
путь пройти
не промочив
моей души
умирают дождинки
лопаются
об меня
обращаясь к небу
ты прости
меня

* * *

думать о человеке – значит гореть
сколько
бессонных ночей
проводил
не скажу зря
сколько
не зная строк
сочинил
надежда жива
сколько
выкурил
сигарет

не горю
не так живу
сколько
я поверил
в вас
думая о вас
не устаю

* * *

осилю строкуоднуно
ненапишусудьбу
прочтустрокусвою
ножизньнет не могу
толькострокуодну –
завершу!..

413 ДНЕЙ

Защитникам Абхазии
1992–1993 гг. посвящается

Самолеты –
ласточки,
с иными именами…
По не вернувшимся из полета
плакали дети,
как по матери.
Вопреки полетам души,
меж молоком и кровью,
теплом оттаявшего сердца,
познавали жар и холод –
413…

От праведности земли,
от мала до велика,

собирали сладкие души,
рушили расколовшийся мир,
криком своим…
Рожденные,
не рожденные
ровным
единым криком.
И не явившись на свет
я знал бы
413…

…Тогда
до прихода тумана
война,
пока глаза на месте,
вместе…
Отступление тумана –
война,
отступление войны –
мир…
До ухода
тумана…

413 дней –
413 черных голубей…
Словно
в первом крике
битвы
рождались новые голуби,
белые,
413…

413 дней
413 победных.

Победили!
теперь бы
«Победить
Победу!»

Иногда
что не сон,
то явь…
А
порою
и явь что сон,
как 413…

413 раз рождался,
столько же умирал…
рождение,
смерть
оставались на равных,
пока шел
Мой 413-й…
Потом осветился один –
день спасения моей
души…

413 дней находившийся под прицелом,
с судьбою, решенной врагом,
меж 413 пулями устоявший,
ни одну не поймавший…
Я – Сын Народа!
Я – Победы Сын!
Ведайте 413!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Абхазская поэзия, как и вся литература, с начала XX в., то есть со времени возникновения, прошла сложный, порою трагический путь становления и развития. И этот путь можно рассматривать в рамках трех периодов (речь идет только о поэзии, а не о всей национальной литературе): 1) начало XX в. – середина 1920-х гг.; 2) конец 1920-х гг. – конец 1950-х гг.; 3) с конца 1950-х гг. до наших дней. А современное (постсоветское) время выделять в отдельный период пока рано; это, скорее всего, переходный этап для всей литературы.

У истоков абхазской поэзии стояли патриарх абхазской литературы Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, И. А. Когониа, М. А. Лакрба и др. Они, прежде всего, опирались на богатейший национальный фольклор, а также на традиции других литератур, особенно русской классики. До середины 1920-х гг. произошли несколько событий, которые имели огромное значение для развития не только поэзии, но и всей национальной культуры. В 1912 г. вышла первая оригинальная книга абхазской литературы – «Стихотворения и частушки» Д. И. Гулиа. В ней опубликованы стихи, в которых звучат фольклорные и библейские мотивы («Абрскил», «Афы», «Владимир», «Блажен тот, кто может все сказать…», «Нищий», «Самое высшее знание», «Змея, Ласточка и Жук», «Слово умершего, затем воскресшего»), первые сатирические произведения («Двое не могли идти, а третий не мог их догнать», «“Милое” созданье», «Гуляка», «Ходжан Большой»). Впоследствии традиции Д. И. Гулиа продолжили поэты Л. Б. Лабахуа, К. Ш. Чачхалиа и др., создавшие немало сатирических стихотворений.

В феврале 1919 г. начала выходить первая общенациональная газета «Апсны» (издавалась до марта 1921 г.),

основателем и редактором которой был Д. И. Гулиа. С ней связаны рождение абхазской журналистики на родном языке, появление некоторых новых жанров и жанровых форм литературы (исторической драмы, романтической поэмы, философских стихов и т. д.). Авторами газеты, кроме Д. И. Гулиа, были будущие классики национальной литературы: С. Я. Чанба, М. А. Лакрба, И. А. Когониа, М. Л. Хашба. Газета сыграла огромную роль в просвещении, повышении национального самосознания абхазов, в борьбе против пороков общества, развитии художественного сознания народа, предложила возможные пути движения национальной литературы, различные способы художественного отражения реальной действительности (реализм, романтизм и т. д.). Среди более ста поэтических произведений, опубликованных на страницах «Апсны», выделяются сатирические стихи Д. И. Гулиа «Скажу тебе о девушке-моднице!..», «Что мне больше надо!..», «Он пришел сюда...»; стихи М. А. Лакрба «В тюрьме» и «Дмитрию Гулиа»; поэма С. Я. Чанба «Она была прекрасна. (Абхазия)» (в последующих публикациях она называлась «Дева гор» – 1925 г., на абхазском и русском языках; перевел на русский поэт-символист В. И. Стражев; «Апсны» — 1934 г.). Кстати, поэма «Дева гор» была в числе первых абхазских поэтических произведений, переведенных на русский язык.

Первый период истории абхазской поэзии завершается книгой И. А. Когониа «Поэмы. Старинные рассказы. (Из жизни абхазов)» (1925). В книге 8 поэм («Абатаа Беслан», «Навей и Мзауч», «Хмыч-охотник», «Как маршановцы уничтожили друг друга», «Зосхан Ачба и сыновья Жаная Беслана», «Мшагу-коротышка и Папба Рашит», «Сван Мырзакан», «Ашуба Данакей и карачаевец Бакук»). Эти поэмы (особенно «Навей и Мзауч», «Абатаа Беслан», «Хмыч-охотник», «Зосхан Ачба и сыновья Жаная Беслана») и ряд стихов Когониа стали высшим проявлением поэтического искусства в абхазской поэзии; они впоследствии оказали большое влияние на развитие абхазской литературы.

Можно сказать, что до середины 20-х гг. поэзия развивалась в разных направлениях, о чем свидетельствует творчество И. А. Когониа. Вместе с тем уже было заметно усиление идеологического компонента в поэтике произведений; постепенно начал превалировать социалистический взгляд на мир, прошлое и настоящее народа. После Когониа поэзия во многом уступила прозе, которая пыталась более масштабно отразить быстро меняющуюся действительность. Но отставание поэзии продолжалось недолго…

Второй период (конец 1920-х гг. – конец 1950-х гг.) отличается волнообразностью развития абхазской поэзии, которая была обусловлена сложными и трагическими историческими процессами. Более или менее стабильное развитие национальной культуры и литературы в 20-х – начале 30-х гг. начало постепенно меняться в опасном направлении после включения в 1931 г. ССР Абхазия в состав Грузинской ССР на правах автономии и принятия новой Конституции Абхазской АССР в 1936 г. Шовинистическая политика ЦК Компартии (1931–1938 гг. его первым секретарь был Л. Берия) и Правительства Грузии в Абхазии поставила абхазский народ и его культуру на грань исчезновения. Для достижения своих целей они по-своему использовали ситуацию, сложившуюся со второй половины 30-х гг. Были репрессированы (расстреляны или сосланы в лагеря) почти вся политическая элита Абхазии и цвет абхазской интеллигенции, в том числе поэты, писатели и ученые (С. Я. Чанба, Д. И. Аланиа, С. М. Ашхацава, С. П. Басариа, М. А. Лакрба, Л. Б. Лабахуа, Н. С. Патейпа, М. И. Тарнава, Ш. И. Хокерба, М. И. Чалмаз, А. И. Чукбар, А. К. Хашба, В. В. Агрба, Ш. Л. Цвижба и др.). В 1941–1945 гг. после нескольких целенаправленных мобилизаций, проведенных в Абхазии, почти все мужчины призывного и среднего возраста (в их числе же оставшаяся после репрессий часть национальной интеллигенции) оказалась на фронтах Отечественной войны. С начала войны с оружием в руках во-

евали писатели А. Н. Джонуа, Ч. М. Джонуа, М. А. Лакрба и др. На разных фронтах героически погибли Л. Б. Квициниа, С. М. Кучбериа, молодые писатели — В. Чичериа, В. Капба, Ш. Ториа, С. Цабриа, П. Ануа, М. Д. Гочуа и др. Спустя несколько лет после демобилизации скончался от ран, нанесенных войной, один из талантливейших поэтов К. К. Агумаа. Вместе с тем в эти тяжелые военные годы грузинские власти создавали условия для искусственной ассимиляции абхазов: выделялись огромные бюджетные деньги для выполнения «важной задачи» военного времени — массовое переселение грузин (вопреки их воли) из Западной Грузии в Абхазию и строительство для них домов, а затем и заселение ими домов выселенных из Абхазии греков.

В конце 30-х – 40-х гг. репрессиям подверглась и национальная культура. В 1938 г. абхазский алфавит на латинской графической основе был переведен на грузинскую графику. Усиление искусственной ассимиляции, нажим на представителей абхазской национальности и т. д. приводили к тому, что даже термины «абхазская литература», «абхазские писатели» и другие начали исчезать из лексики, вместо них появились такие словосочетания, как «абхазский отряд грузинских писателей», «автономный участок грузинской литературы», «литература Западной Грузии» и т. д. Все меньше и меньше выходили книги на абхазском языке. Постепенно прекратилось издание абхазских учебников и других пособий. Была свернута работа творческих организаций. Союз писателей Абхазии с 1942 г. в течение ряда лет даже не имел своего помещения, а издание единственного печатного органа Союза, приостановленного в годы войны, не возобновлялось. Проводились также и другие мероприятия, направленные на умышленную ликвидацию абхазской культуры. Положение не изменялось до смерти Сталина и расстрела Берии.

Самое страшное событие (новое «махаджирство») ждало абхазский народ в 1949 г., когда в Абхазии были проведены все необходимые мероприятия (ко всем же-

лезнодорожным станциям было подогнано огромное количество товарных вагонов и грузовых автомобилей) для выселения абхазов куда-нибудь в Среднюю Азию, откуда уже никогда не возвратили бы, даже после разоблачения культа личности Сталина (например, не были в конце 50-х гг. возвращены тысячи и тысячи греков, выселенных в 1949 г. из Абхазии), ибо национал-шовинистическая политика грузинских властей, прикрытая лозунгом «дружбы народов» и партийными билетами, не прекращалась в течение почти всего XX в. К чему привела эта политика, свидетельствуют кровавые события в начале 1990-х гг.

В таких сложных и трагических обстоятельствах выживала абхазская литература, в том числе поэзия. Литература в основном развивалась в общем «советском» русле. Она пыталась идти в ногу со временем, решала идеологические задачи новой жизни. Основным методом отражения реальной действительности был социалистический реализм. Вместе с тем в абхазской поэзии немалое место занимали лирические стихи, в которых превалировали образ лирического героя, его переживания и духовный мир, а также сатирические произведения.

Достижения поэзии, ее оживление, развитие жанров стихотворения (сатирических, лирических, публицистических стихов), поэмы, баллады в этот период связаны с именами Л. Б. Лабахуа, Л. Б. Квициниа, К. К. Агумаа, Б. В. Шинкуба; многие произведения (в частности, лирические и сатирические стихи, баллады) не укладываются в рамки социалистического реализма.

Несколько слов следует сказать о 40-х гг. В военные и послевоенные годы доминировала поэзия (поэтические сборники: «За родину», «Вперед, на запад», «Песня о родине»; поэма Б. В. Шинкуба «Меч», его же сборник «Стихи», книга К. К. Агумаа «Стихи и поэма» и др.). Во многих произведениях красной нитью проходят темы войны, советского патриотизма (абхазы, как и другие народы СССР, считали эту великую страну своей большой роди-

ной), интернационализма, дружбы народов, борющихся с фашистскими захватчиками. В трагические для абхазского народа 40-е гг. новая тема войны для национальной литературы стала спасительной темой для поэтов; произведениями о войне (к ним можно добавить и любовную лирику) они выражали свои национальные чувства, отводили душу, заглушали боль, обострившаяся в связи с активизацией шовинистической политики грузинских властей в Абхазии.

Во второй половине 1950-х гг. величайшим событием в культурной и литературной жизни Абхазии стало издание на русском языке в Москве («Гослитиздат», 1958) первой и единственной в XX столетии «Антологии абхазской поэзии». После трагических событий середины 30-х – начала 50-х гг. эта книга способствовала реабилитации абхазской культуры и литературы, выходу абхазской поэзии к всесоюзному и мировому читателю, утверждению факта существования самого абхазского народа со своей древней историей и самобытной культурой; этого-то и боялись грузинские националисты, которые делали все, чтобы стереть с этнической карты мира этноним «абхазы».

Редактором «Антологии…» был Д. Н. Голубков, автором развернутого предисловия – Х. С. Бгажба и К. Л. Зелинский. Тексты перевели многие известные русские поэты и переводчики: С. И. Липкин, Я. А. Козловский, В. А. Потапова, А. С. Кочетков, Л. Н. Мартынов, Л. М. Длигач, М. А. Светлов, М. А. Соболь, С. Я. Маршак, В. В. Державин, В. И. Стражев, Б. И. Брик, Д. Н. Голубков, Ю. Д. Левитанский, В.Б.Микушевич,А.М.Кронгауз,Н.С.Тихонов, А.П.Межиров, Н. И. Гребнев, Рюрик Ивнев, А. М. Ревич, В. А. Луговской, В. Н. Соколов, Н. М. Коржавин и др. Книга отражала полувековой опыт абхазской поэзии. В ней представлены образцы устно-поэтического творчества абхазского народа, произведения Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, И. А. Когониа, Вл. В. Агрба, Л. Б. Квициниа, Л. Б. Лабахуа, М. Л. Ахашба, К. К. Агумаа, Б. В. Шинкуба, О. Демердж-ипа, В. П. Анк-

ваб, А. Е. Ласуриа, К. Ш. Аргун, К. Х. Ачба, К. Ш. Чачхалиа, А. Н. Джонуа, Ч. М. Джонуа, А. Т. Аджинджал, П. Х. Бебиа, К. М. Герхелиа, Ш. Л. Цвижба, К. Ш. Ломиа, Дж. К. Тапагуа, С. Л. Сангулиа, Ш. М. Сангулиа, И. К. Тарба, Н. З. Тарба, Г. К. Гублиа, Ш. Х. Пилиа, А. Н. Гогуа, Ш. Е. Чкадуа, Б. М. Тужба, И. Х. Ласуриа.

Третий период (с конца 1950-х гг. до наших дней) – с точки зрения художественного развития, это один из самых сложных и интересных периодов истории абхазской литературы.

Период начинается с восстановления попранных прав абхазского народа, последовавшее после известных событий в 50-х гг. (окончание сталинско-бериевской эпохи, некоторые изменения в политической жизни СССР, осуждение культа личности, начало процесса реабилитации репрессированных народов, деятелей культуры, писателей, ученых и т. д.). Важное значение для развития литературы имели: возвращение алфавита на основе кириллицы, активизация работы по сбору и публикации фольклорных текстов, укрепление материальной базы литературы, расширение издательских возможностей, возобновление работы абхазских школ и издания книг на родном языке. Знаменательным событием стал выпуск двух новых периодических изданий – литературно-художественного и общественно-политического журнала «Алашара» (1955) и детского литературного журнала «Амцабз» (1957). На страницах «Алашара» (главного литературного журнала второй половины XX в.) отразились тенденции развития абхазской поэзии этого периода. Постоянными авторами журнала стали молодые тогда поэты А. Т. Аджинджал, А. Н. Гогуа, К. Ш. Ломиа, П. Х. Бебиа, Н. З. Тарба, М. Т. Ласуриа, Г. К. Гублиа, С. Х. Таркил, Т. Ш. Аджба, Н. Т. Квициниа и др. Часто печатались и поэты старшего поколения: Д. И. Гулиа, К. Ш. Чачхалиа, Б. В. Шинкуба и др.

Как ни парадоксально, в условиях двойной цензуры (общесоветской идеологической и грузинской) абхазская

литература (не вся, конечно) нашла выход из положения – она пошла по пути осложнения поэтического языка, стиля, образной системы, активно используя метафоры (часто развернутые) и символы, создавая художественный текст со скрытыми «подтекстами», в которых скрывались смыслы. Эта тенденция наблюдалась как в поэзии, так и в прозе.

Таким образом, в литературе происходят большие структурные изменения, расширяется тематика. Усложнилась повествовательная структура рассказа, повести и романа, усилилось лирическое начало в поэзии. Изменился характер фольклорно-литературных связей; фольклор продолжает оставаться неиссякаемым источником литературы, но фольклорные сюжеты и образы в художественной структуре произведений претерпевают глубокую трансформацию в зависимости от воли автора и его замысла; порой они превращаются в развернутые (иногда полифункциональные) символы. Усилился поиск новых форм художественного выражения мысли; поражает обилие метафор, символов и т. д. Многие поэты сумели избежать чрезмерной идеологизации, классового подхода к исторической действительности. Поэтому часть произведений не укладывается в привычные рамки «советской» литературы, социалистического реализма, который продолжал господствовать в литературе, в творчестве многих писателей. В поэзии значительное место занимают лирические стихи, лирические черты обретают многие поэмы.

Новые поэтические веяния обнаруживаются в творчестве поэтов – представителей старшего, среднего и молодого поколения: Б. В. Шинкуба, К. Ш. Чачхалиа, А. Т. Аджинджала, М. И. Микая, Т. Ш. Аджба, В. Дж. Амаршана, Р. Х. Смыра, М. Т. Ласуриа, Г. Ш. Аламиа, С. Б. Делба, Г. В. Саканиа, Г. С. Квициниа и др.

История абхазской поэзии свидетельствует о том, что и в советскую эпоху национальная литература была богаче и разнообразнее, чем ее пытаются представить не-

которые современные «либеральные» литературоведы, которые видят в советской цивилизации только негативное.

Современная поэзия, свободная от цензуры, во многом продолжает лучшие литературные традиции прошлых десятилетий, особенно 60–80-х гг. Она пока в поисках новых форм, поэтических средств выражения мысли, осмысления судьбы народа и человека в меняющемся мире. Главное – в эпоху глобальной деградации культуры и уничтожения духовных основ личности не растерять еще сохранившиеся культурные, этические ценности, Апсуару, созданные народом в течение тысячелетия.

Настоящее издание — вторая после «Антологии абхазской поэзии» 1958 г. книга, знакомящая русскоязычного читателя с динамикой абхазской поэзии с начала XX в. до наших дней. Кроме произведений перечисленных выше авторов в нее вошли стихи других поэтов разного поколения: Т. М. Чаниа, Б. А. Гургулиа, С. Х. Таркил, В. А. Ахиба, В. Л. Цвинариа, Р. Дз. Ласуриа, И. Н. Хашба, Д. Б. Зантариа, В. М. Читанаа, Л. С. Тванба, В. П. Касландзия, Д. К. Чачхалиа, А. Я. Лагулаа, З. Ш. Тхайцук, В. К. Зантариа, Э. В. Ажиба, В. В. Абхазоу, В. А. Когониа и др. Среди переводчиков (кроме некоторых переводчиков, фигурировавших в первой «Антологии абхазской поэзии»: С. Г. Сорин, В. М. Лапшин, Ю. П. Кузнецов, Ю. Д. Полухин, А. К. Передреев, Ф. А. Искандер, С. Ю. Куняев, А. В. Бардодым, Н. Г. Патулиди, Н. В. Переяслов, О. Николаева, Е. Чуприна, С. Заславский, И. Евса, Н. Хлебникова, В. Краско, Ю. А. Лакербай, Э. А. Дзыба, А. Ажиба, Л. Пачулиа, Л. Аргун.

В. А. Бигуаа,
доктор филологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Гулиа

Старику 3
Я у моря живу....4
На морском берегу....5
Парус....5
Олень....6
Горы цветут....7
Ходжан Большой....8
Все....9

Иуа Когониа

Моя дорога....11
«Времядвижется...»....12
Добрые песни....12
Абхазия....14
«Темною ночь была...» 14

Леуарса Квициниа

Юность....16
Аква....17
Это, кажется, любовь....17
Я знал их....18
Я знаю 19
Стихи матери....20

Леонтий Лабахуа

Правда 21
Голос Ткварчели 22

Киазым Агумаа

Семя Гыда....32
В саду....33

«Вспыхнул порыв в глубине сердечной…»....35
Абхазские горы....36
Письмо в Апсны....37

Шалуа Цвижба

Писать на Колыму....38
Родник....39
Муза....40
Олениха и олененок....40
Ксудьбе....40
Не спеши....41
Библиотека....41
Не думай обо мне....41

Баграт Шинкуба

Осенний сад....43
Не спрашивай....44
В белой кофточке....45
Ночной листвой....46
Лунным светом озарена....47
Так трудно....47
Густой и белой пены молоко....48
Закатом высвеченный ало....48
С новым счастьем....49
В темное небо....50
Солдат и его сын....51
Члоу....51
Райда-Гуша....52
Пьют за долгую жизнь мою....53
По скале отвесной....54
Хлынул дождь....55
Горы летом....56
Выйду на берег....56
Махаджирская колыбельная....57

Иван Тарба

Пускай годами ты не молода....59
Два моря....59
Пусть она....60

Спит наш город.....61
Лопочет в листве.....62

Чичико Джонуа

Песня ранения.....64
Танцор.....64
Мать.....65
Ливень.....67
Ночь в Члоу.....68

Алексей Джонуа

Цветок.....70
Дуб.....70
Луна.....71
Поэту.....72
«Чудо».....73

Алексей Ласуриа

Под Москвой.....75
Чем хорош мой край.....76
«По сторонам смотрю...».....78
Отчего поседела моя голова.....79
Олюбви.....80

Константин Ломиа

Любовь и родина.....82
Ты бродишь по горам.....83
Может быть.....83
На белой вершине.....84
Мы на утлой лодочке.....85
Помоги человеку.....85
А звезды – почти что как люди.....86
Земля для семени распахнута.....87
След молнии.....87
Думы мои.....88
Огонь.....89

Киршал Чачхалиа

Сонет....91
Служба Чира....91
Малютка Лала....93
«Цветы в Абхазии цветут...»....94
Пчела и цветок....94

Георгий Гублиа

Когда ударяют молнии в воду. 96
О горы....96
Светятся горы 97
Сухумская крепость..... 98
Пальма....99
К морю....100
Счастье разве обмануло?....100

Нелли Тарба

«В чаще сада в час закатный...»....102
«Мама, прошу, сбереги мое платье...»....102
Кто одинок?....103
«Чую, мама, вижу, знаю...»....104
Женихи....104

Анатолий Аджинджал

«Сети тугие раскинула туча...»....106
«На заре раздался конский топот...»....107
«Река ревет...»....107
«Я видел небо звездное не раз...»....109
«Наденут мне на ноги пусть жернова...»....109

Владимир Анкваб

«Однажды увидав тебя...»....111
Мама, где ты? 111
«Я пил вино и воду пил...»....113
Пицундская сосна....113

Константин Герхелиа

Реквием....116
Уаридада....119
Ты ушла. 121
Минута грусти....122
Глухонемой....123

Алексей Гогуа

«Недавно мы были вместе…»....125
Поток....125

Платон Бебиа

Снег приехал....127
Игра без победителя....128
Топор....129
Всемогущая....130
Соринка....131

Мушни Ласуриа

Апсны....133
Осень в Абхазии....134
Форель и соловей....135
«Нет, мудрые колхи, далеким соседям на горе…»....136
Свеча....137

Шамиль Пилиа

В саду....139
«Когда твои лебяжьи руки…»....139
«В небе ласточка кружится…»....140

Борис Гургулиа

«Стонет и мечется сердце во мне…»....141
«Корят, – а я и не скрываю…»....141
«Я опять одинокая птица…»....142
«Что вечером ищут в саду?..»....142
«Вот и кончилось все…»....142

«Белые ночи…» 143
«Детство не играет с нами в прятки…».....144
Когда вернулся, проводив тебя 144
«Сказали б в старину…».....145

Мушни Микая

Исповедь моего времени.....148
Для тебя.....149
Не теряй надежды, друг!.....150
Пой мне, мать 151

Терентий Чаниа

Двор абхаза.....153
Чинар.....154
Снег идет 155
Ребенок.....155
Есть люди.....156

Виталий Амаршан

Весенняя ночь.....157
«Когда вот так спокойно мы сидим…».....158
«– Ворон, ворон, как живешь?..».....159
Ответ тому, кто спросил меня, сколько языков я знаю..160
Спустя века… 161

Борис Тужба

«Мы в детстве здесь в саду с тобою…».....162
«За этой черной шалью…».....163
Моясудьба.....163
«Путь освещал нам свет луны…».....164

Валерий Даутиа

Отцовскиезаветы.....166
Сергею Есенину.....167
Судьба.....168
Дерево и ветер.....168

Прости меня, что я живой.....169
Много лет пролетело.....170

Сарион Таркил

Убили дерево.....171

Таиф Аджба

Бабочка.....173
«Сегодня жить хочу я здесь…» 174
«О нет, не распахну я…».....175
Из сказки.....175
Элегия.....176

Джума Ахуба

Ноша какая.....178
Не то я 179
Ерцаху 180

Рушбей Смыр

«Окунулось красное светило…» 181
Осенним вечером.....181
«Я не допел… я много не успел…».....182
«До чего сегодня ночь прекрасна…».....183
Журавли.....183

Рауль Ласуриа

«До конца б моим песням пропеться…».....185
Мой двор.....186
Как вы живете?.....186
Хатынь.....187
Скала.....188

Геннадий Аламиа

Кони попутно… 190
Наш спутник – море.....191

«Текут ручьи агатовых волос…»....192
«Я думал, ты стоишь передо мной…»....193
«Когда человек остается навечно…»....194

Денис Чачхалиа

Зубры....196
Памяти отца....198
«Куда б ни ушла ты…»....199
Высокий снег....200
Ястреб на продажу....202

Илья Ласуриа

Дерево....204
Воспоминание....204
Памятник поэту....205

Владимир Зантариа

«Еще плывет пятнистая форель…»....206
«Сегодня моря взгляд невозмутим…»....206
Средь шумных, древних городов… 207
По старому следу арбы… 208
Забытое слово 209

Юрий Лакербай

Красят....210
Обычай учит. 211
Черный камень....211
Валит снег 212

Даур Зантария

Сухум....214
Айдуду....214
Песня о нашем брате....215
Кремневый скол....217
«Я стоял на земле, на опоре…»....219

Тауз Исаев

Море....220
«Три пожилые женщины склонились над...»....221
«На море и на горах золотой оттиск...»....222
«И зеркалом был день...»....222
Река....223

Енвер Ажиба

Огненные кони....224
Этой ночью....225
Есть у нас и Родина и песня....225
Мать, зажги свечу, зажги....226
Мужчины, умирая, пели....227

Олег Шамба

Апсны....228
Разговор с Гумистой....229
Бирцха....230
Лыхны....231
Я – махаджир....232
«Я люблю вас, горы снежные!..»....233

Леля Тванба

У моего безмолвия есть голос....234
Одинокая, к морю иду....235
Как прекрасно это небо....235
Что начертано жизнью....236
Знак дружбы....236
Знаю: нет на свете рая....237

Вячеслав Читанава

Мать....239
«Солнце упало в росу...»....240
Сердце....240
Сегодня ночью....241
«Я грустил об уходящем лете...»....242

Саида Делба

«Зажгли огни задолго до меня…»....243
«Рой голосов невидимых…»....243
«Вы забыли меня, а ведь раньше…»....244
«Кто после нас? Ведь кто-то остается…»....245
«Я пью чистоту твою – чистую жажду…»....245
«Это небо меня знает…»....246

Валентин Когониа

«Неповторимы небо и луна…»....248
«Вечерняя пора…»....248
«Улетели птицы далеко-далеко…»....249
«Волна за волною…»....249
«На колени лавровишен…»....250

Гунда Саканиа

Песнь Сатаней....251
«Сентябрь стал пахнуть…»....251
«Одиноко ветру в поле…»....252
«Глядим на луну – желтоглазую…»....253
«Я в горах под сердцем Бога…»....253

Гунда Квициниа

Небо было велико....255
Осень....255
Один лишь миг....256
В лазурном море 257
С тоски просыпаюсь....257

Игорь Хварцкиа

Судьба....259
Цена молчания....260
Лепестки и снежинки. 260
«Могучая волна…»....261
Берег без воды....262

Надежда Венедиктова

«Моя ночная репутация блестящая…»....263
«Конец декабря…»....264
«В естественных условиях кофейни…»....265
«Скульптурно оформленная личная жизнь…»....265

Лев Любченко

Лицо свободы....267
Победа....268
«Не знаю я, может и статься…»....268

Николай Патулиди

Мгла....270
Вершины. Низины....271
Раскололся надвое августовский день....272
Унылый свет....273
Вечер полон....274

Владимир Саблин

Космос – не отвечай....275
Священный миг!....275
Род людской…....276
Дар божественный!....277
Парник Вселенский....278

Сергей Агындиа

Майским берегом ступая....279
Забудь....279
Льетсядождь....280
Где-то там, на горизонте....281
Весна еще не говорит ни слова....281

Артавазд Сарецян

Наири....282
Дед мой....283
Артавазд Второй....284

Екатерина Бебиа

Герою Абхазии Роману Герии....286
«В Акурчапан дорога солона...»....287
«Вечером летним в родимом селе...»....288

Анатолий Лагулаа

Земля....289
Встреча....290
«Ветви рванутся и канут в волне...»....290
Ты не моя....291

Вахтанг Абхазоу

Горный поток....293
Благородство....293
Когда приходят сумерки....294
Слезы с небес потекли....295
Ради тебя....296

Заира Тхайцук

Окинула взглядом я этот мир....297
Босая....297
Собираю я свои надежды....298
Говорят, клин клином....298
Ночь – угрюмый всадник....298
Лишь однажды небо плачет....299

Дмитрий Габелиа

«И снова немое касание...»....300
«Кто слепцу покажет...»....300
«Вот мое время!..»....301
«Далеко дует ветер...»....301
«Дождинки...»....302
«Думать о человеке – значит гореть...»....302
«Осилю строку одну но...»....303
413 дней....303
Послесловие. *В. Бигуаа*....306

АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Редактор *Б. Нармания*
Корректор *Г. Рыженкова*
Художник *Р. Габлиа*
Верстка *А. Аджинджал*

Формат 84x108 1/32. Тираж 500.
Физ. печ. л. 10, 25. Усл. печ. л. 17, 22
Заказ №...

Отпечатано в ООО «Флер-1»
350058, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2